ВОЕННО-НАУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

[redacted]

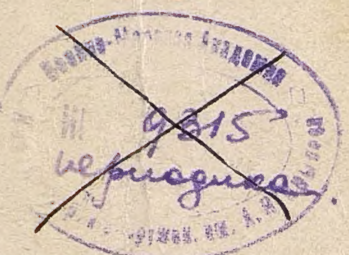
Экз. № 78

СБОРНИК ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВЫПУСК

16

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1955

ВОЕННО-НАУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

[redacted]

Экз. № 78

СБОРНИК
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВЫПУСК

16

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1955

В составлении и подготовке к печати материалов Сборника принимали участие полковник НАЗАРОВ П. В., полковник ЧУРИКОВ К. П., подполковник ЗАЙЦЕВ И. Е. и майор ГЛАГОЛЕВ И. М.

Ответственный редактор
генерал-лейтенант ПЛАТОНОВ С. П.

В книге пронумеровано всего 168 страниц.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем выпуске Сборника военно-исторических материалов Великой Отечественной войны публикуются переведенные на русский язык брошюры, посвященные описанию действий немецко-финских войск на северном участке советско-германского фронта в 1941—1944 гг., а также материалы из бюллетеней, дневников и других служебных изданий немецко-фашистского командования и выдержки из показаний генералов и офицеров бывшей немецко-фашистской армии о Вооруженных Силах Советского Союза за период 1941—1945 гг.

В первом разделе настоящего выпуска Сборника помещены брошюра Вальдемара Эрфурта «Проблема Мурманской железной дороги во время последней войны Финляндии» и брошюра Германа Хёльтера «Армия в Арктике».

Первая брошюра была издана в 1952 г. в г. Хельсинки на шведском языке. Написана она генералом пехоты бывшей немецко-фашистской армии Вальдемаром Эрфуртом — воспитанником старой прусской школы, одним из видных германских авторитетов в области военной теории. Автор широко известен в военных кругах Англии, Франции и США как последователь учений Фридриха II, Клаузевица, Мольтке и Шлиффена. Глубоко убежденный в правильности учения Шлиффена, он настойчиво защищал идею «современных больших Канн».

В предвоенный период Эрфурт часто выступал с отдельными статьями в периодической печати и являлся фактическим руководителем военно-теоретического органа германского генерального штаба — журнала «Милитервиссеншафтлихе Рундшау». С 1938 по 1941 г. он, будучи пятым обер-квартирмейстером генерального штаба, непосредственно возглавлял военно-исторический и военно-научный отделы.

В период 1941—1944 гг. Эрфурт являлся начальником германской военной миссии в Финляндии и осуществлял связь между верховным командованием вооруженных сил фашистской Германии и генеральным штабом финской армии. С 1944 г. до конца войны он состоял генералом для особых поручений при верховном командовании вооруженных сил.

После поражения гитлеровской Германии Эрфурт сдался в плен американским войскам и до 1949 г. находился под надзором оккупационных властей западных держав. В настоящее время он является постоянным сотрудником выходящего в Западной Германии реваншистского журнала «Вервиссеншафтлихе Рундшау», на страницах которого им был опубликован ряд статей, посвященных немецко-финскому сотрудничеству в период войны.

Труд Вальдемара Эрфурта посвящен описанию военных действий немецко-финских войск в 1941—1942 гг. на северном участке советско-германского фронта. В брошюре рассматриваются неудачные

1* Зак. 1311с

наступательные действия немецко-финских войск по захвату Мурманской железной дороги в 1941—1942 гг.

Главное внимание автор уделяет выявлению причин военного и политического характера, мешавших осуществлению намеченного стратегического плана.

Одной из причин провала наступления на Мурманскую железную дорогу автор считает трудности, вытекающие из особенностей данного театра военных действий, с которыми встретились немецко-финские войска и которые не были полностью учтены не только немецким, но и финским командованием. Второй причиной неуспешных действий на северном участке фронта автор считает отсутствие достаточного количества войск, необходимых для успешного решения поставленной задачи, и равномерное распределение имевшихся сил по трем направлениям. И, наконец, не менее важной причиной неуспеха, по мнению автора, было наличие на одном театре военных действий двух самостоятельных командований, представлявших разные державы.

В брошюре имеются исторические неточности, а в отдельных случаях и прямое извращение фактов. Так, например, говоря о возникновении так называемой «проблемы Мурманской железной дороги», автор совершенно умалчивает о том, что эта «проблема» появилась в результате притязания немецких империалистов на районы советского Крайнего Севера с его огромными богатствами. Кроме того, автор вопреки всем известной истине, что Финляндия получила независимость в результате Великой Октябрьской революции в России, стремится доказать, что «Финляндия с помощью немцев получила в 1918 году независимость».

Брошюра Германа Хёльтера «Армия в Арктике» была издана в г. Бад-Наугейме (Западная Германия) в 1953 г. на немецком языке.

Автор ее — генерал-лейтенант бывшей немецко-фашистской армии, участник боевых действий на Крайнем Севере с первого до последнего дня войны. Вначале он был начальником штаба группы «Немецкого генерала при главном командовании вооруженных сил Финляндии», затем соответственно начальником штаба 36-го и 19-го горно-стрелковых корпусов, а с марта 1944 г. и до конца войны — начальником штаба 20-й немецкой горной армии.

После капитуляции фашистской Германии Герман Хёльтер находился в зоне оккупации западных держав под надзором оккупационных властей. Он активно участвовал в создании так называемых «солдатских союзов». В настоящее время Хёльтер является сотрудником реваншистского журнала «Веркунде» и различных солдатских газет. В своих статьях, опубликованных на страницах журнала и в газетах, он ратует за возобновление сотрудничества с бывшими «братьями по оружию» и создание нового нацистского вермахта.

Вышедший труд Германа Хёльтера «Армия в Арктике» также посвящен сотрудничеству немецких и финских войск во время последней войны и описанию их совместных действий на северном участке советско-германского фронта с 1941 по 1944 г. Однако в отличие от брошюры Эрфурта «Проблема Мурманской железной дороги во время последней войны Финляндии» Хёльтер в своем труде основное внимание уделяет описанию действий немецко-фашистских войск на заключительном этапе войны.

В своей работе Герман Хёльтер изображает немецко-фашистских захватчиков как друзей финского народа и «защитников западной культуры от большевиков». Много места он уделяет описанию умения и героизма своих войск и командования, которые, как он утверждает, с честью вышли из, казалось бы, безнадежного положения и одержали верх над природой и противником. Все же в ряде мест он вынужден признать, что

советские войска действовали весьма активно и умело. Так, например, автор указывает, что отход немецких войск на кандалакшском и рованиемском направлениях «осуществлялся планомерно до тех пор, пока русские, пройдя по бездорожной, покрытой девственным лесом пустынной местности, не преградили путь двигающейся по основной дороге колонне немцев восточнее Кайралы. Одновременно (10—11 сентября), — продолжает Хёльтер, — противник появился на участке восточнее Корьи (к северо-востоку от Саппы). Находившиеся там наши части прикрытия были опрокинуты. Русские под огнем форсировали р. Тунтсу, навели мост и вышли на дорогу Саппа — Корья, причем этот путь проделали не только пехота, гужевой и вьючный транспорт, но и танки Т-34. Такой неожиданный для нас рейд свидетельствовал о замечательном умении противника действовать в лесистой местности».

В целом весь материал, имеющийся в указанных брошюрах, несмотря на тенденциозность его изложения, представляет известный интерес для советских генералов и офицеров, поскольку он может оказать определенную помощь при изучении боевых действий в условиях Заполярья.

Во втором разделе настоящего выпуска Сборника публикуются переведенные на русский язык материалы из разведывательного бюллетеня германского генерального штаба сухопутных войск, выдержки из дневника бывшего начальника германского генерального штаба сухопутных войск и других документов немецко-фашистского командования, выдержки из показаний генералов и офицеров бывшей немецко-фашистской армии о Вооруженных Силах Советского Союза в предвоенный период и их действиях в ходе войны, а также выдержки из брошюры «Методы боевых действий русских войск во второй мировой войне».

В помещаемом материале приводятся данные, отмечающие как положительные, так и отрицательные стороны, с точки зрения немецкого командования, генералов и офицеров бывшей немецко-фашистской армии, имевшиеся в подготовке и действиях Советской Армии в минувшей войне.

При использовании материалов настоящего выпуска Сборника необходимо к ним подходить критически, а также учитывать особенности каждого из приводимых документов.

Разведывательный бюллетень германского генерального штаба «Вооруженные Силы Советского Союза по состоянию на 1 января 1941 г.» был составлен по данным немецкой разведки и являлся совершенно секретным документом командования. Он предназначался только для высших командных инстанций (группа армий, армия и корпус) сухопутных сил фашистской Германии. Поэтому все имеющиеся в нем данные по оценке мобилизационных возможностей и боевой готовности Советской Армии, ее технического оснащения, методов боевой подготовки, степени подготовленности командного и рядового состава отражали официальную точку зрения немецкого командования.

Дневник бывшего начальника генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковника Гальдера представляет собой личные его записи за период с 1939 по 1942 г. В дневнике излагается личное мнение генерала Гальдера как начальника генерального штаба и оценки, которые давало гитлеровское командование состоянию Вооруженных Сил Советского Союза перед войной, а также событиям, происходившим на советско-германском фронте в 1941—1942 гг.

Остальные документы, помещаемые в настоящем выпуске Сборника, — «Отчет командования 3-й танковой группы», «Опыт борьбы с танками на восточном фронте», «Директивные указания об оборудовании оборонительных позиций», «Боевой опыт группы армий «Северная

Украина» и «Боевая документация 6-й армии» — были разработаны генеральным штабом сухопутных войск, а также штабами групп армий и армий в период войны и предназначались для командования и войск.

Публикуемые материалы — высказывания генералов и офицеров бывшей немецко-фашистской армии о Вооруженных Силах Советского Союза в период Великой Отечественной войны — включают в себя выдержки из протоколов допросов бывших военнопленных немецких генералов и офицеров и их собственноручных показаний, а также высказывания немецких генералов и офицеров, находившихся в плену у англо-американцев. Наряду с объективными показаниями в них часто встречается умышленное стремление высказать восхищение деятельностью советского командования и войск с тем, чтобы по возможности реабилитировать себя и добиться снисхождения с нашей стороны.

Брошюра «Методы боевых действий русских войск во второй мировой войне» была написана группой военнопленных немецких генералов и офицеров, находившихся в лагерях при историческом отделе американской армии в Европе, и выпущена министерством армии США в 1950 г., в качестве руководства для подготовки американских вооруженных сил. Основное внимание в брошюре уделяется разбору методов ведения боевых действий Советской Армией и выявлению сильных и слабых сторон в подготовке и действиях войск.

Все пожелания и замечания по публикуемым в настоящем выпуске Сборника материалам просьба направлять в Военно-научное управление Генерального Штаба.

РАЗДЕЛ I

Вальдемар ЭРФУРТ

ПРОБЛЕМА МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ВО ВРЕМЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЫ ФИНЛЯНДИИ

(Перевод с шведского)

ОТ АВТОРА

Проблема совместного ведения войны немцами и финнами, которой посвящена эта небольшая книга, была в центре всех дискуссий во время первой и особенно в период второй мировой войны; и, несмотря на это, она так и не была разрешена. Я попытаюсь выяснить, почему все попытки выйти к Мурманской железной дороге и перерезать ее были обречены на неудачу и каким образом эта проблема все же могла быть разрешена.

Ввиду все возрастающего стратегического значения полярных районов — на что справедливо и обстоятельно указывал А. Л. Ратклифф в мартовском номере журнала «Вервиссеншафтлихе Рундшау» за 1952 год — Мурманское побережье и ведущая туда железная дорога будут играть важную роль также и во всех будущих стратегических планах. «Мурманская железная дорога имеет для Советского Союза, несомненно, огромное военное значение не только как средство доставки военной техники и продовольствия из Америки и Англии, но и как жизненно важное связующее звено между Россией и ее союзниками. Быстрейшая нейтрализация этой линии связи **имеет первостепенное значение»,** — писал маршал Маннергейм фельдмаршалу Кейтелю 4 декабря 1941 года.

Хотя политическая обстановка в мире после второй мировой войны значительно изменилась, Мурманская дорога попрежнему остается для Советского Союза важным фактором ведения войны. Тот, кто имеет дело с областями в районе Северного полярного круга и занимается вопросами их стратегического значения, поступит умно, если включит в свои расчеты Мурманскую железную дорогу.

1. СТРОИТЕЛЬСТВО МУРМАНСКОЙ ДОРОГИ

Мурманское побережье представляет собой цепь гранитных скал, изрезанных глубокими бухтами и заливами. Прибрежная местность носит характер местами заболоченной тундры, покрытой мхом, травой и редким лесом. Омывающие побережье теплые морские течения из Атлантики делают эту часть моря доступной для судоходства в течение круглого года.

Вплоть до 1916 года Мурманск состоял всего лишь из нескольких бревенчатых хижин бедных рыбаков, однако после завершения строительства железнодорожной линии между побережьем и Петроградом в 1915—1916 годах город стал быстро расти. В течение короткого времени в этой единственной незамерзающей гавани Северной России появились многочисленные сооружения крупной базы флота: хорошие якорные стоянки для судов всех классов, причалы, верфи, доки, огромные склады, сортировочные станции, современные жилища для рабочих, электрические и водопроводные станции, больницы, маяки и радиостанции.

Железная дорога, проходящая по диким районам почти незаселенной и сплошь изрезанной бесчисленными болотами и озерами Восточной Карелии, строилась ценой невыразимо мучительного труда и жертв. Вряд ли во всей Европе найдется местность более дикая и отдаленная, чем эти покрытые девственными лесами и болотами обширные незаселенные просторы между восточной границей Финляндии и Белым морем. Появление железнодорожной связи между Мурманском и Петроградом вдохнуло новую жизнь в эти дикие карельские просторы и принесло с собой мощный экономический расцвет.

Наряду с экономическим развитием Мурманска возросло и его стратегическое значение. После 1917 года в военной политике появилась «проблема Мурманской железной дороги».

Актуальность этой проблемы стала ощутимой сразу же после того, как вслед за Октябрьской революцией в России Финляндия с помощью немцев получила в 1918 году независимость. Обеспокоенные возможностью совместных финско-германских действий против Мурманской железной дороги, англичане высадили на Мурманском побережье экспедиционный корпус и заняли железную дорогу. Однако ввиду наступления союзников во Франции в июле 1918 года никаких военных действий со стороны немецких войск в районе Мурманской дороги не последовало. Наоборот, ухудшение военного положения вынудило немцев вывести свои войска из Финляндии. После подписания перемирия 11 ноября 1918 года Финляндии пришлось строить свои отношения с западными державами на новой основе. Мурманская дорога с военного поля зрения западного мира отступила на задний план.

2. НЕМЕЦКО-ФИНСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА МУРМАНСКУЮ ДОРОГУ ЛЕТОМ 1941 ГОДА

С самого начала немецкого наступления на Востоке во время второй мировой войны Мурманск приобрел большое стратегическое значение как порт разгрузки военного имущества, доставляемого в Советский Союз арктическим путем из Англии и США. Было ясно, что немцы и финны попытаются выйти к Мурманской железной дороге и перерезать пути сообщения Советского Союза с Мурманском.

Осуществление этой задачи выпало на долю немецкой армии «Норвегия» под командованием генерала фон Фалькенхорста со ставкой в Рованиеми. Основные силы финской армии под командованием маршала Маннергейма получили задачу наступать на юг вначале восточнее, а затем и западнее Ладожского озера для соединения с немецкой группой армий «Север» в районе Ленинграда. В то время как наступление финских войск развивалось весьма успешно (в течение лета они достигли внешней линии обороны Ленинграда и вышли на реку Свирь), немецкой армии на севере становилось все труднее и труднее выполнять поставленную перед ней задачу.

Немецкие и финские силы, объединенные в одну армию под командованием фон Фалькенхорста, действовали тремя группами, отделенными

одна от другой широкими пространствами леса и пустошей. Таким образом, каждая из этих групп, будучи изолирована от других, была вынуждена сама прокладывать себе путь по диким пространствам Карелии.

На правом фланге этой армии действовал 3-й финский армейский корпус в составе двух дивизий (3-я дивизия и так называемая дивизия «I» под командованием генерала Сииласвуо). Этот корпус наступал из района Суомуссалми — Куусамо через Ухту и Кестеньгу на пункт **Лоухи**, расположенный на Мурманской железной дороге.

Среднюю группу составляла немецкая «Оперативная группа 36» под командованием генерала Фейге. В ее состав входили: 169-я немецкая дивизия, одна треть 163-й дивизии [1], бригада СС «Север» и 6-я финская дивизия из состава 3-го армейского корпуса, действовавшего южнее. Задачей этой группы было овладение Кандалакшей на побережье Белого моря.

На левом фланге армии действовал горно-стрелковый корпус генерала Дитля в составе 2-й и 3-й горно-стрелковых дивизий. Этот корпус наступал из района Петсамо через прибрежную тундру на Мурманск.

Участки фронта групп во время войны соответственно задачам наступления назывались: «Лоухи», «Кандалакша» и «Мурманск».

В ходе военных действий в Северной Финляндии поставленные войскам задачи оказались неосуществимыми. Несмотря на тяжелые, кровопролитные бои, в которых войска проявили высокий боевой дух, наступление захлебнулось на полпути, и на всех трех участках пришлось перейти к позиционной войне. После этого уже ни разу не удалось возобновить наступление, ибо необходимых для этого сил предоставлено не было. На направлениях Мурманск и Лоухи русские неоднократно переходили в контрнаступление и, оказывая на немецкие и финские войска сильнейший нажим, часто ставили их в критическое положение.

Особые трудности военных действий на просторах Карелии нашли свое яркое отражение в переговорах между ставкой финской армии в Миккели и немецкой ставкой в Рованиеми. В ходе переговоров обе стороны пытались совместно найти способ избежать частых кризисов, не упуская, однако, из поля зрения основную стратегическую цель — Мурманскую железную дорогу.

В Финляндии не было сквозной железной дороги между портами Финского залива и Северным Ледовитым океаном. Такая дорога позволила бы быстро перебрасывать войска с одного участка фронта на другой. Что же касается Красной Армии, то благодаря наличию построенной во время первой мировой войны Мурманской железной дороги она могла быстро сосредоточивать свои силы у восточной границы Финляндии именно в том месте, где она этого хотела. Имевшаяся в распоряжении финнов шоссейная дорога Рованиеми — Петсамо (так называемая дорога «Северного Ледовитого океана», строительство которой было закончено в 1929 году) не могла восполнить отсутствие железной дороги, к тому же у финнов не было достаточного количества грузовых автомашин для осуществления крупных перебросок войск. Таким образом, в отношении путей подвоза русские имели бесспорное преимущество перед немцами и финнами.

Рельеф театра военных действий делал любое продвижение к Мурманской железной дороге с запада практически невозможным. Никакая укрепленная зона не может быть более благоприятной для обороны, чем дикие пространства, раскинувшиеся между восточной границей Финляндии

[1] Эта дивизия, носившая название «Энгельбрехт», была переброшена из Норвегии через территорию Швеции и передана Гитлером после нападения на Россию в распоряжение Маннергейма. Основные силы дивизии участвовали в наступлении на Свирь.

и Мурманской дорогой. Непроходимый и закрытый характер местности в Карелии обеспечивает железной дороге надежную защиту от любой угрозы с запада. Через лесные массивы проходят немногочисленные и в основном труднопроезжие дороги, что почти полностью исключало движение по ним.

Совершенно очевидно, что даже финны в достаточной степени не учли это своеобразие театра военных действий, ввиду чего план операций против Мурманской дороги, в разработке которого финская ставка принимала активное участие, не был лишен целого ряда прорех. Вплоть до наступления так называемой «Карельской армии» летом 1941 года финны не имели какого-либо практического опыта ведения маневренной войны в составе крупных соединений и лишь смутно представляли себе бездорожье Восточной Карелии. Поэтому они пришли к ошибочному выводу, что там можно наступать только рассредоточенными силами, так как дороги обеспечивают снабжение лишь ограниченного количества войск. Такого же ошибочного мнения, когда речь шла о составе Карельской армии, придерживались Маннергейм и начальник его генерального штаба в отношении местности восточнее Ладожского озера.

Под влиянием таких неверных взглядов действовал также генерал Дитль, который не возобновил наступление на Мурманск, после того как был остановлен в сентябре 1941 года. Он считал, что обеспечить снабжение войск, необходимых для захвата Мурманска, на месте не удастся. Советское наступление на позиции 19-го немецкого армейского корпуса в районе реки Западная Лица 7 октября 1944 года доказало, однако, что через тундру могут наступать силы значительно большие, чем две дивизии (наступавшие русские имели, повидимому, восьмикратное превосходство). Мне кажется совершенно бесспорным, что обстановка в районе Кандалакши также позволяла создать действительно ударный кулак (железная дорога из Кемиярви вела прямо к позициям 36-го армейского корпуса). Наконец, маршал Маннергейм неоднократно говорил мне, что генерал Сииласвуо достиг бы Мурманской дороги в районе Лоухи, если бы в его распоряжение была выделена еще одна дивизия. Я согласен с финским маршалом в том, что генерал Сииласвуо, возможно, выполнил бы свою оперативную задачу, если бы во-время получил обратно свою 6-ю дивизию. Да и вообще возможность сосредоточить большее количество войск на каждом из трех участков фронта в Северной Финляндии, несомненно, была.

Равномерное распределение сил немецкой «Норвежской армии» на трех ее участках фронта (по одной оперативной группе в составе двух дивизий на каждом участке) не создавало благоприятных предпосылок для удачного исхода операций. В течение всей войны нам ни разу не удалось образовать действительно ударный кулак на каком-либо участке фронта в Лапландии.

В своей книге «О войне» (глава 9 — «План войны, когда цель заключается в сокрушении неприятеля») Карл фон Клаузевиц писал:

«Всегда бывает хуже всего, когда **два** независимых полководца двух разных держав находятся **на одном и том же** театре военных действий...»

Это «хуже всего» имело место в Финляндии в течение всей войны. В Миккели командование осуществлял маршал Маннергейм, подчинявшийся финскому правительству, а в Рованиеми — немецкий главнокомандующий генерал фон Фалькенхорст (впоследствии Дитль), получавший приказы из ставки Гитлера. Этот дуализм объясняет многие недостатки в совместном ведении военных действий. Подобная форма сотрудничества исключала возможность постановки единых оперативных задач на всем финском театре военных действий. Непонятно, почему в ходе дискуссий в

немецких кругах до начала войны с Россией не был поднят и разрешен вопрос о едином, центральном руководстве боевыми операциями.

Военными действиями на огромном пространстве от Черного моря до Северного Ледовитого океана могли руководить только немцы. Это само собой разумеющееся требование не было соблюдено лишь потому, что главнокомандующий сухопутных сил (ОКХ) передал руководство операциями немецкой «Норвежской армии», действовавшей на территории Финляндии, верховному командованию вооруженных сил (ОКВ), в руках которого с самого начала было сосредоточено командование немецкими войсками в Норвегии. Кроме того, Гитлер дал указание начальнику своего штаба (штаб оперативного руководства) установить с Финляндией контакт по вопросу об ее участии в войне лишь после того, когда уже нельзя будет скрывать намерений Германии. Поэтому до начала военных действий немцы избегали решения вопроса о едином командовании, а финны, разумеется, не испытывали никакого желания передать свои вооруженные силы в распоряжение немецкого верховного командования. Поэтому совместное ведение немцами и финнами военных действий против Советского Союза имело все особенности коалиционной войны.

Эта коалиция была весьма свободной: между Финляндией и Третьей империей не существовало никаких договорных уз. Финское правительство упорно настаивало на том, что Финляндия и Германия координируют свои действия, являясь не союзниками, а «совместно воюющими сторонами». Солдаты называли это компаньонство «братством по оружию».

В коалиционной войне, проводимой неравными партнерами, отношения дружбы и доверия могут существовать лишь на основе полного равноправия. Меньшее государство никогда не должно чувствовать, что сильный партнер хочет злонамеренно использовать свое превосходство. Лишь откровенность и честность в официальных связях могут создать хорошие отношения, не подверженные влиянию временных неудач и расхождений во мнениях. Более сильное государство должно оказывать свою помощь великодушно и без особых условий, не вызывая в то же время у маленькой страны угнетающего чувства зависимости и не подрывая ее веры в свои силы. Немецкое военное руководство сумело найти правильную тактическую форму взаимоотношений с маршалом Маннергеймом и финскими вооруженными силами и придерживалось ее до самого конца, не встречая при этом каких-либо помех со стороны Финляндии.

Немцы стремились наилучшим образом использовать существующую неполноценную форму сотрудничества, но уже очень скоро почувствовали все ее недостатки. Противоречивость сообщений и предложений, поступавших в руки немецкого военного руководства из Миккели, с одной стороны, и из Рованиеми — с другой, становилась все более разительной.

Единая оценка всех вопросов ведения войны в районе между Финским заливом и Северным Ледовитым океаном была бы возможна лишь при наличии общего главнокомандующего для всего этого театра. Единственным кандидатом на эту должность мог быть только маршал Маннергейм. Немцы даже неоднократно намеревались разрешить вопрос именно в этом плане, но, к сожалению, дальше намерений дело не пошло, что принесло большой ущерб совместному ведению операций. В Финляндии же особой радости по поводу планов централизации военного руководства не высказывали. Когда 23 ноября 1941 года заместитель начальника генерального штаба финской армии обсуждал со мной итоги неудачного летнего наступления на Мурманскую железную дорогу, он подчеркнул, что его соотечественники считают более желательным сохранение раздельного военного руководства, несмотря на очевидные отрицательные стороны такого положения. Финны, несомненно, опасались, что в случае

перехода командования в руки Маннергейма Финляндия не получит больше военных подкреплений из Германии.

Когда я после многократных безуспешных попыток передал, наконец, Маннергейму 29 июня 1944 года официальное предложение принять на себя общее командование, то получил отрицательный ответ. Маннергейм заявил, что чувствует себя слишком старым даже для выполнения своих обязанностей главнокомандующего финской армией и поэтому не может взять на себя еще большую ответственность. Формулировка и мотивировка этого отказа были лишь учтивым предлогом; главным же мотивом являлись политические соображения. Если бы Маннергейм стал главнокомандующим всех войск на финском театре военных действий, то это неизбежно привело бы к подчинению самого Маннергейма, а тем самым всей финской армии верховному командованию германских вооруженных сил. Подобное подчинение было совершенно немыслимо, так как оно не могло быть осуществлено в государственно-правовом плане. Правительство Финляндии, не имевшее даже союзного договора с Германией и проводившее вполне самостоятельную внешнюю политику, никогда не согласилось бы на передачу своих вооруженных сил в распоряжение иностранного командования. Для принятия подобного серьезного решения требовалась уже такая степень самоотречения, на которую Финляндия не пошла бы даже в случае крайней нужды.

В заключение следует отметить, что разрешить вопрос о едином верховном командовании в Финляндии во время войны с СССР **было невозможно.** В коалиционной войне политические соображения всегда превалируют над соображениями военными. Третья империя не сумела заранее, до начала войны с Россией, внести ясность в вопросы военной политики, заключив договор с Финляндской республикой и согласовав с финнами пути достижения общих военных целей.

3. ЛЕТНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ «НОРВЕЖСКОЙ АРМИИ»

Вскоре после начала наступления стало ясно, что при существовавшей группировке сил вряд ли можно рассчитывать на достижение какого-либо результата. Пытаясь прорваться к Мурманской дороге одновременно на всех трех участках, наступавшие взяли на себя явно непосильную задачу. Поэтому командование армии попыталось возобновить захлебнувшееся наступление хотя бы на одном из участков фронта. Вопрос состоял лишь в выборе района наступления, но выбор его то и дело менялся, вследствие чего войска неоднократно перебрасывались с одного участка фронта на другой, части и соединения смешивались и дробились, а необходимый ударный кулак так и не был создан. Какой бы пункт Мурманской дороги не избирался, командование армии постоянно считало, что для его захвата необходимо участие в наступлении **крупных сил финских войск.** Однако добиться по этому вопросу соглашения так и не удалось, ибо взгляды маршала Маннергейма относительно наиболее подходящих форм руководства наступлением на Мурманскую железную дорогу резко расходились с точкой зрения генерала фон Фалькенхорста, и, кроме того, основные силы финской армии были заняты в наступлении восточнее и западнее Ладожского озера. Да и вообще, не располагая особым избытком войск, финский главнокомандующий считал своей основной задачей наступать максимально возможными силами на Свирь, чтобы осуществить намеченное соединение с наступавшей через р. Волхов немецкой группой армий «Север». Вопрос о том, на каком из участков северного фланга восточного фронта осуществить наступление главными силами, могло четко решить лишь высшее немецкое военное руководство; однако

оно постоянно ограничивалось ролью посредника между Миккели и Рованиеми, стоящими на противоречивых позициях, и стремилось найти бодрые компромиссы, отнюдь не улучшавшие положения.

Уже вскоре после прорыва горно-стрелкового корпуса из Петсамо к Мурманску в конце июня 1941 года на этом участке фронта возник первый кризис. На реке Западная Лица наступавшие немецкие войска встретили ожесточенное сопротивление. Когда же русские высадили десант в тылу корпуса и у последнего не оказалось резервов для его отражения, Маннергейм был вынужден послать на помощь полк финской армии (14-й пехотный полк). Одновременно (7 июля 1941 года) ОКВ издало следующий приказ:

«После падения укрепленного района Салла [1] дальнейшее наступление на Кандалакшу может развиваться меньшими силами и во взаимодействии с частями 3-го финского армейского корпуса.

Необходимо перебросить подкрепления горно-стрелковому корпусу, с тем чтобы он мог как можно скорее начать наступление на Мурманск. Командование «Норвежской армии» совместно со «Штабом связи «Север» [2] должно выяснить, могут ли для этой цели быть переброшены финские войска... Кроме того, дислоцированные в Финляндии и недавно усиленные военно-воздушные силы должны поддержать наступление горно-стрелкового корпуса, не допустить внезапного удара противника с моря по левому флангу корпуса и вести наблюдение за морем».

Следовательно, этот приказ предусматривал, наконец, создание в районе действий немецкой армии в Северной Финляндии ударного кулака для наступления на **Мурманск.**

Однако руководство «Норвежской армии» действовало не в соответствии с этим приказом немецкого верховного командования. После взятия Саллы оно бросило все имевшиеся в его распоряжении силы в наступление на Кандалакшу. Тем самым 36-й горно-стрелковый корпус был втянут в тяжелые бои, длившиеся до конца августа.

2 августа 1941 года пришел новый приказ фюрера о дальнейших операциях на финском фронте. Действующей на севере Финляндии армии была поставлена новая задача — перенести центр тяжести боевых действий **на фланговые участки фронта.** В приказе содержалось указание приостановить наступление на Кандалакшу. Задача перерезать Мурманскую железную дорогу на участке Лоухи возлагалась лишь на 3-й финский армейский корпус. На «норвежском» участке фронта горно-стрелковый корпус получил задачу устранить угрозу со стороны противника на направлении Мотовского залива. Корпус усиливался 6-й горно-стрелковой дивизией.

Все имеющиеся в распоряжении командования силы предусматривалось придать 3-му финскому армейскому корпусу, особенно с участка фронта 36-го горно-стрелкового корпуса. Кроме того, ряд войсковых частей командование должно было передать «Карельской армии» [3].

Если же наступление 3-го финского армейского корпуса окончилось бы неудачей, то предусматривалась передача приданных ему немецких частей (в том числе бригада СС «Север») в распоряжение командования «Карельской армии».

Главная задача 5-го воздушного флота заключалась в оказании поддержки горно-стрелковому корпусу. Кроме того, он должен был

---

[1] Он был взят также 7 июля.

[2] Впоследствии «Штаб связи «Север» именовался «Штабом немецкого генерала при ставке главнокомандующего вооруженными силами Финляндии». (Прим. ред.)

[3] «Карельская армия» действовала восточнее Ладожского озера. Она была образована в результате объединения единым командованием двух армейских корпусов.

поддержать наступление 3-го финского армейского корпуса в том районе, где оно получит наибольшие шансы на успех.

Из этого приказа фюрера можно сделать вывод, что центр тяжести операций на финском театре военных действий переносился далеко на юг. Это решение полностью соответствовало мнению финского главнокомандующего. Маннергейм надеялся, что действовавшая на кандалакшском направлении 6-я финская дивизия будет после приостановки наступления возвращена 3-му армейскому корпусу. Восстановление единства между различными частями этого армейского корпуса радовало финского главнокомандующего не только по принципиальным мотивам, но и в связи с предполагавшейся в ближайшее время реорганизацией финской армии.

Однако события в Северной Финляндии развернулись совершенно иначе.

Наступление 36-го немецкого горно-стрелкового корпуса не было приостановлено, а продолжалось, поскольку обстановка на участке Кандалакша давала командованию армии основания надеяться на успех.

В районе Кайралы, где русские искусно поставили заграждения и перекрыли дорогу, развернулись ожесточенные бои, вынудившие наступающих совершать глубокие и трудные обходные маневры. Операция закончилась успешно: в результате девятидневных боев у Кайралы был разбит и уничтожен 46-й армейский корпус русских. В конце августа немецкий горно-стрелковый корпус смог продолжить наступление вдоль дороги на Алакуртти. Лишь бригада СС «Север» была выведена из его состава в соответствии с приказом об усилении 3-го финского армейского корпуса. 6-я же финская дивизия принимала участие в наступлении на восток от Саллы и в дальнейшем.

Северная группа 3-го финского армейского корпуса (дивизия «I») в ходе тяжелых боев форсировала 31 июля реку Софьянга и 8 августа овладела **Кестеньгой.** Для дальнейшего наступления на Лоухи эта группа была усилена бригадой СС «Север» с участка Салла. Однако действия финско-немецких войск в лесах восточнее Кестеньги не принесли успеха, ибо войска были уже измотаны и явно малочисленны для дальнейшего наступления.

Южная группа корпуса вышла после кровопролитных боев в район западнее **Ухты,** после чего и здесь пришлось перейти к позиционной войне.

В течение августа высшее немецкое военное командование неоднократно вмешивалось в ведение военных операций на севере. 5 августа оно информировало командование «Норвежской армии» и «Штаб связи «Север» о тех мероприятиях, которые, по мнению генерального штаба германских вооруженных сил, необходимо осуществить для обеспечения успеха горно-стрелкового корпуса Дитля. Эти мероприятия в основном сводились к следующему: после ожидаемого в ближайшее время полного разгрома русских в районе Ленинграда в результате концентрического наступления немецкой группы армий «Север» и финской армии снять одну финскую дивизию с фронта Маннергейма и перебросить ее к побережью Северного Ледовитого океана.

Возможность переброски финской дивизии на участок фронта горно-стрелкового корпуса осветил подробнее генерал Оквист — финский генерал при верховном командовании немецкой армии (ОКХ), — когда он 10 августа прибыл в ставку финской армии. Оквист, видимо, не возражал против такого плана. Ни время года, ни условия погоды не вызывали у него никаких сомнений. Он не боялся зимы на Крайнем Севере: финны сумеют справиться с помощью лыж и саней. По мнению Оквиста, повсюду в Финляндии зима более благоприятствует наступающим, чем обороняющимся.

20 августа из ставки Гитлера была получена новая директива.

Задачей армии генерала фон Фалькенхорста попрежнему было взятие Мурманска любой ценой. Для этой цели армии, помимо усилений, поступающих из Норвегии, придавалась 6-я горно-стрелковая дивизия. Принимались также меры по усилению авиации. Верховное командование германских вооруженных сил просило оставить 14-й финский пехотный полк в составе горно-стрелкового корпуса.

Начальник главного штаба оперативного руководства германских вооруженных сил генерал Иодль посетил 4 сентября ставку финского главнокомандующего, где в течение длительного времени обсуждал положение на советско-германском фронте и дальнейшие операции в Северной Финляндии. Йодль заявил при этом, что намерен вылететь из Миккели в Рованиеми для выяснения возможностей дальнейшего наступления на Кандалакшу. Маннергейм высказывался против такого наступления и предложил вместо этого усилить 3-й финский армейский корпус для того, чтобы последний смог продолжить наступление на Лоухи. Далее он заявил, что 3-я финская дивизия уже потеряла 6 тысяч человек. Командир армейского корпуса генерал Сииласвуо не из тех людей, кто жалуется понапрасну, однако теперь и он просит подкреплений. Маннергейм же не в состоянии оказать ему помощь.

Иодль указал на возможность передачи 6-й финской дивизии — в случае отказа от наступления на Кандалакшу — 3-му армейскому корпусу, который в этом случае может быть вновь передан под командование Маннергейма. Маршал встретил это сообщение с большим удовлетворением. По его мнению, 6-я дивизия находится в лучшем состоянии, чем 3-я — ее потери составляют лишь 3 тысячи человек.

Маннергейм надеялся, что после возвращения генералу Сииласвуо 6-й финской дивизии его корпус сможет взять Лоухи и взломать оборону Кандалакши с юга. Он заявил, что считает необходимым выйти к Мурманской железной дороге для обеспечения снабжения горно-стрелкового корпуса Дитля после занятия им Мурманска. Но если прямое наступление на Кандалакшу окажется слишком трудным, выйти на железную дорогу можно будет и южнее.

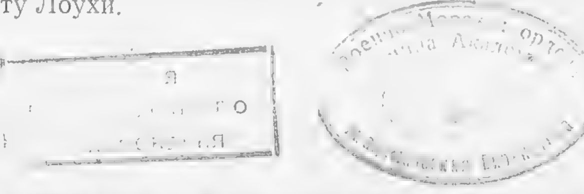
В соответствии с директивой от 20 августа горно-стрелковый корпус предпринял 7 сентября новое наступление на Мурманск, но и на сей раз столь же безуспешно. Созданные после этого на левом фланге участка, у Лицы, близ Моговского залива, позиции немецкие горно-стрелковые части сумели удержать до самого конца войны. Многочисленные попытки русских прорвать позиции горных стрелков на мурманском участке фронта не имели успеха вплоть до капитуляции Финляндии.

На участке фронта под Кандалакшей 36-й горно-стрелковый корпус в течение первой половины сентября занял господствующие высоты (Лысая и Войта), откуда он мог контролировать шоссейную и железную дороги, ведущие к городу. Однако и здесь наступательная сила немецких войск на этом иссякла. Достигнув 13 сентября участка Верман, 36-й горно-стрелковый корпус перешел к позиционной войне. Вплоть до выхода Финляндии из войны обстановка на этом участке фронта не изменилась.

В конце августа — начале сентября русские перешли в наступление на позиции 3-го финского армейского корпуса в районе Кестеньги и добились временного успеха. Финские войска отошли на тыловые позиции. На этом участке создалось угрожающее положение.

15 сентября маршал Маннергейм в беседе со мной говорил о серьезности обстановки в районе Кестеньги. Он заявил, что не сомневается в предельном напряжении сил финской дивизии; далее Маннергейм сказал, что он не совсем понимает, почему «Норвежская армия» не придает должного внимания захвату Лоухи.

По его словам, местность района действия немецко-финских войск в данное время года не является труднодоступной и поэтому можно в данных условиях достичь большего и быстрее выполнить задачу, если оставить один полк в сильно укрепленном районе Кестеньги (например, у Софьянги), а все остальные войска направить в распоряжение 36-го горно-стрелкового корпуса или же передать 6-ю финскую дивизию 3-му армейскому корпусу и искать решения лишь на направлении Лоухи. В последнем случае генерал Сииласвуо сможет, по мнению Маннергейма, выполнить свою задачу, а возможно, даже сумеет ударить на Кандалакшу с юга. Но до тех пор, пока будут предприниматься попытки осуществить имеющимися слабыми силами обе операции одновременно, вряд ли удастся добиться какого-либо результата. По его убеждению, немецкая «Норвежская армия» взяла на себя слишком большую задачу, не соответствующую ее скромным силам.

На другой день из Рованиеми пришло известие: командование «Норвежской армии» убедилось, что три его армейских корпуса прочно завязли и нет никаких шансов возобновить наступление. Генерал фон Фалькенхорст вылетел в ставку Гитлера доложить, что он ничего не может обещать относительно дальнейшего наступления на Мурманск.

В районе города Салла дело обстояло не лучше. Корпус Сииласвуо был уже давно «готов» и мог держаться лишь с трудом и ценой больших потерь.

Итак, неудача по всему фронту. Задача летнего наступления «Норвежской армии» оказалась невыполнимой. Так, наконец, в отрицательной оценке обстановки было достигнуто единство взглядов между Миккели и Рованиеми.

Что же касается ставки Гитлера, то она была далеко от истинной оценки положения. 23 сентября маршал Маннергейм получил следующее письмо от фельдмаршала Кейтеля:

«Фюрер неизменно настаивает на том, что конечной целью операций должен быть выход на Мурманскую дорогу. Обороняющие эту дорогу силы должны быть уничтожены, а Мурманск взят».

Немецкое верховное командование опасалось, что англичане, как и в первую мировую войну, высадят крупные силы в Мурманске и Кандалакше, будут непрерывно и в больших размерах доставлять военное имущество, а возможно, предпримут даже боевые действия, использовав для этой цели канадские или другие лыжные части.

Поэтому задача текущего года должна состоять в том, чтобы, блокировав насколько возможно Мурманск с юга, продолжать наступление на Кандалакшу и в то же время, обеспечивая коммуникации, готовить новый удар вдоль побережья. Для этой цели 36-й горно-стрелковый корпус предусматривалось усилить 163-й немецкой дивизией, основные силы которой сражались в качестве самостоятельного соединения в составе «Карельской армии» на Свири.

В соответствии с этим Маннергейму была передана просьба передать эту дивизию 36-му горно-стрелковому корпусу после захвата ею предместного укрепления на Свири. Считалось также возможным, что удастся получить дополнительные подкрепления и из состава немецких войск, приданных 3-му финскому армейскому корпусу, после того как корпус перейдет к обороне.

Для подготовки весеннего наступления на Мурманск и создания необходимых запасов командование требовало улучшения коммуникации вдоль дороги «Северного Ледовитого океана» и значительного усиления автомобильного парка армии Фалькенхорста. Кроме того, Маннергейма просили получить согласие финского правительства на строительство узко-

колейной железнодорожной линии из Рованиеми в Петсамо силами и средствами немцев. На эту просьбу финское правительство довольно скоро ответило согласием.

Свои взгляды на ведение зимней кампании Маннергейм изложил в весьма подробном ответе от 25 сентября.

По его мнению, важнейшей задачей финнов на ближайшее время является разгром русских в районе Петрозаводска и захват города. Кроме того, следует добиться результата на открытом северном фланге у Кондопоги, а еще лучше у Кархумяки. Он не видит возможностей осуществить до наступления зимы более широкие операции. К тому же предстоит реорганизация финской армии. Однако он надеется после взятия Ленинграда выделить восемь или девять бригад для других операций.

Маннергейм также предлагал продолжать наступление вдоль Мурманской дороги на север от линии, достигнутой севернее Петрозаводска. В качестве первой задачи он считал целесообразным выход в район Сорока[1] — Кемь. Это позволило бы перерезать железную дорогу Мурманск — Архангельск и полностью изолировать расположенные к северу войска противника после того, как Белое море замерзнет и морское сообщение с Архангельском будет прервано.

Далее финский главнокомандующий предлагал провести реорганизацию тех финских дивизий (3-я и 6-я дивизии), которые находились в подчинении немецкой «Норвежской армии», вернув их в состав финских войск (в 3-й финский армейский корпус). В свою очередь немецкие войска (бригада СС «Север»), действовавшие в составе финского армейского корпуса, он считал возможным перебросить на кандалакшское направление. Маршал выражал уверенность в том, что новые бригады, созданные на базе двух дивизий, смогут достичь Лоухи после того, как будет перерезана железная дорога Обозерская — Сорока, а Белое море замерзнет и переброска войск морским путем будет невозможна. В то же время он считал, что, независимо от того, на каком направлении (Кандалакша или Лоухи) удастся раньше выйти на Мурманскую дорогу, войска, достигшие железной дороги первыми, должны будут наступать затем вдоль нее, облегчая выполнение задачи соседу (а тем самым и всей операции).

Предложенный Маннергеймом в качестве конечной цели операции захват города Сорока имел в самом деле огромное значение. В результате сооружения в 1939—1941 годах одноколейной железной дороги, проходящей по районам южнее Белого моря и соединяющей Сороку со станцией Обозерская на железной дороге Вологда — Архангельск, Мурманская дорога была присоединена к Архангельской дороге и тем самым к железнодорожной сети внутренней России. Это обеспечивало Советскому Союзу большие стратегические возможности. В случае нарушения железнодорожного сообщения на каком-либо из участков между Ленинградом и Сорокой русский фронт на севере вплоть до побережья Ледовитого океана мог снабжаться по новой дороге Обозерская — Сорока. Эта возможность регулировать железнодорожное движение имела для русских исключительное военное значение в течение тех трех лет, когда финны держали в своих руках участок Мурманской дороги между Свирью и Кархумяки.

Лишь сожаления достоин тот факт, что немецкое военное руководство не пошло на предложение финского главнокомандующего. Именно тогда для Маннергейма был наиболее подходящий момент принять по просьбе немцев командование всеми войсками на финском театре военных действий и осуществить свой план. Можно с большой степенью вероятности предположить, что стремление немцев овладеть всей

[1] Беломорск. (Прим. ред.)

Мурманской дорогой было бы в этом случае осуществлено и война на севере приняла бы совсем иной оборот. Но все осталось попрежнему: военные усилия немцев и финнов объединены не были, как те, так и другие стремились к различным целям.

14 октября финской ставке стал известен новый приказ фюрера, направленный немецкой «Норвежской армии». В нем делалась попытка урегулировать дела на северном театре военных действий согласно взглядам как Фалькенхорста, так и Маннергейма. По этому приказу «Норвежской армии» предписывалось приостановить дальнейшее наступление на Мурманск. В результате совместного ведения боевых операций на севере произошло значительное смешение немецких и финских войсковых частей. Для устранения этого беспорядка приказ предписывал произвести обмен войсками и создать из финских войск (включая 3-й армейский корпус) южный фронт под командованием Маннергейма. Немецкие войска под командованием Фалькенхорста образовывали северный фронт. Это разделение с радостью приветствовали в финской ставке, ибо Маннергейм мечтал получить обратно «одолженные» финские войска. Немецкое же командование расставалось с финскими войсками весьма неохотно, поскольку финские солдаты по своим качествам превосходили немцев в умении вести боевые действия в лесных районах Карелии.

В приказе Гитлера от 14 октября говорилось также об отсрочке строительства железной дороги Рованиеми — Петсамо из-за непредусмотренных технических затруднений [1]. В то же время ставилась задача построить шоссейную дорогу от Лаксэльва через Карасйок до Инари и Ивало с присоединением ее к дороге «Северного Ледовитого океана». Эта дорога была построена и сыграла важную роль в последней фазе войны.

Приказ о прекращении наступления на Мурманск и обмене войсками осуществлен не был. Упорные бои, особенно в районе Кестеньги, продолжались и привели в начале ноября к тяжелым потерям прежде всего среди финских войск.

В финских кругах были крайне удивлены, когда немецкое верховное командование вновь изменило свои планы и высказало 1 ноября пожелание, чтобы финская армия приняла (либо до, либо после своей реорганизации) участие в наступлении на Кандалакшу силами не менее бригады. Таким образом, немецкая сторона вновь вернулась к старому плану «Норвежской армии». Письмо Маннергейма от 25 сентября не нашло в ставке Гитлера должного понимания. Немецкий документ от 14 октября был встречен в Миккели довольно холодно. Маннергейм уклонился от какого-либо точного ответа и отложил решение на будущее.

4. МАННЕРГЕЙМОВСКИЙ ПЛАН ОПЕРАЦИИ ПРОТИВ ГОРОДА СОРОКА

Осенью 1941 года финский народ начал ощущать тяготы войны. Положение с продуктами в городах было крайне тяжелым; не было горючего; надежду на скорое окончание войны с Россией пришлось оставить надолго. Настроение в действующей армии ухудшалось еще и потому, что власти не могли пока отпустить из армии солдат старших возрастов. Налеты русской авиации вызывали панику среди населения Хельсинки.

Воспользовавшись этими настроениями, американская дипломатия запросила в начале ноября 1941 года финское правительство, не согласится ли оно пойти на примирение с Советским Союзом. Этим запросом государственный департамент США, вероятно, стремился также удержать

[1] Это строительство так и не было осуществлено.

финнов от наступления против Красной Армии. Американский зондаж явился для финского правительства хорошей головоломкой. Ответ необходимо было составить, учитывая царившую в народе усталость от войны и в то же время принимая во внимание отношение к немецким братьям по оружию. В середине ноября в финском правительстве горячо обсуждалась форма ответа. Наконец, правительство приняло решение заявить о своей готовности прекратить войну с Советским Союзом, «как только будет отражена угроза со стороны России и будут получены необходимые гарантии против новых агрессивных действий».

10 ноября Маннергейм высказал мне свои соображения по поводу финско-американских переговоров, вызванных демаршем американского посланника в Хельсинки. Заметив с усмешкой, что маленькая Финляндия и большие США скрестили в данном случае свои мечи, он со вздохом сказал:

«Да, если бы не было Сороки. Я убежден, что вся буря улеглась бы, если бы мы заверили, что не пойдем на Сороку. Против продвижения наших войск на юге (на Карельском перешейке и в районах восточнее Ладожского озера) англо-саксонские державы, очевидно, не имеют никаких возражений. Но Сорока — камень преткновения. Какая трагедия, что Мурманская дорога приобрела такое значение. Все хотят надежно держать ее в своих руках. Просто несчастье, что она вообще построена».

У меня сложилось впечатление, что Маннергейм обсуждал или еще обсуждает с финским правительством вопрос о продолжении дальнейшего наступления финских войск и что маршал при этом настаивает на взятии Сороки.

20 ноября — уже после того как Финляндия направила свой ответ Соединенным Штатам — финский главнокомандующий обстоятельно изложил мне свои взгляды на дальнейшее ведение боевых действий на финском фронте.

По его мнению, Мурманск, Кандалакша и Сорока должны быть взяты еще в течение текущей зимы и чем быстрее, тем лучше. Наиболее подходящим сроком начала одновременного зимнего наступления против указанных трех объектов он считает первые числа января. Основной удар должен быть, разумеется, нанесен в каком-то одном направлении, но, несмотря на это, следует по возможности атаковать на всех трех направлениях одновременно; в противном случае русские смогут использовать Мурманскую железную дорогу для переброски подкреплений на атакованный участок фронта, как они это делали летом и осенью во время неоднократных попыток наступления, предпринимаемых генералом Фалькенхорстом.

Маршал подчеркнул далее, что фронт между Свирью и Северным Ледовитым океаном представляет собой единое целое. И поэтому целесообразно руководить всем финским театром военных действий на основе единых принципов. Я со своей стороны заметил, что причина малых успехов немецкой «Норвежской армии», возможно, заключается именно в существующем дуализме военного командования. Естественным разрешением этого вопроса мне представляется передача новой, «Лапландской армии» под командование финского маршала. Маннергейм охотно со мной согласился и подчеркнул, что поддержал эту мысль не из честолюбия, а из деловых соображений.

В то же время маршала очень огорчала обстановка на фронте группы армий «Север». «Мы не можем больше мириться с таким положением, — энергично заметил Маннергейм. — Под Ленинградом и на Свири используются слишком крупные силы финских войск, однако это не приносит большой пользы». Учитывая в немалой степени и настроения в самой

Финляндии, Маннергейм считал крайне желательным добиться должного успеха на южном участке финского фронта. До тех пор пока две трети финской армии будут связаны на юге, наступление на севере удастся вести лишь ограниченными силами.

Немалую часть нашей беседы маршал посвятил значению **Вологды.** Он охотно желал бы видеть данный город занятым немцами. «Этот пункт имеет решающее значение для хода военных операций на всем фронте Северной России. Имея в своих руках Вологду, Сороку, Кандалакшу и Мурманск, мы были бы неуязвимыми для англо-американцев».

После возвращения генерала Варлимонта в Хельсинки немецкое верховное командование отдало 18 ноября 1941 года приказ по «Лапландской армии» — немедленно прекратить наступление в районе Кестеньги и войскам 3-го финского армейского корпуса перейти к обороне. Одновременно приказ содержал указание как можно быстрее передать этот участок фронта под командование финского маршала.

Однако генерал фон Фалькенхорст попрежнему упорно настаивал на своем плане нового наступления на Кандалакшу и сумел склонить немецкое верховное командование на свою сторону.

24 ноября фельдмаршал Кейтель направил Маннергейму письмо, в котором высказал свои соображения относительно **немецкого зимнего наступления на Кандалакшу.**

План Кейтеля предусматривал наступление на Кандалакшу не вдоль ведущих к этому пункту шоссейной и железной дорог, а посредством обхода его с флангов, используя для этого замерзшие озера. Лишь в ходе последующего наступления планировалось овладение железнодорожной линией, необходимой для дальнейшего снабжения войск. Для выполнения поставленной задачи предусматривалось привлечь по возможности две финские бригады лыжников. Командование южной охватывающей группы, в состав которой войдут также немецкие горно-стрелковые части силой до одной дивизии, считалось возможным доверить финскому генералу, например, командиру 3-го армейского корпуса.

В своем **ответе от 4 декабря** Маннергейм еще раз попытался убедить немецкое верховное командование в правоте своих неоднократно выставлявшихся аргументов и вновь подчеркнул:

«Операция против Кандалакши должна начаться не позднее первых чисел марта, иначе до начала снеготаяния город взят не будет. Если позволит обстановка, одновременно с этой операцией следует предпринять наступление финских войск.

Для своевременной переброски двух горно-стрелковых дивизий, предназначенных для усиления войск, участвующих в операции против Кандалакши, необходимо мобилизовать все транспортные возможности». Далее Маннергейм отмечал, что до сего времени противник постоянно использовал Мурманскую дорогу для переброски своих войск. Весьма важно поэтому заняться одновременно подготовкой удара также и на Мурманск. Для увеличения шансов на успешное проведение наступления на Мурманскую дорогу следует бросить достаточно сил авиации на уничтожение железнодорожных сооружений к северу от Вологды, если, разумеется, к тому времени этот город не будет уже в руках немцев. Необходимо также воспрепятствовать восстановлению разрушенных сооружений, с тем чтобы помешать переброске свежих войск из Сибири.

«Если обстановка под Ленинградом и на Свири в ближайшее время прояснится, то я, в соответствии с Вашей просьбой, готов предоставить в распоряжение южной группы две бригады, которые будут созданы на базе дивизий, действующих в составе «Норвежской армии» (3-я и 6-я дивизии). Командующий группой должен быть финским генералом. Для

обеспечения всех этих мероприятий и проведения необходимой реорганизации финские дивизии должны быть в ближайшее время сняты с фронта и соединены с войсками, в состав которых они органически входят. Поэтому задачу обороны в районах Ухта, Кестеньга и Салла должны взять на себя немецкие войска. 3-я и 6-я дивизии с самого начала войны сражались в первой линии. Чтобы вновь приобрести наступательный дух, созданные на их базе бригады должны до ввода их в бой пройти боевое обучение в тылу».

Этот ответ мало обрадовал немецкое верховное командование. Маннергейм не только отклонил немецкий план, но в обмен на свое участие в наступлении на Мурманскую дорогу потребовал значительно большего, чем на то были способны немцы. Он весьма недвусмысленно поставил условием участия более крупных финских сил в операциях на Мурманской дороге **предварительное** соединение немецких и финских войск на Свири с тем, чтобы освободить финские силы на южном фронте. Тем самым Маннергейм подчеркнул **взаимосвязь битвы за Ленинград и наступления на Мурманскую железную дорогу.**

Однако ввиду неблагоприятной обстановки, сложившейся для группы армий «Север», выполнение требований финского главнокомандующего было для немцев совсем нецелесообразным. Контрнаступление Красной Армии на шаткий и непрочный фронт войск группы армий «Север» на волховском направлении с каждым днем создавало там все более критическое положение.

8 декабря войска, выдвинутые клином в направлении Тихвина, были вынуждены отойти.

На другой день мне позвонил генерал Варлимонт. Касаясь письма Маннергейма Кейтелю от 4 декабря, он заявил, что оба выставленные финской стороной условия — предварительная разгрузка финского фронта на юге и одновременные операции на Мурманской дороге на севере — невыполнимы. Немецкое верховное командование вообще сомневается в возможности проведения в будущем наступления на Кандалакшу. Скорее следует ограничиться демонстрациями на том или ином участке фронта. О наступлении на Вологду пока не может быть и речи.

Обмен мнениями между финской ставкой и командованием немецкой армии в Лапландии о снятии с фронта и замене подчиненных немецкому командованию войск, в связи с приказом верховного командования вооруженных сил от 18 ноября, не привел к какому-либо результату.

13 декабря маршал Маннергейм выехал в Рованиеми для личных переговоров по этому вопросу. Совещание, состоявшееся 14 декабря, дало лишь отрицательные результаты. Генерал фон Фалькенхорст заявил, что он не в состоянии снять финские дивизии с передовых позиций и передать их в распоряжение финского главнокомандующего. Маннергейм отказался принять под свое командование 3-й армейский корпус, если участок фронта этого корпуса будет ослаблен. Фалькенхорст попрежнему настаивал на наступлении на Кандалакшу. Он намерен возобновить это наступление как можно скорее и с помощью финских подкреплений. Маннергейм в самой решительной форме заявил, что главный удар должен быть нанесен **лишь** в одном направлении, а именно — на Сороку. Он сослался на опыт военных действий в зимних условиях Крайнего Севера, который имеют финны, и рекомендовал начало марта как наиболее подходящий срок для наступления.

Обобщая свою точку зрения, маршал Маннергейм еще раз подчеркнул: по его мнению, наступление на Сороку имеет шансы на успех. Он готов даже принять командование над участком Лоухи, но в таком случае считает необходимым объединить для наступления на Лоухи (т. е. не на

Кандалакшу) 3-ю и 6-ю финские дивизии под командованием генерала Сииласвуо. По предварительным расчетам, он считает возможным усилить и реорганизовать 3-й финский армейский корпус приблизительно к 18 января. Генерал фон Фалькенхорст, наоборот, хотел оставить 6-ю дивизию в районе Алакуртти (в составе 36-го немецкого армейского корпуса) в связи с приказом о наступлении на Кандалакшу.

Переговоры были прерваны; единство не было достигнуто. Такой исход глубоко расстроил Маннергейма. Когда мы садились в специальный поезд, чтобы отбыть в Миккели, он, находясь еще всецело под впечатлением беседы с генералом фон Фалькенхорстом, сказал мне: «Я про это ничего не понимаю. Будьте добры записать это...»

Во время обратной поездки из Рованиеми в Миккели Маннергейм обсуждал со мной дальнейшие планы военных действий. Он снова настаивал на нанесении главного удара на Сороку, ибо ввиду наличия железнодорожной линии на Обозерскую Сорока является важнейшим стратегическим пунктом на всей Мурманской дороге. Маннергейм заявил о своей готовности осуществить это наступление, а затем и обойти с юга и севера советские позиции, расположенные западнее Мурманской дороги, в основном финскими силами. Эту операцию, разумеется, удастся осуществить лишь в том случае, если не произойдет неблагоприятного для немцев изменения обстановки на Восточном фронте.

В ночь на 15 декабря этот план был доставлен моим офицером связи на немецкий телетайп в Хельсинки (мы проезжали через столицу) для передачи его немецкому военному командованию. В ожидании возвращения офицера связи специальный поезд Маннергейма много часов простоял на вокзале в Хельсинки.

По прибытии в Миккели мы узнали о коренном изменении обстановки на германском восточном фронте. В результате отхода немецких войск от Тихвина план Маннергейма лишился всех своих предпосылок. Маршал, по своей природе склонный к пессимизму, был крайне расстроен и рисовал будущее в самых мрачных тонах. Увидев угрозу своему фронту на Свири, он потерял всякую веру в успех наступления на Сороку.

Слишком поздно немецкое верховное командование согласилось с Маннергеймом в том, что при существующих условиях зимнее наступление на Кандалакшу бесперспективно и что поэтому лучше предпринять в начале марта концентрическое наступление на Сороку, перерезав Мурманскую дорогу и создав условия для дальнейших операций. Обещание немецкого командования передать в распоряжение Маннергейма для указанного наступления немецкую 7-ю горно-стрелковую дивизию не произвело на маршала ровно никакого впечатления. Он считал, что прибытие на финский фронт немецкой дивизии вызовет лишь затруднения, и предпочел бы поэтому получить обратно обе финские дивизии из немецкой армии на севере.

Предпринимавшиеся немцами в первые месяцы 1942 года неоднократные попытки связать финского главнокомандующего его же собственным предложением о наступлении финских войск на Сороку по понятным причинам наталкивались на сопротивление Маннергейма. Ввиду изменения обстановки на Восточном фронте он не принимал больше никаких решений, предпочитая выжидать события. Эта выжидательная позиция Маннергейма полностью соответствовала точке зрения финского правительства, которое не хотело принимать никаких новых решений до тех пор, пока не будет ясен ход предстоящего немецкого летнего наступления. Правительство в Хельсинки сдерживали не только соображения внутриполитического порядка, но и сильный нажим со стороны американцев, которые в течение зимы 1941—1942 годов стремились примирить Финляндию с

СССР или хотя бы удержать финнов от наступления на Мурманскую дорогу.

После же того как 6 декабря 1941 года Великобритания довольно неожиданно объявила войну Финляндии, финское правительство должно было действовать еще осторожнее, чтобы не порвать отношения с Соединенными Штатами. Зимой 1941—1942 годов в Финляндии были, видимо, получены сведения о том, что американцы намерены сохранить с Финляндией нормальные отношения и не объявлять ей войну, если только финская армия не предпримет нового наступления. В то же время наступление финнов на Мурманскую железную дорогу или заключение союзного договора с Германией приведет к разрыву финско-американских отношений, результатом чего, несомненно, явится объявление войны Соединенными Штатами. Финское правительство в полном согласии с сеймом при всех обстоятельствах стремилось избежать разрыва отношений с Соединенными Штатами Америки.

5. НЕМЕЦКИЙ ПЛАН НАСТУПЛЕНИЯ НА СОРОКУ

(Операция «Лов Лососей» («Лакефонгст»)

Летом 1942 года вопрос о наступлении на Мурманскую железную дорогу вновь стал актуальным, однако на этот раз инициатива исходила от немцев.

9 июля я прибыл в Рованиеми, где посетил генерала Дитля, который в январе 1942 года сменил генерала фон Фалькенхорста и стал главнокомандующим немецкими войсками в Лапландии. В это время второе летнее наступление немцев в Южной России было в полном разгаре. Сведения об этом наступлении, дошедшие до Финляндии через немецкое верховное командование, были встречены здесь с великим оптимизмом. Дитль согласился со мной, что выжидательное бездействие немецко-финского фронта, в то время как немецкая армия ведет на востоке бои, решающие судьбу войны, нельзя оправдать. Наступление «Лапландской армии» на полуостров Рыбачий, которое немецкое военное командование планировало на конец лета, могло привести только к результатам местного значения. Доставка же в Советский Союз военных материалов из Америки будет приостановлена лишь в том случае, если удастся перерезать Мурманскую железную дорогу. Выполнение этой задачи имело бы исключительно большое значение.

Исходя из этого, генерал Дитль решил бросить свои войска в наступление на Кандалакшу с одновременным нанесением отвлекающего удара из Кестеньги на Лоухи. Однако предпосылкой для начала немецкого наступления на Кандалакшу он считал обязательное наступление Маннергейма на Сороку и Кемь. Я сразу же заметил, что у финнов нет достаточного количества войск для наступления на Сороку. Их удастся склонить к подобному решению лишь в том случае, если предварительно будет взят Ленинград или если стоящие на Карельском перешейке финские войска будут заменены немецкими.

Немецкое верховное командование быстро согласилось с этим планом.

Генерал Йодль, случайно попавший в Рованиеми 14 июля, обещал начать наступление на Ленинград в сентябре. Тяжелая артиллерия, предназначавшаяся для этой операции, уже находилась в пути из Севастополя.

Дитль рассчитывал начать свое наступление на Кандалакшу 15 октября и закончить операцию на Мурманской дороге примерно к рождеству. Теперь все зависело от того, удастся ли добиться содействия со стороны Маннергейма.

В приказе Гитлера от 21 июля о руководстве боевыми действиями в Северной Финляндии мне поручалось установить, каким образом финская ставка намеревается участвовать в наступлении «Лапландской армии». (Эта операция получила наименование «Лаксфонгст».) Начальник генерального штаба финской армии, с которым я в первую очередь обсудил данный план, считал важным, чтобы немецкие войска первыми достигли и перерезали Мурманскую железную дорогу, ибо в таком случае Соединенные Штаты, которые, возможно, объявят после этого войну Финляндии, не смогут возложить ответственность за эти действия на финскую ставку. Маршал выразил свои сомнения относительно правильности выбора времени года. В октябре, по его мнению, еще нельзя рассчитывать на достаточные холода. Однако, с другой стороны, он понимает, что дальнейшая отсрочка наступления пойдет лишь на пользу Советскому Союзу, так как последний успеет перевезти по Мурманской железной дороге еще больше военного имущества, поступающего из США.

В письменном ответе, переданном мне 2 августа, Маннергейм выразил свое принципиальное согласие принять участие в операции против Мурманской железной дороги и начать наступление финских войск на Сороку. Однако это свое согласие он оговорил рядом предварительных условий. Важнейшим из них было взятие немцами Ленинграда в сентябре месяце, с тем чтобы получить возможность использовать в наступлении на Сороку свои дивизии с Карельского перешейка. Кроме того, он подчеркнул, что наступление войск левого крыла группы армий «Север» вдоль южного берега Ладожского озера в направлении Ошта помогло бы освободить дополнительное количество финских дивизий. И, наконец, Маннергейм потребовал гарантировать поддержку финских войск, участвующих в операции «Лаксфонгст», со стороны немецкой авиации, а также доставку в Финляндию значительного количества горючего.

15 августа генерал Талвела, преемник генерала Оквиста на посту финского офицера связи при ставке немецкой армии, доставил в Миккели ответ немецкого военного руководства. Выставленные Маннергеймом условия участия финских войск в операции «Лаксфонгст» были приняты, за исключением пожелания о наступлении немцев южнее Ладожского озера. «Если маршал настаивает на наступлении группы армий «Север» в районе Ладоги, — отмечал генерал Иодль, — то отпадает вопрос о немецко-финском наступлении на Мурманскую железную дорогу. Перейти Волхов немцы еще не могут».

В связи с выдвинутыми немецкой стороной возражениями, Маннергейм отказался, хотя и неохотно, от своего требования, касающегося наступления группы армий «Север».

Теперь совместные планы немцев и финнов как будто были окончательно согласованы. План операции был одобрен президентом Финляндии, которого Маннергейм держал в курсе переговоров. Однако расчеты немцев и финнов были опрокинуты мощным наступлением русских из района Ленинграда. Началась так называемая «битва южнее Ладоги».

Инициатива перешла в руки Красной Армии. Дивизии 11-й немецкой армии, которые немецкое командование перебрасывало из Крыма для участия в наступлении южнее Ленинграда, пришлось бросить на оборону угрожающего участка фронта юго-восточнее Шлиссельбурга. Поэтому совместное наступление на Мурманскую железную дорогу было перенесено на более позднее время, т. е. на зиму 1942—1943 годов.

При сложившихся обстоятельствах немецкое военное руководство прежде всего заинтересовалось теперь возможностью участия крупных сил финской армии в наступлении на Ленинград. Эта операция получила наименование «Северное сияние» («Норршенет»).

6. ОПЕРАЦИЯ «СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ»

(«Норршенет»)

Призыв немцев к активному участию финской армии в наступлении на Ленинград осенью 1942 года так же, как и летом 1941 года, был крайне нежелательным по политическим соображениям. Начальник генерального штаба финской армии сказал мне 2 сентября 1942 года, что «участие финнов в наступлении на Мурманскую железную дорогу — совсем другое дело».

Наступление на Сороку отвечало бы национальным устремлениям народа, а Ленинград, наоборот, не сулит ничего положительного. Финляндии было бы очень неприятно лить воду на мельницу русской пропаганды, всегда утверждавшей, что близость финской границы создает угрозу Ленинграду.

Как и следовало ожидать, официальный ответ Маннергейма был весьма неопределенным. Он может в нужное время выступить небольшими силами и только с ограниченной задачей. Если операция «Норршенет» начнет осуществляться, то участие в ней финнов будет лишь очень скромным.

Но судьба решила иначе. 18 сентября в Миккели пришло из Германии донесение генерала Талвела о его совещании с генералом Иодлем, в котором сообщалось, что ввиду наступления русских на «горловину» в районе Ладожского озера юго-восточнее Шлиссельбурга, пришлось ввести в бой четыре немецкие дивизии, предназначенные для операции «Норршенет». Прежде чем переходить в наступление на Ленинград, немецкое военное руководство намеревалось вначале путем контрнаступления расширить «горловину».

В начале октября начальник главного штаба оперативного руководства германских вооруженных сил сообщил генералу Талвела, что наступление на Ленинград откладывается на неопределенное время. Войска 11-й немецкой армии, принимавшие участие в боях на левом фланге группы армий «Север», южнее Финского залива, в результате понесенных потерь и большого напряжения ослаблены и нуждаются в отдыхе. Кроме того, противник, осуществив крупный прорыв на правом фланге группы армий «Север» и левом фланге группы армий «Центр», сосредоточил крупные группировки по обе стороны железной дороги Торопец — Великие Луки. Немецкая оборона в районе прорыва весьма слабая. Напряженность обстановки также подсказывала, что пока было бы более благоразумным воздержаться от наступления на Ленинград.

То, что считалось вначале лишь отсрочкой, в дальнейшем стало вполне определенным фактом: 30 октября 1942 года немецкое верховное командование поручило мне сообщить главнокомандующему финской армии, что до весны 1943 года не будет никакой возможности осуществить финско-немецкую операцию «Лаксфонгст» (наступление на Мурманскую дорогу). «Лапландская армия» готовилась вести предстоящей зимой лишь оборонительные операции. Финнов следовало информировать, что никаких серьезных задач этой зимой на них возложено не будет.

Ни с немецкой, ни с финской стороны к планам операции «Лаксфонгст» и «Норршенет» во время последней войны больше уже никогда не возвращались.

Наступление Красной Армии зимой 1942—1943 годов привело к таким решающим последствиям, что мысль о наступлении на финском театре военных действий была безвозвратно оставлена как немцами, так и финнами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основанное на опыте войн правило гласит, что топография и климат постоянно имеют решающее значение для ведения войны и что «театр военных действий всегда на стороне обороняющегося» (Клаузевиц, «О войне»). Своеобразный климат и рельеф Восточной Карелии оказывали на ход военных действий особенно сильное влияние. Никто поэтому не может упрекать немецкое военное руководство в том, что оно не сумело преодолеть в ходе наступления на Мурманскую железную дорогу трудностей театра военных действий, ибо немецкий командный состав не имел никакого опыта ведения войны в арктических условиях. Следует, однако, пожалеть, что немцы не всегда шли навстречу все более настойчивым требованиям финнов; ведь последние, во всяком случае, были гораздо лучше знакомы с Крайним Севером.

Ввиду труднодоступности дикой местности наступление на Мурманскую железную дорогу с запада является и будет являться, несомненно, смелым предприятием. Однако опыт последней войны отнюдь не говорит о том, что данная проблема неразрешима. Надо лишь создать вначале необходимые предпосылки для ее разрешения.

Во время последней войны следовало:

а) своевременно захватить Ленинград;

б) разумно организовать верховное командование.

Оперативные цели немецкого военного руководства на Севере в начале войны с Россией, естественно, заключались в захвате в первую очередь промышленного района Ленинграда и в соединении с финскими войсками. Если бы немецкое руководство придерживалось этих задач, война у границ Финляндии приняла бы совершенно иной оборот. Возможности взять Ленинград, бесспорно, были как летом 1941 года, когда группе армий «Север» следовало оставить силы, необходимые для дальнейшего ведения наступления, так и осенью 1943 года, когда немцы и финны имели двойное превосходство над противником на фронте между Ленинградом и Северным Ледовитым океаном. Правда, в то время наступление финских войск было уже немыслимо по политическим причинам. Роковым явилось и то обстоятельство, что наступление на Ленинград, едва успев начаться, было отложено в интересах выполнения других задач, и тем самым лишилось своих важнейших предпосылок и наступление на Мурманскую железную дорогу.

Немецко-финские операции в России велись в наиболее свободной форме **коалиционной войны.** Братьев по оружию объединяла лишь борьба против общего врага. Однако финское правительство упорно настаивало на том, что Финляндия не участвует в конфликте великих держав, а ведет свою **собственную войну** с Россией.

Такое отношение к коалиционной войне было, несомненно, полумерой, аномалией, и мы можем лишь удивляться тому, что немецкая дипломатия не сумела путем договора покрепче привязать Финляндию к Германии. Широкая и целиком односторонняя помощь Финляндии вооружением со стороны Германии, без которой маленькая страна была бы совершенно не в состоянии вести войну, являлась в руках немцев достаточным основанием для настойчивого требования превратить неоформленное братство по оружию в союз. Только 18 апреля 1944 года, когда немецко-финские отношения были уже подорваны и немецкое военное руководство справедливо опасалось, что ввиду начатых финнами в Москве переговоров о заключении сепаратного мира поставляемое Германией оружие может попасть в руки русских, Гитлер, наконец, решил

прекратить доставку вооружения в Финляндию. Однако это было сделано крайне неумело и принесло больше вреда, чем пользы. Такой шаг следовало предпринять **до войны,** а не на ее последней стадии.

Подробно рассматривая понятие театра военных действий, Клаузевиц отмечал: «Там,где все обстоит благополучно, должно существовать лишь одно главное командование, а командующий театром военных действий никогда не должен быть лишен известной степени самостоятельности».

Это условие не было соблюдено в течение всей совместной войны Германии и Финляндии. Отсутствие единого командования и явилось главной причиной неудачи наступления на Мурманскую дорогу.

Герман ХЁЛЬТЕР

АРМИЯ В АРКТИКЕ

(Перевод с немецкого)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа дает представление о сущности и характере борьбы немецких войск на Лапландском фронте в 1941—1944 годах. В ней в общих чертах показаны взаимоотношения немцев и финнов в период немецко-финской коалиционной войны, а также подробно описаны почти беспримерные в истории маневренных войн операции 20-й горной армии — «Береза» и «Северное сияние», которые были осуществлены после 2 сентября 1944 года — дня подписания русско-финского перемирия.

Автор воевал на Крайнем Севере с первого до последнего дня. Он был начальником штаба группы «Немецкого генерала при главном командовании вооруженных сил Финляндии»[1] с июня по сентябрь 1941 года, начальником штаба 36-го (горно-стрелкового) корпуса с октября 1941 по октябрь 1943 года на фронте у Кандалакши, начальником штаба 19-го (горно-стрелкового) корпуса с ноября 1943 по февраль 1944 года на участке фронта у берегов Ледовитого океана и начальником штаба 20-й горной армии с марта 1944 года до конца войны.

Немцы и финны были верными товарищами по оружию до тех пор, пока Финляндия под давлением событий на германско-русском фронте по ту сторону Финского залива и на финско-русском фронте в Карелии не была вынуждена для сохранения своей независимости покинуть нас 2 сентября 1944 года.

В соответствии с русскими условиями перемирия, которым Финляндия должна была подчиниться, поздней осенью 1944 года дело дошло до печальной памяти боев между финнами и немцами, которые велись против воли как тех, так и других. Время залечит эту рану. Мы, непосредственые участники совместной немецко-финской борьбы, навсегда сохраним уважение к финским братьям по оружию и неизменную любовь к Финляндии и к финнам, за которых мы сражались точно так же, как за наш собственный народ и наше отечество.

Герман Хёльтер

---

[1] До июня 1941 г. эта группа называлась «Штаб связи «Север». (Прим. ред.)

АРКТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Арктика — это полярная область земного шара, расположенная к северу от Полярного круга. Большую часть пространства этой зоны занимает Арктический, или Северный Ледовитый, океан, который широким поясом окружает Северный полюс. Океан покрыт вечными льдами; его глубина достигает 4000 м. Волны бушующих во всякое время года суровых полярных морей бьются о северные берега Европы, Азии и Америки; воды Ледовитого и Атлантического океанов сливаются только между Гренландией и Норвегией. Через эти широкие ворота в Северный Ледовитый океан проникают струи Гольфстрема, согревающая сила которых настолько велика, что в самую суровую зиму не замерзают даже фиорды, глубоко врезающиеся в гранитные берега Скандинавии. Самый восточный фиорд, на который еще распространяется действие Гольфстрема,— это бухта Кола с Мурманском, идеальная природная гавань в любом месте которой могут становиться на якорь крупные суда.

На климат и растительность побережья того района, где сражалась «Лапландская армия» и поддерживающие ее соединения флота и авиации, решающее влияние оказывает Гольфстрем. Без этого источника тепла север Европы покрылся бы льдом. Разница температур в прибрежных областях Скандинавии поразительна: по ту и по эту сторону последнего горного барьера она может достигать 20 градусов. Во внутренних областях, как правило, значительно холоднее, чем на сильно изрезанном побережье Северного Ледовитого океана.

В районе Полярного круга среднегодовая температура держится ниже нуля. Во время короткого лета она поднимается до 35 градусов по Цельсию; наиболее низкая температура в зимнее время достигает 40 и более градусов.

Количество осадков, выпадающих в Лапландии, незначительно. Оно составляет лишь 400—550 мм в год. Снежный покров редко превышает 100 см. Семь, а то и более месяцев земля покрыта снегом, реки и озера скованы льдом. Все это благоприятствует проведению операций лыжных частей как в малой, так и в большой войне. Правда, света в этот период недостаточно, так как ко времени зимнего солнцестояния солнце на многие недели скрывается за горизонтом, но зато в разгар лета оно не заходит.

Все, что растет, дышит и живет в этой зоне, полностью зависит от живительной силы солнца. От одного до другого градуса широты, чем дальше и дальше на север, растительный и животный мир становится все более скудным и в то же время более приспособленным. Те немногие виды животных, которые здесь зимуют, исключительно выносливы. В этих широтах могут существовать далеко не все.

К северу от Полярного круга местность выглядит еще более пустынной и открытой. Ели становятся стройнее, все большие расстояния разделяют их. Кажется, будто они не смеют расправить свои ветви, боясь, что их сломает снежная пурга, будто они должны разойтись друг с другом, чтобы пользоваться солнечным светом в такой степени, в какой это нужно для существования и роста.

Лапландия с ее обширными лесами и пустошами, коварными болотами и оголенными горными хребтами, переходящими в конце концов в безлесную тундру, обладает неизъяснимой прелестью и очарованием. Это страна, лишенная естественных границ. Да и существующие политические границы не признаются кочующим лапландцем. Он переходит туда, где находит хорошее пастбище для своих оленей, будь

оно на финской, норвежской или шведской территориях. Небо на Крайнем Севере Европы кажется яснее и выше нашего. В немногие недели северного лета рост и умирание в природе происходят быстрее, чем в наших широтах, где этот процесс растянут на весну, лето и осень. Долгой зимой, когда всего на несколько часов наступают бледные сумерки, вокруг царит тьма, природа как бы затаивает дыхание. Длинными морозными ночами северное сияние неописуемой красоты накрывает небосвод светящимся куполом или, переливаясь всеми цветами радуги, реет в небе.

Арктика резко отличается от остальных районов мира. Это область разительных контрастов.

Применение техники в таких девственных зонах ограничено. Человек, обитающий там, будь то лесник, охотник или рыболов, сплавщик леса или пастух, предоставлен самому себе. Он должен преодолевать невзгоды, надеясь только на собственные силы, ибо в противном случае его ждет гибель. Солдат, который там воюет, должен отказаться от всего того, что нельзя тащить на себе через девственный лес, болото и каменистую пустыню по бездорожью. Бездорожье мешает военным действиям, затрудняет проведение операций, оно вынуждает нагружать бойца вещами, которые в любом другом месте перевозят и перетаскивают за него автомашины, упряжные и вьючные животные. Бои на труднопроходимой и необитаемой местности требуют особенно тщательного планирования и подготовки. Здесь нелегко устранить недостатки в организации, вооружении и снаряжении войск. Холод может стать самым злейшим врагом. Горе той части, которая, не имея необходимого снаряжения, попадет в полярный снежный буран и солдаты которой из-за отсутствия запасного обмундирования, в том числе сапог и портянок, не смогут сменить промокшей одежды и обуви при резком понижении температуры до двадцати или более градусов. В Заполярье, где снежный покров держится семь и более месяцев, лыжи — незаменимое средство передвижения и борьбы.

Ландшафт и климат вынудили применить здесь специальные войска и определили характер их вооружения. Естественно, что горные стрелки из приальпийских районов легче освоились с климатическими условиями и дикой местностью, чем солдаты из Берлина или Центральной Германии, например, солдаты обеих дивизий 36-го горно-стрелкового корпуса.

20-я горная армия стояла особняком на двух участках: в районе Полярного круга и у Ледовитого океана. Ее наземный фронт простирался на 650 км от Кестеньги до полуострова Рыбачий, а морской на 600 км — от фиорда Петсамо до Нордкапа. Снабжение корпуса, стоявшего у берегов океана, осуществлялось в основном морем, вдоль побережья Норвегии. Фронты у Полярного круга снабжались по Балтийскому морю. Однако с середины зимы и до поздней весны второй морской путь был закрыт льдами, поэтому сообщение между фронтом и родиной прекращалось.

Борьба и снабжение армии в Арктике осуществлялись в масштабах, которые диктовали особенности театра военных действий (климат и рельеф). На Крайнем Севере командование вынуждено было использовать людей, пространство и время совсем не так, как учили в школах и академиях, и значительно своеобразнее, чем на других фронтах.

Война в Арктике была суровой, как гранитные скалы Карелии, суровой, как климат этой зоны. В основном судьбу боя решал человек, а не техника.

ПРЕДИСТОРИЯ НЕМЕЦКО-ФИНСКОЙ КОАЛИЦИОННОЙ БОРЬБЫ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В период первой мировой войны Россия почувствовала необходимость получить выход к морям, контролируемым западными союзниками. Единственной незамерзающей гаванью на Северном Ледовитом океане, которую Россия называет своей собственностью, единственным природным перевалочным пунктом для связи по морю с атлантическим миром является бухта Кола с Мурманском. В 1915—1916 годах русские построили Мурманскую железную дорогу, которая у Онежского озера соединяется с веткой, идущей к Ленинграду. Сорока, Лоухи, Кандалакша (пункты на побережье Белого моря) — станции этой дороги, проходящей по пустынным местностям Восточной Карелии. Россия создала себе одинаково важную как в стратегическом, так и экономическом отношении магистраль. Кроме того, Мурманск стал основной базой русского морского флота в водах Арктики. Сейчас Мурманск является оперативной базой красного военно-морского флота в Ледовитом океане и Атлантике.

Когда в 1918 году немецкий экспедиционный корпус под командованием генерала фон дер Гольца высадился в Финляндии, чтобы оказать поддержку крестьянской финской армии бывшего царского генерала барона Маннергейма, боровшейся за свободу и независимость своей страны, англичане захватили Мурманск. Русские вовсе не просили о таком вмешательстве. Союзники действовали по наущению Черчилля, стремясь воспрепятствовать немцам в союзе с финнами закрепиться на берегах Ледовитого океана. Тогда не были предприняты какие-либо совместные германско-финские операции против Мурманска, так как развитие событий на Западном фронте летом 1918 года вынудило верховное немецкое командование отозвать из Финляндии корпус фон дер Гольца.

Освободительная борьба финнов в 1918 году породила финско-германское братство по оружию. Немецкий 27-й стрелковый батальон, который состоял исключительно из финских добровольцев, явился ядром молодой армии независимой Финляндии.

Разбитая в первой мировой войне, Российская империя понесла в бассейне Балтийского моря чувствительные потери. Кроме Финляндии, из ее рук ускользнули прибалтийские государства. Советский Союз не преминул воспользоваться первой же возможностью вернуть потерянные территории. Возможность представилась после того, как Германия летом 1939 года заключила с Советским Союзом пакт о ненападении. По этому соглашению прибалтийские государства и Финляндия были включены в сферу интересов Советского Союза. Жестокая и суровая политическая участь ждала эти территории. Прибалтийские государства Советский Союз оккупировал еще осенью 1939 года. От Финляндии же Советы потребовали баз на материке и ряд островов в Финском заливе. Финляндия отвергла это наглое требование, и Советы заговорили на языке оружия. 30 ноября 1939 года русские войска напали на маленькую Финляндию, чтобы силой привести ее к послушанию. Великие западные державы, запутавшиеся во второй мировой войне, оставили Финляндию одну в ее тяжелой стодневной борьбе. Так поступила и Германия, вооруженные силы которой в то время были скованы на западной границе империи. 13 марта 1940 года Финляндия должна была сложить оружие. По условиям мира, предложенным Москвой, у маленького храброго финского народа были отняты Карельский перешеек с городом Выборгом, старинным бастионом западной культуры, а также

Выборгский залив с островами, северное побережье Ладожского озера, горная крепость Салла и полуостров Ханко.

После этого акта грубого насилия Финляндия все время опасалась за свою политическую свободу. Наблюдение за тем, что происходило по ту сторону Финского залива, в прибалтийских государствах, позволяло финнам представить, что в конечном счете замышляет СССР, стремясь превратить Балтийское море в «красное». Не удивительно поэтому, что финны надеялись на резкое изменение германской политики в отношении России и облегченно вздохнули, когда немецко-русские отношения стали напряженными, — не в последнюю очередь из-за чрезмерных требований Советов к Финляндии.

Поводом для первых немецко-финских переговоров, переговоров солдата с солдатом, послужила просьба немцев разрешить немецким войскам транзитное сообщение через Северную Финляндию в Норвегию. После того как генерал Дитль покорил Нарвик и расчистил путь к крыше Европы, ему было поручено занять самую северную провинцию Норвегии — Финмарк. Постепенно, под предлогом «обороны полярной области», 2-я и 3-я горно-стрелковые дивизии были введены в район Варангер-фиорда. В действительности эти силы предназначались для наступления на Мурманск. В портах Ботнического залива и в районе Рованиеми необходимо было создать базы снабжения для группировки, которая готовилась к продвижению через Саллу на Кандалакшу и должна была быть переброшена по Балтийскому морю только непосредственно перед началом операций. Этому вопросу были посвящены зимние переговоры 1940—1941 годов начальника штаба немецкой армии в Норвегии полковника Бушенхагена с финским командованием и рекогносцировка северного участка финско-советской границы.

Начальник финского генерального штаба генерал Хейнрикс был приглашен немецким верховным командованием для разъяснения обстановки лишь в мае 1941 года. Возможно, что во время немецко-финских переговоров как в ставке немецкого верховного командования, так и в штабе сухопутных войск финнам намекнули на вероятность немецко-русского вооруженного конфликта. Генералу Хейнриксу, видимо, дали понять, что в этом случае предполагается ввести в действие армейскую группу, которая должна будет оперировать против Мурманской железной дороги из финской Лапландии. В начале июня полковник Бушенхаген еще раз обсудил с начальником финского генерального штаба намечаемое немецкое наступление на Мурманскую железную дорогу и Мурманск. Во время этих переговоров, состоявшихся перед самым началом восточного похода, был урегулирован вопрос о совместных действиях наступающих из Лапландии немецких войск со стоящими там гарнизонами финской армии и с дислоцированным поблизости 5-м (позднее переименован в 3-й) финским армейским корпусом. Однако это должно было произойти в том случае, если война затронет Финляндию.

Такой ни к чему не обязывающий и чисто военный характер носили соглашения между Германией и Финляндией до тех пор, пока последняя не была втянута в водоворот германско-русского конфликта.

СМЫСЛ И ХАРАКТЕР БОРЬБЫ НЕМЕЦКОЙ «ЛАПЛАНДСКОЙ АРМИИ»

В середине лета 1941 года, через несколько дней после начала похода на Восток, то есть в то время, когда в районе севернее Полярного круга солнце уже не заходит, три корпуса под командованием генерал-полковника фон Фалькенхорста начали наступление из финской

Лапландии на Восток. Мурманская железная дорога и бухта Кола с Мурманском были конечными целями этих наступательных операций на Крайнем Севере. «Это предприятие носит скорее характер экспедиции, чем операции. Ландшафт и климат непривычны для нас — жителей Центральной Европы. Военно-географическая обстановка также почти незнакома. У нас нет подходящих карт. Ввиду бездорожья исключено использование при наступлении на Лоухи, Кандалакшу и Мурманск, что является конечной целью операций «Лапландской армии», более двух дивизий на каждом направлении. Такого же мнения придерживаются и финны, советом и делом помогавшие нам планировать эту операцию. Наибольшие трудности сопряжены с местностью. Враг может быть разбит — это доказали финны во время стодневной зимней войны. Главная задача должна быть решена до наступления зимы, то есть, в условиях Лапландии, — до октября!..» Вот основные соображения, которые изложил полковник Бушенхаген, начальник «финского отдела» штаба немецкой армии в Норвегии, немецкому генералу при финской ставке генералу пехоты Эрфурту и начальнику его штаба во время их совместного полета в Финляндию 13 июня 1941 года. Насколько своеобразный характер носили операции в девственных лесах и тундре Лапландии, явствует из вступительных строк первого сообщения, направленного верховному командованию германской армии: «29 июня 1941 года в 00 час. 00 мин. немецкие горные стрелки, освещаемые полуночным солнцем, начали наступление на Мурманск по еще покрытой снегом тундре».

«Лапландская армия» наступала по трем направлениям: 3-й финский корпус двигался из района Суомуссалми — Кусамо на Лоухи; 36-й немецкий корпус — из района Кемиярви через Саллу на Кандалакшу и немецкий горно-стрелковый корпус «Норвегия» — из района Петсамо на Мурманск. Но «левофланговый кулак» так никогда и не обрушился ни на Мурманскую железную дорогу, ни на Мурманск. Условия местности и жестокий противник, знакомый с ней и привычный к ее климату, превозмогли волю и возможности немецкой «Лапландской армии». Мурманская железная дорога и порт Мурманск остались в руках русских. В ходе войны этим путем к ним попало огромное количество военных материалов из Америки.

В стратегическом отношении Мурманская железная дорога, проходящая в непосредственной близости от линии русских фронтов, давала противнику возможность проводить оборонительные операции «по наикратчайшим прямым». В то время как немецкие дивизии после форсированного марша и еще более форсированного развертывания боевых порядков действовали в сотнях и тысячах километров от родины и баз снабжения, русские войска сражались у ворот своих гарнизонов мирного времени.

Ввиду недостатка сил наступление трех ударных клиньев немецко-финской армии захлебнулось в пустынном районе между восточной границей Финляндии и Мурманской железной дорогой. Горно-стрелковый корпус «Норвегия» под командованием генерала горных войск Дитля после ожесточенных боев, проходивших с переменным успехом, застрял в районе предмостного укрепления восточнее Лицы. 36-й горно-стрелковый корпус под командованием генерала кавалерии Фейге, разгромив 46-й корпус русских, занял укрепленный район Салла и господствующие высоты — Волтти и Лысую. Однако и здесь наступательная сила смешанного немецко-финского корпуса была исчерпана. Правда, еще до наступления зимы на участке «Верман» удалось занять долговременные позиции. Фронт 3-го финского корпуса под командованием генерала Сииласвуо

после боев, которые велись финскими, а позднее и немецкими частями с превосходящими силами противника и не принесли успеха ни одной из сторон, стабилизировался западнее Ухты и в районе «плацдарма» восточнее межозерья Топ- и Пяв-озера. Кладбища героев недалеко от Топозера, у бастиона Салла и под Петсамо — красноречивые свидетельства борьбы и гибели немецких солдат из всех уголков Германии на этой первобытной земле.

Пограничные районы Финляндии, захваченные русскими во время зимней войны 1939—1940 годов, были освобождены немцами и финнами, сражавшимися плечом к плечу. Необходимые для германской военной промышленности никелевые рудники Петсамо были взяты под надежную защиту. Таков был малоутешительный результат операции, главной целью которой было перерезать самую короткую, самую важную и годную для сообщения в течение всего года артерию, идущую в Советский Союз из-за океана.

Разумно ли было вводить в действие целую армейскую группу с ограниченной целью парализовать Мурманскую железную дорогу? На этот вопрос следует ответить утвердительно, ибо лишь по этой железнодорожной линии западные союзники могли непрерывно, как летом, так и зимой, снабжать русских военными материалами, которые были жизненно необходимы Советскому Союзу для того, чтобы выдержать натиск немцев на главном фронте, в России. Важность цели полностью оправдывала введение в действие 4—5 немецких дивизий.

Почему же все-таки летом 1941 года планы «Лапландской армии» потерпели неудачу? Прежде всего из-за недостатка сил, а также потому, что на каждом из трех ударных направлений действовали соединения, равные по мощности, тогда как в том или ином месте нужно было создать действительно ударный кулак. Навязанная финскими советниками предвзятая точка зрения, будто бы из-за трудностей в снабжении ни на одном из направлений не могут действовать силы, превышающие две дивизии, укоренилась в головах авторитетных немецких руководителей и их помощников. Такая оценка возможностей службы снабжения была ошибочной. Однако к началу восточного похода никто, кроме финнов, не был более компетентным в этой области. А поэтому упрекать их было бы бестактностью.

После того как летняя кампания 1941 года против Мурманской железной дороги потерпела неудачу, немецкие и финские высшие командные инстанции неоднократно обсуждали вопрос о возможности и конкретных путях достижения цели — эффективного вывода из строя рельсового пути, ведущего к Северному Ледовитому океану. Единого мнения высказано не было, да его и не могло быть, ибо отсутствовала решающая предпосылка для единства действий в районе между Балтийским морем и Северным Ледовитым океаном — централизованное верховное командование всеми вооруженными силами этого театра военных действий, являвшегося единым целым.

Естественно, что на финской территории роль генералиссимуса мог исполнять только маршал Финляндии. Однако Маннергейм не внял просьбам немцев, отказавшись взять на себя верховное командование, так как он вовсе не хотел связывать себя ни в политическом, ни в военном отношениях.

В результате такого упущения коалиционная война на немецко-финских фронтах велась на основе различных прнципов и изобиловала неизбежными ошибками. Один тянул влево, другой — вправо. Стратегические вопросы финны перемещали в политическую плоскость. Условия, с которыми они связывали свое участие в операциях по блокированию Мурман-

ской железной дороги (разрешение проблемы Ленинграда немецкой группой армий «Север»[1] и отозвание финских частей с немецких фронтов у Полярного круга), не были выполнены немецкой стороной, так как, по мнению немецкого командования, положение на фронтах не позволяло сделать этого. Вместо того, чтобы действовать, вели переговоры, весьма отрицательный результат которых очевиден: в течение всей войны против Мурманской железной дороги больше не было проведено ни одной операции.

Слишком слабая зависимость финнов от Германии позволяла им идти своим собственным путем и в конце концов привела к тому, что ни на одном из двух направлений финны не внесли в общее дело своего посильного вклада: ни на Ленинградском, например, через Карельский перешеек или через Свирь с глубоким выходом в тыл вражеских войск, действовавших против армейской группы «Север», ни на направлении Мурманской железной дороги с целью ее захвата! А ведь обе эти в высшей степени важные операции вполне могли бы быть проведены поочередно. Мурманская железная дорога вовсе не обязательно должна была пасть в первые же недели восточного похода. Она приобрела решающее значение в снабжении русских лишь постепенно, во всяком случае после 1941 года.

Где же можно было с максимальным эффектом атаковать Мурманскую железную дорогу? Конечно, у ее начала — в районе бухты Кола. Комбинированный удар на Мурманск оставался бы постоянной задачей немецких наземных и морских сил как в случае наступления вдоль берега, так и при высадке в районе морской бухты. Господство в западной части Баренцова моря являлось непременным залогом удачной операции против Мурманска. Уже во время наступления горно-стрелкового корпуса «Норвегия» летом 1941 года стало ясно, что русским удалось использовать открытый морской путь для контрударов, бросив силы из района Мотовского залива в тыл продвигающимся к Лице немецким частям. То есть, наступая на суше, мы забыли о прикрытии с моря.

Наиболее уязвимым пунктом самой Мурманской железной дороги был город Сорока, расположенный на юго-западном берегу Белого моря. Отсюда с 1941 года отходит ветка на Обозерскую и далее на Архангельск, связывающая Мурманскую железную дорогу с железнодорожной сетью внутренней России. Поздней осенью 1941 года, после захвата района Кархумяки[2] (северная оконечность Онежского озера) — Руокоярви, финны занимали позиции, выгодные для дальнейшего наступления на Сороку.

Захват Мурманска и Сороки надолго парализовал бы Мурманскую железную дорогу, если бы... Однако здесь следует оговориться.

Какие бы операции ни проводились против Мурманской железной дороги, пустынные районы Восточной Карелии были и остаются труднопреодолимой преградой, прикрывающей железнодорожный путь. К тому же дорога дала бы русским возможность успешно отразить все удары наступающего противника, вынужденного двигаться сильно заостренными клиньями. Это и произошло, как только Мурманская дорога действительно приобрела для русских то решающее значение, которое приписывалось ей компетентными немецкими и финскими командными инстанциями.

Такой критический анализ проблемы, попытка решения которой и привела в Арктику немецкие войска, несколько противоречит сообщениям о борьбе на крайнем левом фланге Восточного фронта, растянувшегося от

---

[1] Немецко-фашистские войска, напавшие на Советский Союз на фронте от Балтийского до Черного моря, были разделены на три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг». (Прим. ред.)

[2] Медвежья гора. (Прим. ред.)

Черного моря до Северного Ледовитого океана. В то же время этот анализ помогает понять, как развивались события на территории Финляндии, каким упущением было отсутствие на этом театре единого командования.

Немецко-финское братство по оружию, которое в 1918 году сыграло свою роль в окончательном освобождении Финляндии, было вновь скреплено кровью во время наступления на Мурманскую железную дорогу. Крепкие узы истинного товарищества связывали фронты, на которых немцы и финны сражались вместе до тех пор, пока осенью 1944 года узы эти не были разорваны по требованию и под давлением Советов.

Три долгих года, словно ледорубы, вгрызшиеся в лед и гранит Лапландии, стояли три корпуса 20-й горной армии. Ни одна пядь обагренной немецкой и финской кровью земли не была отдана врагу, атаковал ли он с фронта, пытался ли путем обхода открытого фланга смять его, обрушивался ли на изолированные опорные пункты растянутых фронтов охранения или эшелонированные долговременные позиции оголенных флангов.

Вся тяжесть борьбы легла на плечи горных стрелков, гренадеров и саперов. При поддержке солдат всех других родов войск они овладели искусством боя в бескрайних лесах и коварных болотах, в поросшей мхом тундре и в одиночных окопах на «перешейке» Рыбачьего и берегах Ледовитого океана. Пусть незаходящее полярное солнце вынуждало войска на суше, на море и в воздухе быть в постоянной боевой готовности, пусть пламя подожженных лесов окружало позиции, пусть мириады комаров в кровь кусали людей и животных, пусть трескучие морозы пробирали до костей, пусть под прикрытием полярной ночи и ледяных снежных буранов наступали Советы, — несмотря ни на что, фронт генерал-полковника Дитля, которому на исходе 1941 года было вверено командование «Лапландской армией», непоколебимо стоял на полпути между восточной границей Финляндии и Мурманской железной дорогой.

КАК ФИННЫ ВЕЛИ ВОЙНУ НА НАШЕЙ СТОРОНЕ

В войну с Россией Финляндия вступила на нашей стороне, чтобы мечом вернуть себе территории, захваченные русскими в ходе зимней войны 1939—1940 годов. Включаясь в этот поход, который Маннергейм называет в своих мемуарах «продолжением войны», финны действовали глубоко обдуманно. Во время стодневной зимней кампании Россия со всей очевидностью показала свою превосходящую силу. Поэтому не удивительно, что, когда Финляндия вместе с нами двинулась на Восток, в мыслях и сердцах авторитетных политиков и военных, простых солдат и «человека улицы» еще жили известная тревога и скрытые сомнения.

«Обеспеченное будущее Финляндии», которое, говоря словами приказа Маннергейма от 28 июня 1941 года, являлось целью «священной войны» против извечного врага Суоми, было поставлено на карту в этом роковом споре, исход которого решался по другую сторону Финского залива, на «великом» Восточном фронте. Поэтому с самого начала войны взоры всех финнов были обращены к немецким товарищам по оружию, на буксире которых они шли в будущее.

Карельский перешеек — причина постоянных, имеющих 700-летнюю историю, военных столкновений между Финляндией, щитом Севера, и великой державой Востока «совершенно естественно занимал основное место во всех стратегических планах финнов, обсуждавшихся на первых оперативных совещаниях. Немецкое верховное командование хотело, чтобы финны нанесли главный удар восточнее Ладожского озера, «протянув руку» немецкой группе «Север» в районе реки Свирь. В конце кон-

цов именно это пожелание немцев сыграло решающую роль в продвижении финской «Карельской армии» под командованием генерала Хейнрикса через Ладожскую Карелию к Свири.

Финляндия вступила в войну свободной как в военном, так и в политическом отношении. Финское правительство сознательно уклонялось от всех попыток рейха крепче привязать к себе Финляндию. Финны хотели свести счеты с русскими, хотели устранить существующую несправедливость, вернув потерянные территории. При этом о будущей, лучшей, и к тому же естественной, границе — Нева — Ладожское озеро — Свирь — Онежское озеро — мечтали лишь немногие. Фактически навстречу желанию немцев вести совместные операции южнее Ладожского озера финны шли неохотно; они как бы подстраивались к движению группы армий «Север». Почему? Потому, что армейская группа «Север» занимала территорию вовсе не такими быстрыми темпами, какие были запланированы; потому, что она не добилась падения Ленинграда, и потому, наконец, что под Тихвином она завязла и была вынуждена отступить к Волхову. Последняя и наиболее веская причина «замедленного шага» финнов, несомненно, заключалась в том, что они считали эту кампанию всего-навсего вторым актом зимней войны 1939—1940 годов и вели ее во имя исправления допущенной несправедливости, но никак не во имя большего. Решать исход войны в целом должны были немцы. Ведь именно они подготовили план «Барбаросса».

Финны проводили совместные операции только там, где это казалось им выгодным. Но они вовсе не были склонны наносить решающие удары по уязвимым местам русского медведя. Вероятно, бывший царский генерал, маршал Финляндии Маннергейм знал силу народов Советского Союза и был знаком с преимуществами, которые давали обороняющемуся огромные пространства России, значительно лучше, чем политические деятели Германии. Допустим, ограниченные военные усилия финнов были разумными и правильными с их узко практической точки зрения; допустим, что ныне это принесло финнам свои плоды. Однако такая тактика противоречила сущности войны, ибо «до тех пор, пока я не раздавил противника, я должен бояться, что он раздавит меня» (Клаузевиц).

Почему же такой «страх» не охватил финнов, когда немцам не удалось одним ударом поставить русских на колени? Совершенно очевидно, что русскому медведю к концу 1941 года были нанесены тяжелые раны, однако он еще сопротивлялся. Когда он ожил и когда встал на дыбы?

Весной 1942 года русские перешли в наступление в Восточной Карелии, чтобы ликвидировать угрозу, нависшую над территорией восточнее Ладожского озера в результате действий финской «Карельской армии», и оттеснить к западу от Лоухи и Мурманска фронты, проходившие в опасной близости от Мурманской железной дороги. В районе Свири, близ Кестеньги, и на берегах Ледовитого океана в апреле и мае шли тяжелые оборонительные бои. Местные прорывы русских были ликвидированы в ходе контратак. На Свири 163-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Энгельбрехта сражалась плечом к плечу с финнами; в расположении 3-го армейского корпуса финнов под Лоухи немецкие и финские части стояли бок о бок.

После этого первого броска русских финны настояли на четком разграничении немецких и финских вооруженных сил.

В результате 163-я немецкая пехотная дивизия была выделена из финской «Карельской армии» и подчинена командованию 36-го горнострелкового корпуса. Она заменила на фронте корпуса финскую 6-ю дивизию, которая летом 1941 года отличалась в боях за Салла, Кайрала и Алакуртти. По Балтийскому морю была доставлена немецкая 7-я горно-

стрелковая дивизия, которая и сменила части 3-го армейского корпуса финнов.

С тех пор в оперативном подчинении командования 20-й горной армии остались только финские пограничные части. Они прикрывали широкие бреши между фронтами немецких корпусов, охраняли от русских партизан немногочисленные дороги и линии снабжения глухих участков армейского тыла, обеспечивали безопасность финского населения редких поселков Лапландии. На финских пограничников можно было положиться. Это были мастера «малой войны»: надежные проводники, прекрасные лыжники, меткие стрелки и хорошие товарищи.

В начале июля 1942 года командование 18-го немецкого горно-стрелкового корпуса приняло от 3-го финского армейского корпуса фронт у Кестеньги. Участок фронта у Ухты был передан финской армии.

С лета 1942 года 20-я горная армия была дислоцирована следующим образом.

Участок «Лоухи»: 18-й горно-стрелковый корпус (командир — генерал горных войск Беме) в составе 7-й горно-стрелковой дивизии и горно-стрелковой дивизии СС «Норд», позднее получившей название «6-й горно-стрелковой дивизии СС».

Участок «Кандалакша»: 36-й горно-стрелковый корпус (командир — генерал пехоты Вайзенбергер) в составе 163-й и 169-й пехотных дивизий.

Участок «Мурманск»: 19-й горно-стрелковый корпус (командир — генерал горных войск Шернер) в составе 2-й и 6-й горно-стрелковых дивизий, действовавших на суше; дивизионной группы «Петсамо», 210-й десантной дивизии и морской комендатуры «Киркенес», действовавших с моря. (В конце 1941 года 6-ю горно-стрелковую дивизию сменила 3-я горно-стрелковая дивизия, причем 139-й горно-стрелковый полк, ранее называвшийся «Нарвик», остался на побережье Ледовитого океана.)

Где бы ни сражались немцы и финны, они не оставались в долгу друг перед другом. Совместно завоеванным они владели в добром согласии. На стыках флангов финских и немецких частей не нужно было держать специальные охранные подразделения, обеспечивающие стабильность линии фронта. Совершенно естественно, как бы «дополняя» друг друга, немцы и финны переходили в совместное наступление; когда угроза нависала над опорным пунктом одного, другой шел ему на выручку. Финны учили нас вести бои в лесистой местности в условиях арктической зимы, мы учили их обращаться с незнакомым оружием. Финны были гостями в землянках наших солдат, а нас тепло встречали в финских столовых Лотты [1]. Мы не раз «причащались» приличными коньяками и, желая друг другу счастья, пили за общее здоровье. Мы были хорошими товарищами, братьями по оружию в истинном значении этого слова.

Зимой 1942—1943 годов маршал Финляндии прекратил всякие разговоры о совместном финско-немецком наступлении на Мурманскую железную дорогу, заявив: «Я больше не наступаю». Итак, фронты на Крайнем Севере окончательно превратились в наковальню.

ПРОЛОГ КАПИТУЛЯЦИИ ФИНЛЯНДИИ

После оборонительных боев весной 1942 года война в Карелии приняла затяжной характер. По существу это была позиционная «малая война». С весны 1944 года русские стали хозяевами положения и на этом (последнем) участке Восточного фронта. «Генеральное наступление» на

[1] Благотворительное финское общество времен второй мировой войны «Лотта сверд». (Прим. ред.)

Финляндию они предприняли прежде всего на политическом фронте. После неудачного мирного зондажа (лето 1943 года) в феврале 1944 года начались переговоры о заключении сепаратного мира между финскими, тогда еще не стоявшими у власти, политиками, возглавляемыми Паасикиви, и русским посланником в Стокгольме — госпожой Коллонтай. Финское правительство сначала отрицало свое участие в миссии Паасикиви, но 25 февраля признало, что Паасикиви находится в Стокгольме для того, чтобы ознакомиться с условиями русско-финского сепаратного мира. Хотя финская ответная нота отклонила условия Москвы, дверь для дальнейших переговоров оставалась открытой. В конце марта Паасикиви вылетел в Москву для продолжения переговоров, причем Германия не была осведомлена об этом шаге финского правительства. Кремль настаивал на своих прежних условиях и, кроме того, требовал возврата Петсамо. Финны снова формально ответили «нет», фактически изъявив готовность продолжать дальнейшие переговоры. Эта игра Финляндии встревожила германское правительство и дала ему повод усомниться в крепости дружеских отношений Финляндии и Германии.

Между тем в военном отношении на русско-финских фронтах пока еще царило затишье. Зато русские фронты, стоявшие против немецкой «Лапландской армии», набухали «свежими соками» и весной 1944 года «пришли в движение». На всех трех основных фронтах 20-й горной армии Советы использовали последние недели перед паводком и время окончания весенней распутицы для подготовки заманчивого обходного маневра, направленного против оголенных флангов наших корпусов. С этой целью они незаметно подтягивали новые силы, перегруппировывались, атаковывали то тут, то там опорные пункты наших фронтов охранения, занимали районы, которые должны были послужить им трамплином для последующих наступательных действий, строили дороги и создавали базы снабжения для будущих более крупных операций. Так действовали они не только на северных флангах 18-го и 36-го горно-стрелковых корпусов, но и против южного фронта укрепленного района Лицы. Они тревожили фронт охранения 2-й горно-стрелковой дивизии, которая прикрывала дальний южный фланг основного фронта, проходящего по берегу Ледовитого океана, и никелевые рудники Петсамо. В ходе этих атак, проводившихся с ограниченными целями, русские заняли позиции, с которых они надеялись в определенный момент быстро нанести сокрушительные удары нашим корпусным фронтам. Позднее они предприняли фланговые удары, которых мы ждали, но отразить которые могли лишь условно. Нам постоянно, без малейшей передышки, приходилось прикрывать новые фронты, возникавшие рядом со старыми позициями в результате маневров противника, и готовиться к обороне; при этом, эшелонируясь в глубину, мы безжалостно использовали резервы, чтобы не оказаться беспомощными перед лицом любой наступательной попытки врага. Такова уж участь обороняющегося на растянутом фронте: предполагать, замечать, в конце концов даже и знать, что враг в какой-то день «икс» начнет наступление, но не знать, когда и где! Сколько-нибудь существенных резервов армия не имела. Командиры корпусов должны были обходиться наличными силами и действовать по собственному усмотрению. Не удивительно, что напряжение на фронтах достигло крайних пределов; кроме того, именно в это время 7-й горно-стрелковой дивизии пришлось принять фронт у Ухты, который до сих пор занимали финны. В результате удлинения немецкого фронта к югу, на целый самостоятельный фронт дивизии, «резиновый шнур» 20-й горной армии был вынужден растянуться от Ухты до перешейка полуострова Рыбачьего и Варангер-фиорда. В ходе этой смены войск 193-я горно-стрелковая бригада прошла на лыжах от берегов Ледовитого океана через Рованиеми к Кестеньге, чтобы там закрыть брешь, образо-

вавшуюся после ухода с позиций 7-й горно-стрелковой дивизии, которая в свою очередь направилась на ухтинский фронт. 900-километровый переход на лыжах при смене войск в пределах одной армии — это ли не дает представления о пространстве и времени в широтах Лапландии!

Но вот снег расстаял. Русские части были готовы к прыжку. Они собирались разгромить и уничтожить нас. Несмотря на это, мы рискнули остаться на старых позициях, ибо только они были достаточно укреплены и приспособлены для ведения маневренных операций нашими небольшими силами. Мы рискнули во имя того, чтобы готовая сорваться глыба ни стратегически, ни политически не обрушилась на Финляндию. Политическая игра вокруг Финляндии не привела к желательному для Советов результату. Несмотря на сильную оппозицию в парламенте, президент Финляндии Рюти остался верен нашему общему делу. Подготовительные мероприятия русского командования против 20-й горной армии были видны как на ладони. Мы не ждали никакого крупного наступления на наши фронты до падения Финляндии и не ошиблись в этом. Мы энергично готовились к тому, чтобы в нужный момент уберечь 20-ю армию от мертвой хватки русских и отвести ее, по возможности «непотрепанной», на север, в самые отдаленные районы Лапландии.

После крушения планов политического наступления на Финляндию, в начале июня 1944 года, превосходящие силы противника, быстро и почти незаметно сосредоточившись, перешли в наступление на безмятежно спокойных финнов на Карельском перешейке. Финский фронт был смят. Через несколько дней русские стояли у стен древнего, овеянного славой бастиона западной культуры — Выборга, 700 лет охранявшего наиболее угрожаемые подступы к Скандинавии. После трехлетнего выжидания русский медведь сильно ударил увесистой лапой. Внезапный страх обуял правительство и народ. Каждый здравомыслящий финн понял в эти дни, что стремительным наступлением Советов на Карельском перешейке начался последний акт финской трагедии. В оперативном отношении финское командование действовало в районе Выборга правильно, всеми возможными силами пытаясь отвести удар врага от сердца Финляндии. Финские части, стоявшие в бездействии далеко на Востоке, на Свири и у Онежского озера, были оттянуты на защиту исконных земель Суоми. В Ладожской Карелии русские продвигались не особенно энергично. Они пытались решить исход войны на Карельском перешейке, нанеся Финляндии смертельный удар через брешь, пробитую у Выборга. Финляндия призвала на помощь немецких братьев по оружию. И немецкое верховное командование оказало такую помощь, несмотря на напряженное положение в Прибалтике. 122-я пехотная дивизия («Кондор»), соединения истребительной авиации, а также штурмовая артиллерия и новейшее противотанковое оружие были переброшены через Финский залив для укрепления финского фронта у Выборга. Имперский министр иностранных дел отправился в Хельсинки, чтобы удержать Финляндию от поспешных действий и заверить ее в максимальной поддержке Германии.

Генерал-полковник Дитль, преданнейший друг Финляндии, любивший эту страну так же, как свою Германию, вылетел в германскую ставку, чтобы добиться помощи финнам. На обратном пути из Граца испытанный в бесчисленных арктических бурях «Ю-52», с изображением буйвола на фюзеляже, разбился в немецких Альпах. Генерал-полковник Дитль погиб. Он погиб и за Финляндию! Горы, его горы, которые он как альпинист и лыжник, как охотник и солдат любил больше всего на свете, призвали его в Великую Армию.

Поздним летом 1943 года между верховным командованием вооруженных сил и командованием 20-й горной армии впервые состоялся об-

мен мнениями по вопросу о том, какие последствия для 20-й армии имел бы выход Финляндии из войны. Очевидно, что морской путь через Ботнический залив и через Балтийское море был бы совершенно закрыт или, в лучшем случае, мог использоваться лишь ограниченно. И все же командованию армии показалась невероятно рискованной идея верховного командования отвести всю «Лапландскую армию» на север, в тундру, и закрепиться там, чтобы сохранить для немецкой военной промышленности никелевые рудники Петсамо. Ведь в этом случае жизнеспособность армии, находящейся под «колпаком Европы», зависела бы от непрерывного снабжения ее по морю вдоль норвежского побережья! Англичане, из месяца в месяц закреплявшие свое господство на Северном море как на морских путях, так и в воздухе, несомненно, могли бы блокировать наши коммуникации. И в стратегическом отношении против такого чрезмерно растянутого фронта — от шведской границы до полуострова Рыбачьего — имелось веское возражение. В любое время и в любом месте русские могли бы ввести в бой против 20-й армии во много раз превосходящие силы. Поэтому командование армии высказало сомнение, не будет ли правильнее в подобном критическом положении рискнуть на «прорыв» через Балтийское море или же, имея за спиной Ботнический залив, продолжать борьбу в Финляндии до тех пор, пока хватит сил и боевых средств, но ни в коем случае не отступать на север, в тундру, где, если рассуждать здраво, армия стала бы жертвой превосходящего противника или погибла бы от голода. Несмотря на это предостережение, командованию 20-й горной армии было предписано в случае капитуляции Финляндии подготовить отвод армии к Нордкапу, где она должна была расположиться большим полукругом радиусом в 400 км.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ «БЕРЕЗА»

В сентябре 1943 года генерал-полковник Дитль и начальник его штаба генерал-лейтенант Фердинанд Иодль впервые обсудили возможность проведения маневренной операции, во время которой тысячи людей «со всем скарбом», подобно кочующим цыганам, должны были пройти сотни километров на север. Войска не могли совершить этот рискованный переход без соответствующих баз снабжения, которые в течение многих месяцев снабжали бы их всем необходимым для жизни и борьбы в безлесной тундре: строительными материалами, продуктами питания, медикаментами и даже временными укрытиями для самолетов. Немногочисленные дороги Лапландии вообще не пригодны для такого передвижения войск. Жители редких лапландских поселков пользовались ими для мелких товарных перевозок на оленях; хороши они и для спортивного туризма. Правда, в этом районе проходит дорога «Северного Ледовитого океана» и прибрежные дороги Норвегии, но этого было слишком недостаточно. Итак, выход из создавшегося положения оставался один: получить, что было сопряжено с известным риском, все необходимое через основные порты Норвегии, построить или отремонтировать нужные дороги. Работы начались зимой 1943—1944 годов. Однако арктическая зима и незначительность наличных сил сильно тормозили дело. Руководство осуществляли командование 20-й армии и 5-й воздушный флот (Осло). На норвежской территории проведение мероприятий было поручено командованию «Норвежской армии» (генерал-полковнику фон Фалькенхорсту) и обер-квартирмейстеру Скандинавии, на территории Финляндии — командованию 20-й армии. Были намечены пути следования и линии снабжения: дорога в долинах Торнио- и Муонио-Иоки вдоль финско-шведской границы, от Муонио до треугольника, образуемого тремя странами,

представляющая собой тропу, пригодную лишь для гужевого транспорта; дорога Ивало — Лаксэльв, которая требовала значительного расширения. Третьей жизненно важной коммуникацией была имперская дорога «50» (Нарвик — Киркенес) протяженностью свыше 1000 км, прерываемая Линген-фиордом, ширина которого достигает 16 км. Эта дорога кое-где вьется по берегам фиордов, все снова и снова врезаясь в фьеллы, разделяющие их. В основном здесь допустимо одностороннее движение, так как поворот следует за поворотом, вираж за виражем. Профиль дороги подобен профилю альпийских горных дорог и, следовательно, почти недоступен, особенно в гололедицу и снегопад, для пароконных армейских повозок. В горах надежной защитой от снежных заносов служили тоннели, на открытых местах — насыпи, защищенные хитроумной системой снегозадержателей. Имперская дорога «50» — творение немецких саперов и тодтевцев [1] — была пуповиной, связывающей (через Нарвик) тыл с фронтом на Крайнем Севере. От состояния этой дороги — «артерии» и зависела тогда судьба целой армии и всех приданных ей авиационных частей и подразделений морского флота. Серьезное повреждение этого пути при одновременной блокаде с моря могло бы привести к гибели десятков тысяч людей.

В глубине души мы надеялись, что дело никогда не дойдет до похода войск на север и рискованной борьбы 20-й горной армии в поистине опаснейшем месте и в наиболее негостеприимной зоне Европы. Однако развитие событий на Восточном фронте по ту сторону Балтийского моря вынуждало действовать в соответствии с директивой верховного командования вооруженных сил. Самым срочным и важным делом, завещанным новому командующему армией его предшественником (назначение последовало 1 марта 1944 года), была подготовка, повидимому, неизбежного отвода «Лапландской армии» в тундру. Дорога была каждая минута! Нужно было наверстать упущенное зимой, а многое создать заново: дорожные трассы с большой пропускной способностью для передвижения крупных войсковых соединений, временные мосты взамен теперь уже не удовлетворяющих паромов, промежуточные позиции, способные принять все отходящие войска, и, наконец, долговременные позиции, на которых они должны были вести бои за вершину Скандинавии и за никель, залегающий там близ Петсамо. Командиры корпусов должны были проводить на своих участках такую же подготовку, какую проводило в армейском тылу командование армии. Операцию необходимо было продумать и спланировать во всех деталях. Ее успех в основном зависел от пропускной способности дорог и нормального снабжения. В этом почти безлюдном краю крупные войсковые соединения должны рассчитывать только на свои запасы.

Намерения противника были все еще не ясны. Что предпримут русские, когда падет Финляндия? Ограничатся ли они тремя локальными лобовыми ударами по трем корпусным фронтам с целью уничтожить немецкую армию в Лапландии или же ринутся, используя железные дороги и моторизованные части, через бывшие финские фронты на коренную финскую территорию и ударят во фланг и тыл 20-й горной армии, а потом и в ее сердце — район Рованиеми? Весь 18-й корпус и бо́льшая часть 36-го корпуса, двигаясь на север, неминуемо (в прямом значении этого слова) должны были пройти через Рованиеми. Другого пути не было!

А как поведут себя финны? Ни в сердце, ни в мыслях мы, конечно, не допускали, что недавний брат по оружию станет на нашем пути.

---

[1] Члены «Организации Тодта». Фриц Тодт — гитлеровский генеральный инспектор железных и шоссейных дорог. Умер в 1942 г. (Прим. ред.)

«Мы никогда не предадим вас», — говорили все финские офицеры-фронтовики, с которыми мы иногда обсуждали крайние последствия дальнейшего неудачного хода войны, и мы верили в искренность этих слов. Однако солдат не свободен в своих действиях. Он — исполнитель политических решений и приказов. В некоторых случаях, когда это диктуется государственным разумом, он должен действовать вопреки своему сердцу. Что стало бы с государством, если бы его солдаты по собственному усмотрению заставляли говорить или заставляли молчать вверенное им оружие?

ФИНЛЯНДИЯ КАПИТУЛИРУЕТ

Русский шторм, бушевавший в середине лета 1944 года над Карельским перешейком, поколебал и немецко-финские отношения. День летнего солнцестояния, который считается праздником во всех северных странах, был омрачен — пал Выборг. Головные танковые колонны русских стояли у ворот в Южную Финляндию. В тот же день имперский министр иностранных дел срочно прибыл в Хельсинки, чтобы окончательно выяснить позицию Финляндии по отношению к Германии. После многодневных дебатов финские государственные деятели и маршал Финляндии, скрепя сердце, согласились продолжать борьбу на стороне Германии. Рюти подтвердил это решение в личном послании Гитлеру. В официальном обращении по радио финское правительство обязалось не прекращать военных действий без предварительного согласия Германии. Чтобы воспрепятствовать вторжению русских в Южную Финляндию, на главном фронте финнов, в районе Выборга, в конце июля и в начале августа части немецкой армии, авиации и флота оказали поддержку финским товарищам по оружию, которые вели тяжелые бои. Непосредственная угроза, нависшая над Суоми, была предотвращена. Русские нанесли Финляндии чувствительные удары. Однако они воздержались от проведения затяжной и изматывающей силы операции против легко защитимых и выгодных для обороны коренных областей Финляндии. Они приостановили наступление на финском фронте и перебросили освободившиеся силы в Прибалтику, чтобы «орудовать» там, где должен был решаться исход войны — на «великом» Восточном фронте.

27 июля в руках русских оказалась Нарва. «Падение Нарвы создает для Финляндии новую ситуацию», — уже за несколько недель до этого говорил финский министр иностранных дел. Следовательно, обладание этим городом было «предельной ставкой» в финско-немецкой коалиционной войне.

Против заключенного недавно Рюти непопулярного пакта с Германией немедленно поднялась политическая оппозиция, выражавшая настроения усталости от войны. Воля, а может быть, и возможности народа продолжать борьбу на нашей стороне были исчерпаны. 1 августа Рюти должен был уйти в отставку. В соответствии с законом президентом Финской республики был назначен Маннергейм.

17 августа финскую ставку посетил фельдмаршал Кейтель. В беседе с ним Маннергейм заявил, что отставка Рюти означает разрыв уз, связывающих судьбы Финляндии с Германией. Финское правительство снова почувствовало себя свободным в политическом отношении. 31 августа финский министр иностранных дел уведомил немецкого посла о возобновлении переговоров с Советским Союзом о заключении сепаратного мира.

Новый командующий немецкой «Лапландской армией» генерал-полковник Рендулич, озабоченный судьбой своей попавшей в беду армии, 1 сентября отправился в Хельсинки, чтобы «вынудить признание» и получить точные сведения, какой же путь изберут теперь финны.

2 сентября Рендулич встретился с Маннергеймом. Однако маршал Финляндии не раскрыл своих карт товарищу по оружию. На обратном пути в Рованиеми главнокомандующий немецкими вооруженными силами в Финляндии, слушая радио, узнал о капитуляции финнов, которая содержала такое серьезное условие, как очищение от немецких войск финской территории до 15 сентября.

Отныне на Крайнем Севере мы оставались в одиночестве. Между нами и группой армий «Север» в Прибалтике зияла огромная брешь, которую до сих пор закрывали финны. Немецкие войска в течение 12 дней должны были покинуть Финляндию; в противном случае, как гласил приказ русских, финны обязаны были «интернировать их с применением всех средств». Очищение Лапландии в такой срок было неосуществимо. Ведь мы глубоко вклинились в русскую Карелию, и враг наступал нам на пятки. Русские выжидали момент, когда мы окажемся изолированными, чтобы обрушиться с позиций, занятых весной 1944 года, и прикончить нас. Условие очистить Лапландию в 12 дней неизбежно должно было привести к финско-немецкому конфликту, так как мы не собирались «интернироваться», то есть сдаваться в плен русским. Мы просто не были готовы к этому!

ОПЕРАЦИЯ «БЕРЕЗА»

3 сентября 1944 года верховное командование одобрило план проведения операции «Береза». Цели и задачи этой операции сводились к следующему: удерживая фронт у Ледовитого океана, оторваться от противника на участках «Лоухи» и «Кандалакша»; перебросить освободившиеся войска через Рованиеми на север и здесь закрепиться на новых позициях; оседлать пограничную дорогу (Торнио — Муонио и далее на северо-запад) на стыке трех стран, развернув далеко на восток фронт охранения южнее Каутокейно; оседлать дорогу «Северного Ледовитого океана» южнее Ивало. При этом укрепленный район «Таран» на стыке трех стран вместе со своим продолжением — фронтом охранения у Каутокейно, должен был помешать продвижению противника к Линген-фиорду с целью отрезать от остальной части Норвегии выдающийся далеко на восток «выступ» Финмарка.

Укрепленный район «Защитный вал» южнее Ивало должен был прикрыть фронт у Ледовитого океана и никелевые рудники Петсамо с юга и обеспечить прочное сохранение в наших руках развилки дорог у Ивало и самой дороги Ивало — Лаксэльв. Только эта дорога надежно связывала зимой 19-й корпус, стоявший на фронте у Ледовитого океана, с Северной и Центральной Норвегией, ибо северный участок имперской дороги «50» (Лаксэльв — Киркенес) не защищен от снежных заносов. Да это и не удивительно. Средства, которыми мы располагали, не позволяли нам заниматься благоустройством этого открытого ветрам, а значит, и снегу участка дороги, проходящей по пустошам к югу от Нордкапа. Раньше эта дорога не играла решающей роли, потому что снабжение фронта у Ледовитого океана осуществлялось морским путем. До начала маневренной операции «Береза» в кратчайший срок следовало провести три подготовительных мероприятия: организовать оборону южного фланга, который оказался оголенным в результате капитуляции Финляндии; организовать снабжение войск на марше по пограничной дороге (Торнио — Муонио) и дороге «Северного Ледовитого океана»; вывести наиболее ценные материалы из района Рованиеми и из портов Оулуярви и Кемиярви частично на север, частично в Германию. Финны оказали некоторую помощь в транспортировке грузов по Балтийскому морю, предоставив в наше распоряжение суда. Однако эти суда оказались «дарами данайцев», ибо,

когда немецкие военно-морские силы попытались внезапно овладеть островом Сурсари[1] в Финском заливе (к сожалению, там произошли бои с финским гарнизоном острова, и попытка не удалась), финны вернули в свои порты уже нагруженные суда, направлявшиеся в Германию, или заставили следовать их в порты Швеции. Имущество погибло, а колоссальный труд и ценное горючее были затрачены напрасно.

На эвакуацию армейских тыловых служб, переброску жизненно важных запасов на север, организацию снабжения армии на марше и, наконец, уничтожение материалов, которые нельзя было спасти, ушло, несмотря на активные старания всех участков, особенно водителей автоколонн, и использование всех имевшихся в распоряжении транспортных средств, довольно много времени. От успеха в этом деле существенно зависело настоящее и будущее снабжение действующих частей. Таким образом, требования начальника тыла решающим образом определяли темпы передвижения войск. По чисто тактическим оперативным причинам мы отрывались от противника недостаточно быстро, хотя должны были совершать переходы форсированно, так как близилась зима, а оборонительные рубежи, предусмотренные планом операции «Береза», были совершенно неподготовлены для ведения боев в зимних условиях. Строительство укрепленных районов «Таран» и «Защитный вал» было начато только после весенней распутицы 1944 года. Оно велось с предельной энергией под руководством опытнейших специалистов из строительного управления штаба армии. Именно благодаря их многолетнему опыту позиционных боев на фронтах у Полярного круга и Ледовитого океана наши части смогли зарыться в землю в редких лесах на границе растительности, смогли взорвать гранит безлесной тундры. Развернись на этих позициях серьезные бои, нападающий сломал бы себе здесь не один зуб.

Прикрытие южной опорной группы 20-й горной армии (7-я горнострелковая дивизия, занимавшая позиции в районе Ухты) и открытого южного фланга армии, проходящего вдоль водного рубежа Оулу-Йоки — Оулуярви и примыкающей к нему на северо-востоке цепи озер, осуществляли специально созданные для этой цели боевые группы «Запад» и «Восток». Подвижные соединения — моторизованная лыжная бригада автоматчиков «Финляндия», мотострелковые части, разведывательные батальоны, легкие танки, противотанковые истребительные батальоны, самоходные орудия и мотостроительные батальоны — были стянуты сюда с корпусных фронтов, в том числе с отдаленного на многие сотни километров фронта у Ледовитого океана, вопреки возражениям командиров корпусов, в чьих планах именно этим подвижным частям отводилось выполнение важных задач во время ожидавшихся здесь затяжных боев. Но какую пользу принесла бы обоим южным корпусам даже самая гибкая и искусная оборона, обращенная фронтом на Восток, если бы подвижная группировка русских или финнов овладела районом Рованиеми и преградила бы 18-му и 36-му горно-стрелковым корпусам путь на север? В рамках задачи флангового прикрытия обеим боевым группам было приказано провести такие заградительные мероприятия, которые смогли бы замедлить продвижение наступающего противника. При этом следовало щадить финские поселки хотя бы потому, что их население добровольно эвакуировалось из района севернее Оулу-Йоки. С поразительным спокойствием и без какой-либо неприязни к нам финское население начало поход в неизвестность в общем русле движения к Ботническому заливу. Никто с финской стороны не организовывал и не направлял эвакуацию. Однако коренные жители лесов обходились без посторонней помощи; они почти не мешали нашему движению и в конце кон-

[1] Гогланд. (Прим. ред.)

цов преодолели все трудности. Финские военные и гражданские власти бросили их на произвол судьбы.

Мы предложили финской ставке назначить компетентного офицера генерального штаба, с которым можно было бы разрешить все споры, возникающие между нами и финнами, улаживая их в интересах обеих сторон. Это предложение не встретило возражений верховного финского командования. Финский офицер связи при штабе 20-й армии полковник Виламо — ветеран 27-го стрелкового батальона «Кайзер Лапландии» — и в эти критические дни оставался нашим искренним другом и советником.

Взрыв любого моста, минирование любой дороги вызывали тяжбу с финскими специальными уполномоченными. Однако в основном финны все-таки соглашались с намеченными нами заградительными мероприятиями, которые планировались с таким расчетом, чтобы исключить потери с их стороны. Финны, следуя по пятам за нами, хотели сразу же занять очищаемые нами южные районы. Они предполагали, а может быть, и знали, что в этом случае русские не будут «оккупировать» их вновь. Финны предъявляли нам при этом щекотливое требование — передать им, по возможности к 15 сентября, прибрежную полосу Оулуярви — Торнио с исправной шоссейной и железной дорогами. Мы не выполнили этого требования по двум причинам:

1. В этом случае в руках **финнов** находилась бы оперативная база для действий против «ключевого района» Рованиеми или даже трамплин для опережающего броска к Линген-фиорду.

2. В любое время в этот район с точно таким же намерением могли бы войти **русские.** Более того, они могли бы потребовать пропустить свои войска через шведскую территорию в направлении Нарвика и вынудили бы Швецию выполнить это требование. Разрешала же Швеция весной 1941 года переброску немецкой дивизии из Норвегии в Финляндию по шведской железной дороге! Весьма возможно, что «любовь» к одному с поразительной легкостью сменилась бы «любовью» к другому!

Учитывая это, мы категорически отклонили требование финнов относительно данного коридора. Как правильно мы тогда поступили, показали нам последующие плачевные события, происшедшие в этом районе. И все-таки мы были настолько великодушны, что согласились на пребывание финских войск, — вкрапленных в наши боевые порядки! — в этой прибрежной полосе. Правда, их задачи носили как будто мирный характер — эвакуация гражданского населения и охрана больших складов леса, а также целлюлозных фабрик близ Кеми, переходящих к русским по условиям перемирия. Мы доверительно согласовали вопрос о сроке и путях продвижения финских войск, которые должны были следовать непосредственно за отрывающимися от противника боевыми группами «Запад» и «Восток». Мы пошли на это исключительно в интересах финнов, желавших, двигаясь вслед за нами, занять свою территорию и воспрепятствовать тем самым оккупации этой зоны русскими. Мы передали финнам различные армейские склады, имущество которых не могли захватить с собой из-за недостатка времени и транспортных средств. Короче говоря, мы старались полюбовно расстаться с нашими бывшими товарищами по оружию и вопреки всему избежать столкновений между нами и финнами. Финский специальный уполномоченный неустанно повторял, что и финское верховное командование стремится к этому.

В основу операции «Береза» был положен вначале следующий план: 18-й горно-стрелковый корпус должен был оторваться от противника и пройти через Рованиеми на север, расположившись в основном в районе стыка трех стран. Этот корпус (командир — генерал пехоты Хохбаум)

держал фронты под Ухтой (7-я горно-стрелковая дивизия) и Кестеньгой (6-я горно-стрелковая дивизия СС и дивизионная группа «К», командир — генерал-майор Крейтлер).

36-й горно-стрелковый корпус под командованием генерала горных войск Фогеля в составе 163-й и 169-й дивизий, стоявший на участке «Верман», должен был направиться через Рованиеми к Ивало.

Таким образом, 18-му корпусу предстоял значительно больший путь к району Рованиеми, чем 36-му.

18-му корпусу необходимо было сначала свернуть фронт у Кестеньги, который выдавался далеко на восток; северному флангу этого фронта угрожала опасность обхода. 7-я горно-стрелковая дивизия могла присоединиться к отходящим от Кестеньги частям своего корпуса только тогда, когда последние достигнут укрепленного района «Бастион» в межозерье Топ- и Пяв-озера у Софьянги.

В свою очередь движение боевых групп «Запад» и «Восток» зависело от маневров 7-й дивизии.

С самого начала операции фронт 36-го корпуса стал нашим самым уязвимым местом на востоке. Ибо, с оперативной точки зрения, наибольшая опасность в первой фазе операции «Береза» грозила именно с востока — с кандалакшского направления. С уверенностью можно было сказать, что противник попытается задержать и разгромить немецкие войска на участке «Верман», а затем быстро двинется через Саллу и Кемиярви к нашему сердцу — Рованиеми — с целью уничтожения войск, находящихся на марше. О таком намерении русских свидетельствовала и тактическая подготовка, проводившаяся ими весной 1944 года на участке «Верман». Превосходящие силы противника с явно выраженным направлением главного удара на северный фланг этого участка стояли наготове. Прежде всего следовало уберечь 36-й корпус от сокрушающего удара русских. Для этого корпус нужно было вывести в район Саллы, а оттуда специально выделенным транспортом (транспортная группа поддержки) перебросить его основные части через Кемиярви в Савукоски и далее по построенному специально для этого проселку к дороге «Северного Ледовитого океана» севернее Соданкюля. Транспортной группе поддержки «Савукоски» была поставлена задача любой ценой сорвать возможное преследование в направлении Соданкюля. За истекшие месяцы мы основательно изучили повадки врага и его оперативные возможности. Был составлен своего рода «контрсценарий». Все нижестоящие командные инстанции и наиболее опытные командиры частей принимали участие в обсуждениях и планировании. Каждому из нас было ясно, что инициатива нигде не должна быть отдана русским, что движение одного зависит от выдержки другого, что операция на обширных пространствах с редкой и уязвимой сетью дорог может быть успешной только в том случае, если маневры всех частей будут согласованы и если руководство будет одновременно гибким и требовательным как в малом, так и в большом.

Сложный механизм разбросанной на обширном пространстве, однако безупречной во всех своих звеньях армии работал слаженно. «Береза» была «срублена» (таков был пароль) в ночь с 8 на 9 октября. В ту ночь 20-я армия сделала свой первый шаг назад. Самый северный участок Восточного фронта, в котором после падения финнов зияла огромная брешь (от берегов прибалтийских государств до реки Оулу), пришел в движение. А путь предстоял далекий. «Лапландская армия» шла по бескрайним просторам. Повидимому, почти незаметно для противника, а поэтому подвергаясь лишь незначительному обстрелу, дивизионная группа «К» и 6-я горно-стрелковая дивизия СС снялись с пози-

ций восточнее Кестеньги. Укрепленный район «Бастион» в межозерье Топ- и Пяв-озера, созданный весной 1944 года как запасная позиция, а теперь значительно расширенный, на несколько дней принял 6-ю горнострелковую дивизию СС, которая должна была прикрыть отход дивизионной группы «К» и ее дальнейшее отступление на Кусамо. Из состава дивизионной группы «К» командование армии, опасавшееся за свой южный фланг, выделило специальный резерв. Основная группа двинулась после этого на юго-запад от Кусамо. Ее ближайшей целью был район Пудасярви, которого она и достигла после 10-дневного перехода. Занятие укрепленного района «Бастион» означало, что выдвинутый далеко на восток клин «Лапландской армии» успешно ликвидирован. Таким образом, фронт был выравнен: части на позициях у Ухты, в районе «Бастион» и на участке «Верман» стояли как бы на одной линии. Войсковые соединения, расположившиеся на этих трех территориально раздельных фронтах, должны были теперь шаг за шагом продвигаться в направлении Рованиеми, но так, чтобы движущаяся на запад «фаланга» оставалась единой, несмотря на огромные бреши между соединениями, и чтобы противник не имел возможности ни на одной фазе маневра отрезать наш фланг или зайти к нам в тыл.

В ночь на 10 сентября были оставлены подвергавшиеся наибольшей опасности опорные пункты фронтов охранения под Ухтой. Главные силы 7-й горно-стрелковой дивизии следующей ночью снялись со своих боевых позиций, не подвергаясь существенному беспокойству со стороны противника. Неясны были намерения финского пограничного батальона, все еще несущего боевое охранение южнее позиций 7-й горно-стрелковой дивизии. Хотя прямодушный командир 14-й финской дивизии, стоявшей под Руокоярви, и заверил офицера связи штаба армии и командование 7-й дивизии, что он останется на старых позициях и не откроет русским без боя путь к флангам и тылу 20-й армии, на нашей оперативной карте, в месте стыка немецких и финских войск, стоял большой знак вопроса. Здесь мы были наиболее уязвимы. Поэтому командование армии взяло в свои руки контроль над районом между Оулуярви и Суомуссалми, направив сюда боевую группу «Восток». Впоследствии русские действительно бросили на это особенно опасное для нас направление силы примерно в две дивизии. При этом они просто «не заметили» 14-ю финскую дивизию. Очевидно, русские все же недооценили трудностей передвижения. Противник постоянно опаздывал, а поэтому не мог решающим образом повлиять на ход событий на южном фланге 20-й армии. Боевая группа «Восток» была вовлечена лишь в перестрелку разведчиков, за которой не последовало серьезных боевых действий. Она провела «отрыв от противника» и сконцентрировалась в Пудасярви так, словно в мирное время разучивала упражнение «Заградительный огонь при смене позиций».

. К нашему удивлению, подойдя к финской границе, русские приостановили наступление. Казалось, будто условия русско-финского перемирия содержали такую оговорку. Вместо русских из района Каяни по пятам боевой группы «Восток» следовали финны, причем в таком темпе, который был обусловлен нашими заградительными мероприятиями, а кроме того, и джентльменским соглашением между нами и финнами. Сначала финны корректно придерживались этого соглашения. Узы прежнего братства по оружию были еще сильнее и действеннее, чем диктат перемирия, который с каждым днем все больше сказывался на действиях финнов.

Вплоть до самой русско-финской границы 7-я горно-стрелковая дивизия вела в ходе операций по отрыву от противника лишь небольшие арьергардные бои. И на этом участке Советы прекратили преследование

в пограничной зоне. 7-я дивизия беспрепятственно продолжала свой путь на Пудасярви, которого она достигла в конце сентября вслед за дивизионной группой «К». В остальных районах были взорваны мосты и заминированы все дороги. Финские поселки остались нетронутыми, несмотря на опасность использования их преследующим противником. Мы обещали финнам всемерно щадить их собственность в этой зоне и подвергать разрушению только пути сообщения. Свое обещание мы сдержали.

Арьергардам 6-й горно-стрелковой дивизии СС, двигавшимся из укрепленного района «Бастион» к Кусамо, пришлось не раз спасать свою шкуру. Однако и здесь врагу не удалось нанести удар главным силам дивизии, хотя он неоднократно предпринимал опережающие броски и блокировал единственный путь движения, тревожа дивизионные арьергарды, которые, пожалуй, слишком близко «прижимались» к дороге. После длительной позиционной войны любая часть должна заново учиться ведению боев на марше. Арьергарды 6-й дивизии СС были, и совершенно правильно, обильно моторизованы. Однако такая «подвижная основа» опасна тем, что войска как бы липнут к ней. Психологически это вполне объяснимо, ибо они остаются по существу «лицом к лицу с противником», но тактически и с точки зрения гибкости боевых действий — неверно. Разведка и боевое охранение арьергардов, с боями отступающих вдоль дорог, должны быть «вездесущими» и достаточно плотными — только в этом случае можно остаться хозяином дороги. Особенно важно соблюдать такое требование, действуя в лесистой местности.

36-й корпус на участке «Верман» (на полпути от Кандалакши к Салле) должен был и после отхода 18-го корпуса несколько дней выдерживать удары противника, преграждая путь его войскам, двигавшимся по наикратчайшей прямой к Рованиеми. Противник явно предназначал этим частям роль ударной группы. Русские, конечно, были твердо уверены в том, что в один прекрасный день, или, вернее, ночь, 36-й корпус снимется со своих обжитых позиций с целью оторваться от противника и уйти через Саллу к Рованиеми. Обмануть их и на этом участке фронта, избежав ловушки, которая в течение длительного времени готовилась для уничтожения корпуса, было, здраво рассуждая, очень трудно. Да и вообще возможно ли? Честно говоря, шансов было мало. Противник держал нашу судьбу в своих руках. Обе дивизии корпуса, действовавшие в Финляндии с самого начала войны, 163-я (бранденбургская) и 169-я (гессен-тюрингская), находились в таком невыгодном положении, что только самое гибкое руководство, высокая боевая выучка войск, чувство превосходства над противником и стремление любой ценой выбраться из западни могли поправить дело. Мы беспредельно доверяли этим испытанным войскам.

Однако мы опасались, удастся ли начать операцию по отрыву от противника в нужный момент? Или враг опередит нас, неожиданно обрушив сокрушающий удар? Двинутся ли русские, собрав в кулак свои силы, на Алакуртти или попытаются перерезать пути отхода к Кайрале и даже к Салле, преградив корпусу дорогу на Рованиеми?

Невероятно, но русские все же не бросили свои основные силы на самый опасный для нас охват с севера. Более того, их ударная группа в составе нескольких батальонов двинулась в район южнее Толваярви. Очевидно, она должна была смять фронт охранения «Юго-Восток» и, минуя Волтти и Тунтури, взять направление на Алакуртти или даже на Вуориярви, отрезав путь отхода 36-го корпуса. Вероятно, русским уже мерещился двусторонний охват. Однако этой вражеской группировке не удалось добиться успеха. Слабые силы фронта охранения «Юго-Восток» парировали атаки врага до тех пор, пока этого требовала общая обстановка. Возмож-

но, что на этом направлении противник предпринял простую демонстрацию с целью ввести нас в заблуждение, сковать наши силы или оттянуть их на себя, а потом одним ударом «пригвоздить» нас на месте. Может быть, он хотел отвлечь внимание германского командования от района главного, смертельного удара, который тем временем готовился, а именно — от района Кайрала — Салла. Маневр был хитро задуман и смело начат. Ничего еще не подозревая, мы решили начать отвод 36-го горнострелкового корпуса в ночь на 10 сентября. Вопреки ожиданиям, корпус удачно провел отрыв от противника. Операция осуществлялась планомерно до тех пор, пока русские, пройдя по бездорожной, покрытой девственным лесом пустынной местности, не преградили путь двигающейся по основной дороге колонне восточнее Кайралы. Одновременно (10—11 сентября) противник появился на участке восточнее Корьи (к северо-востоку от Саллы). Находившиеся там наши малочисленные части прикрытия были опрокинуты. Русские под огнем форсировали реку Тунтсу, навели мост и вышли на дорогу Салла — Корья, причем этот путь проделали не только пехота, гужевой и вьючный транспорт, но и танки Т-34. Такой более чем неожиданный для нас рейд свидетельствовал о замечательном умении противника действовать в лесистой местности. Но обладала ли эта вражеская группировка способностью, то есть боевым духом и «нервами» снабжения всем необходимым, особенно горючим, для броска к Салле?

Наши части прикрытия в районе Корьи были смяты лобовым ударом. Немаловажной причиной этого явилось полное отсутствие у них противотанкового оружия — мы считали данную местность танконедоступной. Таким образом, положение вынуждало любой ценой заткнуть дыру. Вопрос должен был немедленно решаться командованием корпуса, которое в этот момент находилось в разных местах: первая группа во главе с командиром корпуса генералом горных войск Фогелем уже достигла Саллы, а вторая во главе с начальником штаба корпуса руководила отходом войск из района Алакуртти на запад. Части, начавшие марш-маневр, должны были «с хода» менять направление движения, ибо главная дорога на Саллу была блокирована у Кайралы. С какой полнотой окупилось в этом критическом положении время, затраченное корпусом на строительство запасного пути, огибавшего Алакуртти с юга и соединявшегося с дорогой Салла — Вуориярви! Мог ли удержаться до предела растянутый и чрезвычайно слабый фронт охранения под Корьи без поддержки свежих частей, которые должны были прийти к нему на помощь и нанести противнику чувствительный ответный удар?

Для того чтобы на время предотвратить страшнейшую угрозу, нависшую над всем фронтом армии, армейское командование в дополнение к частям поддержки, выделенным командованием корпуса, бросило в прорыв мотопехоту, саперов и противотанковые истребительные подразделения. Нам удалось остановить и отбросить врага, очистить главную дорогу и отвести части 36-го корпуса к Салле. Корпус расположился широкой дугой вокруг Саллы и, несмотря на сильный нажим, удерживал этот горный бастион ровно столько, сколько было необходимо.

Итак, планы противника были сорваны без серьезных потерь с нашей стороны. Боевые соединения 5-го воздушного флота самоотверженно поддерживали 36-й корпус в самые решающие моменты борьбы, особенно в районе Корьи. Командующий 5-м воздушным флотом генерал авиации Каммгубер в тесном взаимодействии с командованием армии и командирами корпусов лично руководил воздушными операциями. Там, где в сопровождении истребителей появлялись наши авиачасти, они немедленно становились хозяевами воздушного пространства: русские боялись вступать в воздушные бои с нашими истребителями.

В середине месяца 36-й горно-стрелковый корпус вышел из района Саллы и двинулся главными силами (примерно два полка 169-й дивизии) на Кемиярви и Савукоски. Инициатива снова полностью перешла в наши руки. Противник лишь в некоторых местах переступил русско-финскую границу, установленную мирным договором, подписанным в Москве в 1940 году, а затем прекратил преследование. И опять перед нами встал вопрос: было ли это самоограничение следствием сделки с финнами, или же русские приостановили наступление, чтобы высвободить силы для удара в другом месте. А может быть, действия противника были вызваны обязательством финнов атаковать нас с тыла? Наша разведка довольно точно зафиксировала обратное движение войск противника из районов Кестеньги и Саллы к Мурманской железной дороге. Будут ли эти части еще раз использованы в боях против 20-й армии? Если да, то где? Безусловно, только в районе последних рубежей, предусмотренных планом «Береза». Именно там, либо у Ивало, либо у берегов Ледовитого океана, будет нанесен новый удар. Ибо атаковать быстро двигающиеся части 18-го и 36-го корпусов в любом другом месте русские, несмотря на высокую пропускную способность Мурманской железной дороги, вряд ли успели бы; прямое присоединение русской железнодорожной сети к финской еще не состоялось. А в общем мы не могли изменить ход событий.

На фронте у Ледовитого океана барометр с каждым днем падал все ниже и ниже, предвещая «плохую погоду и бурю». Марш-маневр 18-го и 36-го горно-стрелковых корпусов проходил в соответствии с планом окончательной перегруппировки сил, предусмотренной операцией «Береза». Подвижные части, например лыжная бригада автоматчиков и моточасти 6-й дивизии СС, незамедлительно, своим ходом, направлялись к берегам Ледовитого океана. Мы все еще считали финнов неспособными на подлость по отношению к нам.

По просьбе командования 20-й армии верховное командование вооруженных сил направило из Северной Норвегии в район Ивало бригаду самокатчиков «Норвегия». Поначалу верховное командование оставило ее в своем распоряжении, однако впоследствии оно удовлетворило требование командования армии, подчинив эту бригаду 19-му корпусу в качестве подвижного резерва. Все, что могло помешать быстрому продвижению частей в район Ледовитого океана, транспортировалось туда заблаговременно.

Итак, русские прекратили преследование 18-го и 36-го корпусов; они остановились перед бывшими финскими фронтами и не атаковали южный фланг 20-й армии. Сдержат ли финны свое солдатское слово, будут ли они двигаться вслед за нами или поднимут оружие против нас? Сначала — якобы под нажимом русских — они потребовали усиления темпов проведения наших операций по отводу войск. Мы пошли навстречу этому желанию в той мере, в какой позволяла общая обстановка. Было ускорено очищение района Кеми вдоль побережья Ботнического залива и в черте дороги Пудасярви — Рованиеми. Мы стремились избежать возможности столкновения. И все же существовал предел, переступить который мы не могли безнаказанно, не рискуя поплатиться за свое легкомыслие.

В последних числах сентября наши войска были поражены первым молниеносным ударом финнов, который обрушился на них внезапно, как гром среди ясного неба. Удар пришелся по боевой группе «Запад», двигавшейся от Оулу к Пудасярви на соединение с 7-й горно-стрелковой дивизией. Хотя потери на этот раз были ничтожными, финские винтовки все-таки стреляли — якобы в результате чрезмерного усердия войск, как пытались изобразить дело финские парламентеры. Затем начались бесконечные переговоры, ибо меньше всего мы хотели кровопролития между

немцами и финнами. Ультимативное вопреки соглашению требование финнов — немедленно оставить Пудасярви — было по согласованию с командованием армии отклонено командиром 7-й дивизии. На этом закончилась словесная битва; теперь заговорило оружие. «Демонстративный» огневой вал, возникший перед головными подразделениями финской боевой группы, наступавшей на Пудасярви, заставил финнов на два дня призадуматься. Только потом началась открытая борьба между войсками, которые когда-то стояли и боролись плечом к плечу против общего врага.

Пламя пожара, разгоревшегося у Пудасярви вопреки нашим дружеским чувствам и оперативно-тактическим планам, перебросилось в район прибрежной дороги Оулу — Кеми. Там финны попытались внезапно овладеть мостом у Оксавы. Хотя эта попытка не удалась, она послужила началом жестоких, кровопролитных боев с финнами в районе Кеми — Торнио. С 21 сентября операциями в этом районе руководил командующий дивизионной группой «К».

Из состава дивизионной группы, ядром которой была 193-я горно-стрелковая бригада, были выделены и направлены на фронт охранения, организуемый у Каутокейно, 3-й батальон и горный артиллерийский дивизион неполного состава (путь следования — Рованиеми — Муонио), 2-й батальон с горной батареей 124-го артиллерийского дивизиона (путь следования — Рованиеми — Ивало). Группа получила задание до наступления зимы подготовиться к обороне на едва разведанном участке будущего фронта охранения в далекой тундре. Доставку необходимых запасов в этот район, который в разгар зимы становится совершенно недоступным для автотранспорта, удалось закончить перед самым снегопадом. Снабжение осуществлялось по единственной дороге, ведущей из Альты в Каутокейно. Вся операция была очень похожа на зимнюю экспедицию в арктическую тундру.

В распоряжении командования дивизионной группы «К» в районе Кеми — Торнио, кроме мало подвижных интендантских частей, остались теперь только один горно-стрелковый батальон да два артиллерийских дивизиона. После обострения обстановки у Кеми сюда были подброшены 3-й и 6-й стрелковые батальоны и главные силы боевой группы «Запад», которая находилась на марше от Пудасярви к Рованиеми. Задачей дивизионной группы «К» было удержать район Кеми — Торнио до середины октября, то есть остановить наступающих с юга по прибрежной дороге финнов в районе южнее Кеми и воспрепятствовать возможному десанту с моря. Задача почти неразрешимая, учитывая слабость наличных сил и протяженность береговой линии, превышавшей 100 км. И все-таки других сил в этот момент в распоряжении командования армии не было. В эти критические дни армия находилась как бы между двух огней, а командование гадало на кофейной гуще. Мы чувствовали, что на Крайнем Севере русская стрела вот-вот сорвется с натянутой тетивы, и в то же время ожидали финской грозы в районе Кеми — Торнио. А ведь эти два будущих очага пожара разделяло расстояние в 700 км! Какой из них запылает раньше? Успех марш-маневров 18-го и 36-го корпусов, а в конечном счете успех всей операции «Береза», полностью зависел от того, удастся ли нам удержать Рованиеми до тех пор, пока оба корпуса не пройдут через этот район на север и северо-восток.

Но солдатам приходилось маршировать не только ради своего спасения. Темп их передвижения определялся в основном начальником тыла, который настоятельно требовал обеспечить ему прикрытие для эвакуации жизненно важных запасов из Рованиеми в район конечных рубежей «Березы», причем устанавливал срок до 12 октября.

Несмотря на наши опасения за судьбу фронта Ледовитого океана, мы, скрепя сердце, были вынуждены бросить в район Кеми — Торнио новые соединения, в том числе моточасти, которые предназначались в качестве подвижных резервов для бесконечно растянутого фронта у Ледовитого океана. Нам пришлось даже отозвать к Ботническому заливу лыжную бригаду автоматчиков, два батальона которой уже прошли по дороге «Северного Ледовитого океана» сотни километров на север.

Финны сообразили, где они могут нанести нам смертельный удар. Их дивизия «Пурома» двинулась через Пудасярви на Рованиеми и вступила в бой с 7-й горно-стрелковой дивизией; в то же время финская танковая дивизия Лагуса, усиленная 15-й бригадой, на вооружении которой были новейшие — немецкие! — самоходные орудия, прорвалась от Оулу к Кеми. На прибрежных островах у Кеми якобы для охраны переданных русским целлюлозных фабрик, то есть у нас в тылу, находилась финская боевая группа Пеннанена.

В Кеми и его окрестностях под маской эвакуационных команд сновали финские войска, в любой момент готовые к действиям. Они сбросили свою маску, когда авангарды финнов внезапным налетом 2 октября овладели мостом через Торнио-Йоки и атаковали базы снабжения вокруг Торнио. Налеты финских отрядов в этом районе осуществлялись с целью овладеть ключевыми пунктами, рассеять стоявшие там немецкие силы (а это были всего лишь интендантские части!) и таким образом подготовить плацдарм финской дивизии, которая должна была высадиться у Торнио. Наши интендантские части защищались наилучшим образом. Однако хозяевами положения в этом районе стали все-таки финны. Мы могли мешать их высадке в порту Торнио только редкими воздушными атаками, так как погода не благоприятствовала полетам. Хотя финны имели явное преимущество во всех отношениях, мы обязаны были для стабилизации положения в районе Торнио попытать счастья, перейдя в наступление как на севере — вдоль дороги «Северного Ледовитого океана» (силами двигавшейся по ней форсированным маршем лыжной бригады автоматчиков), так и на юге (силами боевой группы Креннера, которая должна была перерезать дорогу Кеми — Торнио). От исхода наших наступательных операций зависел успех в этой очень сложной партии. Необходимо было спешить, то есть овладеть инициативой прежде, чем нажим финской танковой дивизии на Кеми с юга сыграет свою решающую роль. В этот момент нам и пришлось поплатиться за ошибку, которую мы допустили, позволив финской боевой группе Пеннанена в Кеми сесть «на шею» дивизионной группе «К». После первоначальных успехов наступление, которое велось в направлении Торнио с севера и юга, захлебнулось. Тем временем финны высадили в этом районе 3-ю и 11-ю дивизии. Потери были велики с обеих сторон. Финская танковая дивизия, наступавшая на наши значительно более слабые части с юга, заняла предместья Кеми; теперь настал черед боевой группе Пеннанена, и она нанесла удар по самому городу. Выход из этого критического положения был только один. Лишь решительные действия могли спасти слабую и пеструю по составу дивизионную группу «К» и сорвать оперативные планы финнов, стремившихся преградить путь 18-му и 36-му горно-стрелковым корпусам у Рованиеми, а затем частью сил ударить на Муонио. Поэтому дивизионной группе «К» было приказано оставить район Кеми и, двигаясь по долине Кеми-Йоки на Рованиеми, препятствовать наступлению финнов. Сильно поредевшая боевая группа, атаковавшая Торнио с севера, должна была задержать продвижение финнов в северном или в восточном направлениях через Синетте на Рованиеми. Несмотря на некоторые неурядицы и серьезные ошибки, запутанный клубок удалось распутать. Обе группировки выполнили поставлен-

ные перед ними задачи, и в основном план операции не был нарушен. 8 октября был дан приказ о прекращении наступления на Торнио. 15 октября «отходящая с боями» по долине Кеми-Йоки дивизионная группа «К» достигла Рованиеми. Термин «отходящая с боями» выбран не случайно, ибо мы противопоставили финской тактике охвата сдерживающий отступательный бой с ежедневным отходом на 4—6 км, что оказалось более эффективным средством, чем скачкообразный отрыв от одной линии обороны к другой. При постепенном отходе с боями охватывающие маневры финнов не дали результатов. Этот тактический вывод не следует рассматривать ни как схему, ни как рецепт. Против тактики окружения, применявшейся финнами на данной местности, была с успехом применена тактика, не предусмотренная уставом и основанная на боевом опыте.

Остатки лыжной бригады автоматчиков, которая была основательно потрепана в тяжелых боях на пограничной дороге, получили передышку. Их сменила боевая группа «Э» (командир — полковник Эш), состоящая из частей 7-й горно-стрелковой дивизии. Из двух измотанных в боях батальонов автоматчиков и третьего, вполне боеспособного, была заново сформирована лыжная бригада автоматчиков двухбатальонного состава, которая и расположилась на отдых в Ивало.

О боях группы «Э» в районе пограничной дороги нельзя сказать ничего существенного. Отбиваясь от наступающих финнов, она правым флангом прижалась к пограничной реке, а потом отступила к Муонио. Нейтральная Швеция, не воюющая страна, в которой текли молочно-медовые реки, манила на ту сторону. Искушение было велико! И все-таки наши стрелки, с ожесточенными боями идущие по заснеженной Арктике навстречу совсем неясному будущему, устояли перед соблазном, проявив образцовую выдержку. Сказочная страна скрылась в тумане, а они остались верными своему знамени.

Налет финнов на Кеми и Торнио с одновременным ударом через Пудасярви на Рованиеми вызвал у нас серьезные затруднения и, к сожалению, стоил немцам и финнам слишком много крови. Он сковал все наиболее боеспособные подвижные части, которые через несколько дней необходимо было использовать на Крайнем Севере в качестве резервов. Не велась ли здесь заранее согласованная за нашей спиной финско-русская игра? Кажется, что это было именно так. Опишет ли эти события (причем в таком же стиле, в каком он написал книгу о своих операциях под Суомуссалми во время зимней войны) финский генерал Сииласвуо, руководивший налетом? Или восславить эту печальную главу финской военной истории попытается кто-то другой? Солдаты всех времен и народов, узнав правду об этом жалком деянии, откажут в лаврах финскому генералу и его войскам.

Однако возвратимся к событиям, происходившим в конце сентября и в начале октября в районе Рованиеми. Ни днем ни ночью не прекращалось движение автоколонн, которые подвозили все необходимое для снабжения марширующих сквозь тундру частей, а также боеприпасы и снаряжение для намеченных планом зимних операций. Между Пудасярви и Рованиеми 7-я дивизия вела ожесточенные бои со все более наглеющими финнами. Части, которые выходили из боев и не были нужны для удержания укрепленного района «Рованиеми», по строгим маршрутам направлялись на север.

Линия обороны Рованиеми пересекала дорогу Рованиеми — Пудасярви под Ленуой, дорогу Рованиеми — Кусамо к востоку от излучины Кеми-Йоки и дорогу Рованиеми — Салла восточнее Кемиярви. В своем движении на север части 20-й горной армии описывали дугу вокруг Савукоски. В то время как финны подходили к Рованиеми с юга и с запада, рус-

ские сразу же после перехода русско-финской границы, установленной перемирием, прекратили преследование 18-го корпуса в районе Кусамо и 36-го корпуса в районе Саллы. Несмотря на неожиданное вмешательство финнов, операция «Береза» в конце концов протекала в соответствии с планом.

ОПЕРАЦИЯ «СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ»

Тем временем командование армии, действуя в тесном контакте с командованием германских войск в Норвегии, доказало верховному командованию вооруженных сил нецелесообразность предполагаемой обороны лапландской тундры сосредоточенными там силами; главным образом из-за трудностей снабжения этого района. Решение, учитывающее мнение командования армии, было принято 4 октября, когда министр вооружения Германии заявил, что отныне он может отказаться от петсамских никелевых рудников. Это решение предусматривало оставление всей Лапландии и Северной Норвегии до Линген-фиорда. Все то, к чему мы стремились, предстало в тот момент перед нами подобно неприступной скале: 20-я горная армия и находившиеся в районе ее действий части военно-морского флота и военно-воздушных сил, то есть 200 тысяч человек, вместе с техникой должны были начать зимний поход через арктическую тундру, пожалуй, неповторимый в военной истории. Перед пока еще стабильным фронтом у Ледовитого океана стояли значительно превосходящие силы русских, готовые к наступлению. Финны упорно наседали на нас южнее Рованиеми и в районе Кеми — Торнио. Снабжение на марше не было подготовлено, да оно и не могло быть подготовлено, так как уже на конечной стадии операции «Береза» мы столкнулись с большими затруднениями в создании запасов. Имперская дорога «50» между Порсангер-фиордом и Тана-фиордом не была пригодна для движения в зимних условиях. Горе войскам, попавшим под сильный снегопад на этом участке дороги! Но, несмотря ни на что, крупные части фронта у Ледовитого океана, насчитывавшие в общей сложности около 100 тысяч человек, вынуждены были двинуться именно по этой дороге. На тыловых складах фронта находились различные весьма ценные продукты питания со сроком сохранности от 9 до 12 и более месяцев. Многие части (например, береговая артиллерия) были абсолютно неподвижными и поэтому лишь условно годными к походу. Все, что транспортировалось по имперской дороге «50» к Нарвику, должно было переправляться на паромах через Линген-фиорд, ширина которого достигала 16 километров. На путях движения следовало создать промежуточные базы (палаточные лагеря), снабженные топливом для обогрева. Базы снабжения продовольствием и боеприпасами нужно было «заговорить» — сделать неуязвимыми. Особенно тщательного внимания требовала организация дорожной службы, функции которой зимой сводились к следующему: расчистка дорог во время снегопадов, посыпка их песком при гололедице, исправление всякого рода повреждений твердого покрытия и придорожных сооружений. Ни один из снежных тоннелей (иногда до 10 км длиной!) не должен был пострадать вследствие диверсии, обстрела с воздуха или безответственного отношения, ни один открытый участок дороги не должен был быть взорван диверсионными командами противника. А ведь протяженность имперской дороги «50» от Киркенеса до Нарвика составляла ровно 1000 км! Эта поистине грандиозная «зимняя экспедиция» приковывала все наше внимание с момента появления названия «Северное сияние», точнее с 4 октября и до конца года. Нашим врагом во время этой экспедиции была арктическая зима: снег, холод и ветер в безлесной, безлюдной тундре, что нужно было одолеть.

Части фронта у Ледовитого океана (командующий — генерал артиллерии Фердинанд Иодль) нуждались хотя бы в кратковременной подготовке к движению; в противном случае все их запасы и тяжелое вооружение пришлось бы уничтожить. Для того чтобы эвакуировать склады и неподвижную технику (особенно береговую артиллерию), в Киркенес должны были быть под охраной военно-морских сил пригнаны транспортные суда. Удастся ли им, обманув англо-саксов и русских, прорваться морем? Когда русские перейдут в наступление, чтобы сорвать наши планы, которые не могли остаться скрытыми от них? Для русских было, конечно, соблазнительно разбить хотя бы фронт у Ледовитого океана и уничтожить наши части в районе Петсамо — Киркенес прежде, чем они подготовятся и ускользнут подобно 18-му и 36-му горно-стрелковым корпусам. По оперативным соображениям фронт у Ледовитого океана не должен был приходить в движение раньше середины октября, ибо он был основным буфером, принимающим удары с востока. Его следовало удерживать до тех пор, пока войска, находящиеся на марше по дороге «Северного Ледовитого океана», не приблизятся к району Ивало. Именно здесь, у Ивало и Инари, нужно было любой ценой преградить путь противнику к Порсангер-фиорду. Во изменение первоначального маршрута 6-я горно-стрелковая дивизия СС и 163-я пехотная дивизия, которые по плану операции должны были двигаться соответственно к Колос-Йоки и Ивало, для сокращения пути и разгрузки имперской дороги «50» направлялись по дороге Рованиеми — Муонио — Линген-фиорд. Переключив войска с операции «Береза» на операцию «Северное сияние», верховное командование вооруженных сил потребовало возможно быстрейшей передачи напряженным фронтам у границ империи следующих частей: 2-й горно-стрелковой дивизии, которая еще держала фронт охранения восточнее петсамских никелевых рудников, 163-й пехотной дивизии, передовые части которой, двигаясь из Саллы, только что свернули на дорогу «Северного Ледовитого океана», и 6-й горно-стрелковой дивизии СС, идущей к Рованиеми из Кусамо.

Пришлось поднажать на педали всех командных инстанций, чтобы урегулировать все эти вопросы и установить хоть какую-то очередность выполнения вставших в эти дни оперативных и организационных задач. Несмотря на дальность расстояний, ни одна автомашина не остановилась из-за недостатка горючего, ни один солдат не замерз и не умер с голода, ни на минуту не прерывалась связь с империей (провода тянулись через Норвегию) и с подчиненными командными инстанциями; необходимые мосты были готовы во-время и после того, как они сыграли свою роль, взорваны; переправочные средства для форсирования рек и фиордов были подготовлены своевременно — саперы, не взирая на зимнюю погоду, выполнили свои задачи. Весь без исключения командный состав сознавал ответственность за вверенные ему войска. Командиры самоотверженно отдавали им все свои силы. Вот когда войска должны были показать, жив ли в них дух старого командующего генерал-полковника **Дитля**, этого «буйвола» (как называли его солдаты), справятся ли они, за долгие годы привыкшие к позиционной войне, с трудностями, которые неизбежно возникнут в ходе маневренной операции, проводимой в арктической тундре в разгар зимы.

Наши мысли постоянно возвращались к наиопаснейшей схватке с завтрашним неизбежным противником — зимой, с ее снегопадами, стужей, гололедицей на крутых дорожных подъемах, с ее ветрами, которые гонят снег по безлесной тундре, парализуют всякое движение и поднимают даже в отдаленных уголках фиордов такую волну, что только самые мощные корабли рискуют спорить с бушующей стихией. Такие мысли

тревожили нас в дни, когда чаша весов в битве за Кеми — Торнио склонилась не в нашу пользу. Мы больше не могли и не смели направлять туда подкрепления. Более того, мы должны были рискнуть и, выйдя из боя, лишь сдерживать значительно превосходящие силы финнов. Подвижные части, участвовавшие в боях за Кеми — Торнио, следовало срочно отвести оттуда и в «пожарном порядке» погнать на север, к берегам Ледовитого океана, ибо 7 октября здесь разразилась гроза, собиравшаяся в течение нескольких недель. Первый, но определивший весь ход событий удар пришелся по фронту охранения 2-й горно-стрелковой дивизии, который представлял собой редкую цепь опорных пунктов. Мощному наступлению русских, желавших решить дело одним ударом, поддержанному массированным огнем артиллерии, танками и штурмовой авиацией, не мог, конечно, противостоять ни один «фронт опорных пунктов». Превосходящая по численности, специально обученная боям в бездорожной тундре и специально вооруженная пехота противника просачивалась через широкие бреши фронта охранения, обходила опорные пункты, оставляя их (если они не были уничтожены огнем) второму эшелону, части которого окружали и ликвидировали их. Такова участь всех вынужденно растянутых фронтов, состоящих из отдельных опорных пунктов, когда на них наступают значительно превосходящие силы и когда в их тылу нет крупных резервов, готовых к контратакам в наиболее опасных местах.

Главный удар противник наносил на Луосту с целью выйти на дорогу «Северного Ледовитого океана» и таким образом проникнуть глубоко во фланг, а вернее, в тыл устойчивых фронтов у Лицы и у «горловины» полуострова Рыбачьего. В ходе этой первой атаки русских 2-й горно-стрелковой дивизии был нанесен чувствительный удар. Необстрелянные в серьезных боях бравые горные стрелки из приальпийских областей, только теперь испившие эту чашу, так и не могли в дни очень тяжелых боев полностью «приноровиться» к противнику. Эта хорошая дивизия чувствовала себя подобно боксеру, который в первом же раунде был сбит с ног мощным ударом. Дивизия поспешно отступала на запад. 8—9 октября она уже находилась в 10 км западнее Изарского лагеря на господствующих высотах. Здесь она была встречена и поддержана бригадой самокатчиков «Норвегия» и батальоном, переброшенным на автомашинах с фронта у горловины полуострова Рыбачьего. В результате поспешного отхода 2-й дивизии обнажился южный участок фронта 6-й горно-стрелковой дивизии. Противник правильно оценил создавшуюся обстановку и решил использовать возможность прорыва в тыл этой дивизии с тем, чтобы овладеть ее жизненно важной артерией — «русской» дорогой. Поэтому обстоятельства вынудили 6-ю дивизию оставить, раньше чем предполагалось, укрепленный район Лицы, подобно балкону выдававшийся на восток. В ночь на 10 октября она снялась со своих старых позиций. В эту же ночь противник высадил с полуострова Рыбачьего десант на 50 быстроходных катерах с целью обойти западный фланг дивизионной группы ван дер Хоопа, державшей фронт у горловины полуострова. После ураганного огневого налета при сильном снегопаде русские 10 октября в 1.00 начали ночное фронтальное наступление на западный участок фронта. В результате этого наступления и одновременного обходного маневра высадившегося десанта западный фланг фронта у «горловины» Рыбачьего, главным узлом обороны которого был Мустатунтури, дрогнул. Войска упорно дрались. Там, где было необходимо (для выручки товарищей или удержания ключевых пунктов), они наносили контрудары. Удар русских, учитывая его силу, был северной клешней, которая должна была отрезать все части, стоящие дальше на восток — на фронте у «горловины» Рыбачьего и у Лицы. Горловину пришлось оставить. Дивизионная

группа ван дер Хоопа, организовав сдерживающую оборону, затормозила продвижение русских по «швабской» дороге и с успехом отразила опасное наступление противника с полуострова. Таким образом, весь фронт у Ледовитого океана пришел в движение раньше, чем это предполагалось планом операции «Северное сияние» и прежде всего планом эвакуации района Киркенес — Петсамо. Инициативой владел противник. Он нанес первый удар, он навязывал темп битвы, он диктовал свою волю. Враг маневрировал с большим искусством и замечательной гибкостью: он вбил лобовой и фланговый клинья с целью занять господствующие высоты, опередив наши части, которые должны были закрепиться на них, и отрезать пути отхода или образовать локальные котлы. Следует учесть, что противник шел сквозь бездорожную тундру. Нашим окруженным частям по нескольку раз приходилось пробиваться на запад. На все «сдерживающие» попытки командования армии, предпринятые в интересах спасения имущества, и корпусного командования, в интересах сохранения боеспособности и планомерности операций корпуса, храбро сражающиеся войска, если они не хотели подвергнуться самоуничтожению, могли реагировать лишь условно. Не имело смысла требовать максимальных усилий, ибо главная задача все-таки заключалась в том, чтобы оставить Северную Норвегию и по возможности без потерь перебросить войска в район Нарвика или Германию.

Основное давление противник попрежнему оказывал на 2-ю горнострелковую дивизию в направлении Луосты. Здесь ближайшими целями русских были дорога «Северного Ледовитого океана» и прифронтовой аэродром «полярных истребителей», державших вражеских летчиков в постоянном страхе. С началом русского наступления командованию армии стало ясно, что русские хотят раздавить выступающий на восток фронт у Лицы. Ввиду огромного перевеса противника над 19-м горнострелковым корпусом нависла угроза быть разбитым в этой операции или, в лучшем случае, быть сильно обескровленным, так как он располагал лишь ограниченными резервами для контрударов на наиболее угрожаемых участках. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы противник, пусть даже уже блокировавший пути движения, получил возможность свободного маневра на чрезвычайно уязвимых и очень немногочисленных дорогах в глубине фронта у Ледовитого океана. Немногие проезжие дороги (дорога «Северного Ледовитого океана», тарнетская и «никелевая») были теми «каналами», по которым войска должны были сконцентрироваться в Ивало или в Киркенесе, чтобы затем выйти на имперскую дорогу «50». Исходя из этих соображений, и было в конце концов решено прекратить битву в районе Кеми — Торнио, освободив тем самым многие подвижные части для использования их на фронте у Ледовитого океана, находившемся в 700 км. Эвакуацию складов в районе Рованиеми пришлось прервать, чтобы перебросить на автомашинах части 163-й пехотной дивизии на север по дороге «Северного Ледовитого океана» и помочь свертыванию тылов фронта у Ледовитого океана. Все полностью моторизованные части, все части, которые могли быть погружены на транспортеры, форсированным маршем направились в район Колос-Йоки. Транспортеры серьезно повредили лишь слегка посыпанное щебнем твердое покрытие дороги «Северного Ледовитого океана».

На Колос-Йоки указывала «красная» оперативная стрела, туда двигались наши части. В случае возможного падения Луосты, если бы противник удовольствовался лишь ограниченным тактическим охватом района тарнетская дорога — дорога Лиинахамари — Киркенес, брошенные в район Колос-Йоки немецкие части заняли бы выгодную позицию для успешного флангового контрнаступления.

Луоста пала в результате обходного маневра с юга. Теперь противник одной ногой стоял на дороге «Северного Ледовитого океана». Наши истребители лишились ближайшего к фронту аэродрома. 2-я горно-стрелковая дивизия была оттеснена на север; она «прилипла» к дороге Луоста — Линнахамари. Если русские уже сейчас решили ввести в бой все силы, чтобы добиться исхода битвы, нам следовало ожидать их немедленного наступления на север по дороге «Северного Ледовитого океана» с одновременным ударом в северо-западном направлении через тундру по тарнетской дороге. А может быть, они считали, что уже настал момент наступлением на запад, через Колос-Йоки в район Киркенеса, решить исход всей кампании? Когда оглядываешься назад, кажется, что русские в тот момент начали упиваться победой, хотя их успех в битве еще не определился. И это, возможно, было спасением 19-го корпуса. Достигшие дороги «Северного Ледовитого океана» части были разделены на две боевые группы и брошены в восточном направлении, по колосйокской дороге и дороге «Северного Ледовитого океана», на Луосту, где и перешли в демонстративное наступление. Это был рискованный шаг. Наступление вели наскоро собранные, сравнительно слабые боевые группы без достаточной артиллерийской поддержки. Однако надо было рискнуть. Вначале бросок увенчался успехом. Но сопротивление противника постепенно усиливалось, и вскоре русские перешли в контрнаступление. Их силы, остановленные и связанные нашим наступлением, были, несомненно, крайне необходимы для нанесения уничтожающего удара по скопившимся тем временем на небольшом пространстве в районе Линнахамари частям 19-го горно-стрелкового корпуса, которые могли теперь продолжать отход только по тарнетской дороге.

19-й корпус попадал и в другие не менее критические положения. Так, например, русские, подавив заградительную артиллерию петсамского фиорда, ночью, в тумане, высадили боевую группу у Линнахамари; русские танки прорвались в тыл предмостного укрепления у Парккина, восточнее Петсамо-Йоки, и разрушили мосты и другие долговременные сооружения; авангарды ударной группы, наступавшей от Луосты на тарнетскую дорогу, достигли своей цели. Командование и войска с честью вышли и из этого тяжелого испытания. Однако темпы отступления были значительно более быстрыми, чем это диктовалось интересами эвакуации морского укрепленного района «Киркенес». Давление противника нарастало; оно превосходило возможности командования, рушило его планы. Воля к сопротивлению была сломлена. К сожалению, эвакуация материалов больше походила на «заполнение бездонной бочки», ибо значительная часть добравшихся до Киркенеса транспортных судов была потоплена в результате нападения с моря и особенно с воздуха. Некоторые из них пошли ко дну с грузами. Все же по морю удалось перебросить запасы, достаточные для снабжения войск на марше по имперской дороге «50» вплоть до Нарвика. Это имело решающее значение, хотя потеря каждого судна и каждой тонны материалов была для нас весьма чувствительной.

«Полярные истребители» и на заключительной стадии боев на Крайнем Севере сумели постоять за себя. Несколько эскадрилий без устали совершали вылет за вылетом, поддерживая отходившие с тяжелыми боями войсковые части. Зенитная артиллерия отлично взаимодействовала с пехотой и военно-морским флотом. Военно-морские части сопровождали и охраняли транспорты, береговая артиллерия прикрывала и поддерживала флот, а где могла, помогала и пехоте: она отражала атаки как с моря, так и с суши. Часто береговые батареи оставались на позициях, прикрывая отход войск даже тогда, когда бой перемещался на запад и они оставались один на один с противником. Операции по переброске морем таких

батарей или в редких случаях только их расчетов (после выполнения поставленных задач) требовали большой смелости. Подавляющая часть орудий была спасена и по морю переправлена в район Линген-фиорд — Нарвик — Лофотен для усиления береговой обороны. В дружном взаимодействии вели свой последний тяжелый бой на Крайнем Севере соединения 20-й горной армии, части коменданта морского укрепленного района «Киркенес» и авиачасти командующего германским военно-воздушным флотом в Финляндии.

Когда 19-й корпус миновал финско-норвежскую границу, нам на какой-то миг показалось, будто русские не собираются вторгаться на норвежскую территорию. Но они лишь переводили дух. Эта передышка пошла на пользу и 19-му корпусу, сумевшему организовать сдерживающую оборону у Киркенеса и вывезти те части, которые не были больше нужны для дальнейшей борьбы. Укрепленный район «Киркенес», простиравшийся от Ланг-фиорда до Тарнета, должен был удерживаться до тех пор, пока этого требовали задачи эвакуации.

Наиболее пострадавшая 2-я горно-стрелковая дивизия была первой выведена из боя и через Тарнет направлена на Салмиярви. Мы надеялись, что нам больше не придется бросать ее в бой.

Теперь, когда противник, казалось, понял, что он не сможет овладеть Киркенесом фронтальным штурмом, наступая только вдоль тарнетской дороги, он вернулся к своей испытанной тактике нарастающих ударов слева. Русские набросились на корпусную группу (к тому времени ее принял генерал-лейтенант Рюбель), имевшую задачей отвлечь на себя противника в черте колосйокской дороги и на дороге «Северного Ледовитого океана». В этих боях противник продемонстрировал — можно сказать, почти намеренно — свою технику: танки, артиллерию, штурмовую авиацию, причем в таком количестве, которое было новым для арктического театра военных действий и обычным лишь для безлесной тундры! Однако и на этой стадии борьбы решающее влияние на ход и исход событий оказывали непрерывное опережающие броски русских пехотных частей, устремлявшихся в бреши между нашими войсками.

В этих бескрайних просторах даже самые боеспособные батальоны кажутся лишь маленькими островками. Если на такой местности нет сплошного удерживаемого пехотой фронта, ударные клинья противника могут легко проникнуть в систему обороны и расколоть ее. Оголенные фланги, часто незаметно, обходятся и окружаются. Только глубоко эшелонированные резервы позволяют парировать подобные удары.

«Жизнь улыбается наступающему», — немецкие солдаты познали это и в Польше и во Франции, где они были молотом, и на просторах России, где они были и молотом и наковальней! Неэшелонированная и чересчур растянутая линия обороны реагирует на энергичное наступление подобно натянутой резинке, которую разрезают ножницами. На такую резинку походил и фронт корпусной группы Рюбеля, разделенный на две боевые группы, действующие соответственно в районе колосйокской дороги и на дороге «Северного Ледовитого океана». Части 163-й пехотной дивизии, моторизованные части 6-й горно-стрелковой дивизии СС, вновь сформированная лыжная бригада автоматчиков «Финляндия», испытанный 776-й разведывательный батальон и другие более мелкие самостоятельные подразделения, несмотря на многие неожиданности, сражались образцово. Правда, противнику удалось постепенно потеснить нас к Колос-Йоки и Салмиярви, однако войска не понесли сколько-нибудь существенных потерь. В боях за Колос-Йоки вопреки нашим ожиданиям пришлось участвовать и 2-й горно-стрелковой дивизии. Вскоре этот участок

фронта приняло командование 36-го горно-стрелкового корпуса, выполнившее свои задачи в районе Рованиеми.

После эвакуации важнейших материалов, особенно запасов никелевой руды из района Колос-Йоки, и после того как дорога Салмиярви — Киркенес перестала быть необходимой для движения автоколонн «комиссара по эвакуации Лапландии» (начальник тыла 20-й горной армии), район Колос-Йоки был оставлен. Войска, стоявшие здесь (командующий — командир 36-го корпуса), взяли направление на Ивало, чтобы там повернуть на север и через Инари — Карасйок выйти на имперскую дорогу «50». Никелевые заводы Петсамо были основательно разрушены.

На пути к Ивало 36-й корпус вел лишь арьергардные бои с более слабым противником, который двигался по дороге «Северного Ледовитого океана». Главной целью врага был Киркенес, словно магнит притягивавший к себе основные силы русских. Противник обрушил на укрепленный район «Киркенес» мощный удар. Однако и на сей раз он не использовал последний благоприятный момент для окружения Киркенеса с юга и блокады частей, полукругом стоявших западнее «крепости» фронтом на восток. Просмотрели ли русские эту возможность, столь страшную для командования армии? Боялись ли они риска, располагая недостаточными для движения через тундру наличными силами? Или бессознательно повторяли старую тактическую ошибку, решившись на концентрированное наступление на «крепость Киркенес», чтобы «взять быка за рога»? Как бы то ни было, 19-й горно-стрелковый корпус с этого момента был по существу волен в своих решениях. Результат — Киркенес разрушен, войска вышли на имперскую дорогу «50».

По этому единственному «руслу» и днем и ночью непрерывным потоком двигались люди, лошади, машины. День заметно убавился. В октябре в этих широтах солнце подымается лишь на короткое время и на многие недели исчезает за горизонтом. Ну а полярная ночь — явно неподходящее время для «бодрых маршей». Холодная луна — вот единственное светило, по которому можно узнать время. Но кому в таком положении придет в голову определять время по луне? Забыв о нем, войска все шли и шли по, казалось, бесконечной дороге навстречу арктической зиме.

Русские продолжали преследование за Киркенесом только до Танафиорда. Следующим маршрутным этапом частей 19-го корпуса был Порсангер-фиорд. Следовательно, на этом участке регулировать движение на имперской дороге «50» обязано было командование 19-го корпуса. Его свободные в данный момент моторизованные части получили «зеленую улицу» вплоть до приемного пункта южнее Линген-фиорда. Бог погоды посочувствовал нам, не послав ни снега, ни ветра, и 19-й корпус благополучно прошел по не защищенной от ветров фьелле между Тана- и Порсангер-фиордами.

Вышедшие из боев в районе Луоста — Киркенес части 36-го горно-стрелкового корпуса подходили к Ивало с севера; одновременно 169-я пехотная дивизия прикрыла этот район с юга, расположившись в укрепленном районе «Защитный вал». Она до последней возможности удерживала Савукоски — узел дорог, через который на север двигались все прибывающие из Рованиеми войска. Транспортеры и все пароконные повозки этой дивизии были направлены из Савукоски через Кемиярви к дороге «Северного Ледовитого океана». Строевые же части на автомашинах, а также вьючные лошади по специально проложенной лесной дороге вышли на дорогу «Северного Ледовитого океана» у Соданкюля. Перед 169-й пехотной дивизией была поставлена задача задержать здесь преследо-

вавших нас финнов, завязав сдерживающие бои, — район Ивало должен был оставаться в наших руках до тех пор, пока все части, снявшиеся с фронта у Ледовитого океана, не пройдут через Ивало на север в направлении Порсангер-фиорда. Благодаря умелому руководству и выдающимся боевым качествам этой старой «лапландской» дивизии финны не раз были биты. Дорога «Северного Ледовитого океана» была разрушена и стала непригодной для передвижения. Безлюдные поселки и щиты для снегозадержания пришлось сжечь.

С началом наступления русских на фронте у Ледовитого океана командование армии перенесло свою штаб-квартиру на подготовленный во время операции «Береза» командный пункт на 13-м километре инарийской дороги: хотелось быть по возможности ближе к новым очагам боев. В это время на оперативном горизонте начала вырисовываться новая опасная угроза. Американская разведка, работа которой была выше всяких похвал, зарегистрировала появление мощной русской армейской группы (в составе многих дивизий) в районе охраняющего фронта «Луото».

Когда начальник разведывательного отдела доложил обстановку, возникли сомнения. Однако данные радиоразведки лежали перед нами, а пеленгация подтвердила, что в пустынном районе между Мурманском и Ивало работают радиостанции, позывные, волны и прочие особенности которых были давно знакомы нам по другим фронтам. Несомненно, все это противоречило принципам работы немецкой радиослужбы во время подготовки наступления. Для нас в подобных случаях полное молчание радиостанций — непреложный закон. Но в течение ряда лет мы хорошо познакомились с беспечностью русских в применении средств связи. Она-то и лишала их часто необходимого для успеха элемента внезапности как в малых, так и в больших операциях.

А может быть, концентрация сил закончилась и наступление на Ивало уже началось? Наземная и авиационная разведки должны были уточнить обстановку. На следующий день авиаразведка не обнаружила в подозрительных местах ни скопления войск, ни движения, ни новых дорог, ни следов. Однако пока не было доказано, что в этом всепоглощающем море леса действительно нет никакого противника. Наземная же разведка в таких районах требует времени. Охотник идет при этом на опасную охоту! На просторах Лапландии день нельзя уплотнить даже тогда, когда желаешь этого. «Бог создал время, но не спешку», — так мудро отрезвляли нас финские солдаты, когда нам было «по-среднеевропейски некогда»! Поэтому пришлось верить в присутствие противника, «пойманного» радиоразведкой, до тех пор, пока бравые горные стрелки не вступили на помеченную на оперативной карте вопросительными знаками территорию и не донесли, что она свободна от противника. Командование армии, получив данные радиоразведки, обобщенные оперативным отделом, в ту же ночь срочно бросило (частично на вспомогательном автотранспорте) имевшиеся под рукой силы на восток по луотской дороге. Эти части должны были поддержать слабый фронт охранения у русско-финской границы и задолго перед Ивало приостановить возможное наступление противника вдоль луотской дороги, заняв заранее подготовленные промежуточные позиции. Их необходимо было удерживать до тех пор, пока наши части, которые, уходя от преследования русских и финнов, с севера и юга стекались к Ивало, не свернут на инарийскую дорогу, связанную с имперской дорогой «50».

Наземная разведка удивительно быстро сообщила: «противника не обнаружено». Итак, противник попросту вводил нас в заблуждение, возможно, для того, чтобы заставить нас либо отвести силы с фронта у Ледо-

витого океана, либо ослабить наше сопротивление, оказываемое финнам, а может быть, чтобы сковать наши части и «накрыть» их еще одним совместным русско-финским ударом у Ивало. Этот эпизод на короткое время приковал наше внимание и привел в движение несколько батальонов, но существенного влияния на общую обстановку не оказал.

Через Ивало было пропущено около четырех дивизий. Противнику не удалось помешать нашему движению через этот крайне уязвимый узел дорог. Арьергардные бои на инарийской дороге вела все та же 169-я пехотная дивизия, за которой финны гнались по пятам вплоть до Тана-Йоки на финско-норвежской границе. Русские же и здесь отказались от дальнейшего преследования. Сколько-нибудь крупных боев на инарийской дороге больше не было.

Отход по дорогам Рованиеми — Муонио и Торнио — Муонио проходил планомерно. Финны наступали нам на пятки и неоднократно пытались нанести урон немецким арьергардам. 6-й горно-стрелковой дивизии СС и боевой группе «Э» пришлось на несколько дней закрепиться в районе Муонио, чтобы обеспечить эвакуацию находившихся там запасов. Дивизионная группа «К» еще раз заняла оборону, теперь на линии Палойоэнсуу — Энонтекио, чтобы прикрыть 7-ю горно-стрелковую дивизию, размещавшуюся в укрепленном районе «Таран», а также поддержать отход 6-й горно-стрелковой дивизии СС и боевой группы «Э». В конце ноября были оставлены и палойоэнсууйские позиции. 6-я горно-стрелковая дивизия СС сконцентрировалась в районе Палойоэнсуу — Каресуандо и в первых числах ноября, пройдя через укрепленный район «Таран», двинулась к своей ближайшей на пути в Германию цели — Нарвику. Укрепленный район «Таран» пришлось удерживать до тех пор, пока находящиеся на имперской дороге «50» части не оставили позади себя Линген-фиорд. Под прикрытием «Тарана», в районе между стыком границ трех стран и Линген-фиордом, были созданы новые долговременные позиции — «Лингенский фронт». Окончательно оборудованная «наземная оборонительная линия» лингенских позиций должна была походить на настоящий высокогорный бастион. Этот горный бастион получил название «Китдаль» (так называется ведущая к нему долина). Он был настолько «труднодоступен», что по праву мог бы называться «неприступным», как того и требовало верховное командование вооруженных сил. Оборудование позиции «Китдаль» продолжалось, однако, долго — вплоть до 1945 года. Поэтому непосредственно у финско-норвежской границы пришлось пока создать, занять и удерживать промежуточные рубежи. Характер местности вынудил вынести расположенную близко к границе укрепленную полосу «Кильписьярви» в основном на финскую территорию, что было не совсем желательным, поскольку финны использовали этот повод для продолжения борьбы против нас. Но, с другой стороны, мы не были уверены, что финны ее прекратят, если мы даже покинем их страну. Таким образом, тактические соображения удерживали нас, правда «одной ногой», на финской земле.

Нашей главнейшей задачей в конце октября — начале ноября была подготовка к переходу частей 19-го корпуса, 163-й и 169-й дивизий 36-го корпуса и всех войск, брошенных в бой у берегов Ледовитого океана, по имперской дороге «50» через Линген-фиорд в район Нарвика. На развилке дорог у Лаксэльва (Порсангер-фиорд) в начале ноября встретились авангарды войск, идущих из Киркенеса и из Ивало. Все ненужное на марше снаряжение этих частей, все, что не могло пригодиться в возможных боях с преследующим или действующим с моря врагом, было погружено на транспортеры и отправлено вперед по имперской дороге «50». Специальные команды регулировщиков обеспечивали дальнейшее движение

и надзор за автоколоннами и маршевыми группами. Были тщательно продуманы, согласованы и всесторонне рассмотрены многие вопросы:

организация маршевых групп (состав, вооружение, снаряжение); все необходимое им в походе было предусмотрено до мельчайших подробностей;

темпы движения и маршевые интервалы, с которыми войска могли «проталкиваться» по имперской дороге «50» — этому узкому каналу;

ритм движения в обоих направлениях, ибо некоторое встречное движение было неизбежным и для снабжения и для эвакуации имущества;

график прохождения как пехотных, так и моторизованных частей, ибо ширина проезжей части дороги не позволяла ни обгоны, ни одновременное встречное движение;

организация дорожной службы (расчистка дорожного полотна от снега и его ремонт, включая посыпку щебнем при гололедице);

предотвращение угрозы движению со стороны моря; эта задача была возложена на стационарные части прикрытия и специально выделенные подвижные соединения: лыжную бригаду автоматчиков «Финляндия», самокатную бригаду «Норвегия», разведывательные батальоны и противотанковые истребительные дивизионы;

организация снабжения на марше, строительство опорных пунктов лагерного типа с отапливаемыми палатками и шалашами из клееной фанеры, а также простейших укрытий для лошадей, ибо на привале необходимо было обеспечить людям и животным хотя бы примитивную защиту от непогоды;

отправка морем ограниченно годных к маршу частей (например, береговой артиллерии) и военнопленных;

наведение временных мостов и организация переправы через Квенанген- и Лингенфиорды совместными усилиями саперов и транспортных отрядов военно-морского флота, а также многое, многое другое.

Этот длинный перечень важнейших мероприятий по подготовке марш-маневра показывает, что наш поход был единственным в своем роде и больше походил на экспедицию, чем на операцию. Предварительно нужно было учесть интересы войск и своевременно согласовать все спорные вопросы. Недоделки и ошибки было бы весьма трудно исправить.

Один пример поможет понять, какие последствия имел пустяковый недостаток в снаряжении. Износ шипов в подковах на зимних дорогах оказался бо́льшим, чем ожидалось. В поисках этих шипов пришлось «прочесать» все стоявшие в Норвегии части; специальные катера должны были доставлять шипы некоторым маршевым группам, иначе конно-транспортные части не смогли бы преодолеть крутые и скользкие участки дороги.

Диспетчер генерального штаба, регулировавший движение, хотел избежать пробок, а поэтому пропускал по «каналу» у Лаксэльва лишь такое количество войск, какое по осторожным подсчетам могли перевезти паромы Линген-фиорда. В результате войскам приходилось неделями ожидать очереди в районе Карасйок — Лакс-фиорд — Порсангер-фиорд. А ведь наш враг — зима — был небезучастным наблюдателем! Хорошо еще, что на сей раз он смилостивился. Любое промедление было сопряжено с возрастающим риском. Могли начаться снегопады и гололедица. И, напротив, любой пройденный на юг километр был выигрышем: медленно, но верно мы уходили от зимы. Поэтому начался безостановочный марш под старым девизом: «Движение — жизнь!»

Святой Петр оставался к нам милостивым. Это не значит, конечно, что поход превратился в прогулку. Войска должны были напрягать все свои силы. Пехота неделями маршировала сквозь полярные ночи — короткие хмурые дни принадлежали моточастям и автоколоннам. Спутни-

ками бравых гренадеров и горных стрелков были звезды да северное сияние. Люди благодарили луну, которая иногда освещала их путь.

Гордо и в строгом порядке двигались части. Солдат воодушевляло благородное чувство до конца исполненного долга. Они шли, не побежденные врагом, чтобы занять укороченный фронт или возвратиться в империю для участия в последнем тяжелом акте борьбы за Германию. Мысли и чувства всех снова и снова возвращались к Германии: вражеское кольцо вокруг родины сжималось все теснее. Некоторые сетовали на судьбу за то, что она вынуждает их маршировать далеко от родины и они не могут включиться в непосредственную борьбу за свой рейх. Переполненное чувствами сердце просит песни. И солдаты, шагая в полярной ночи, пели о родине, о встречах, о походах, о борьбе и даже о смерти. «Далек наш путь на родину», — где и когда пелась эта песня с бо́льшим основанием, чем на маршах «Березы» и «Северного сияния»?!

Безошибочным мерилом морального состояния войск всегда было число дезертиров. Практически оно равнялось нулю даже тогда, когда части многие сотни километров шли в непосредственной близости от шведской границы или, упершись в нее правым флангом, вели бои с финнами. Столь же недвусмысленным свидетельством твердости духа войск было поведение солдат во время порученной им эвакуации, а также при разрушении Финмарка, самой северной провинции Норвегии.

Верховное командование вооруженных сил считало необходимым до основания разрушить Северную Норвегию севернее Линген-фиорда, чтобы существенно затруднить возможное преследование. На опустошенной земле гражданское население не имело бы возможностей к существованию. Люди погибли бы от голода или неизбежно были бы брошены на горе или радость в объятия русских. Хотелось предотвратить и то и другое. А главное — ставка была крайне заинтересована в том, чтобы Норвегия оставалась в сфере влияния Германии; не должна возникнуть никакая «другая Норвегия». Политический смысл этого требования мы, солдаты, оценить не могли. Однако если Северную Норвегию следовало основательно разрушить, то ее население волей-неволей надо было эвакуировать. Нет нужды подчеркивать, что солдатам тяжело было разрушать кров и отнимать родину у населения, которое за все годы оккупации Норвегии жило в мире и дружбе с оккупационными войсками. Кроме того, эвакуация 50 тысяч людей чрезвычайно затрудняла и без того сложные маневры армии.

Войскам было приказано избегать во время очищения территории всякой ненужной резкости, оказывать всевозможную помощь прежде всего женщинам, детям и старикам, предоставлять выселяемому населению подходящие убежища, а самим довольствоваться палатками или временными сооружениями, обеспечить эвакуируемых всеми имеющимися транспортными средствами, как сухопутными, так и морскими, наладить их медицинское обслуживание, выделить им продовольствие, по возможности не разъединять членов семей и т. п. Но эти указания остались бы пустыми словами, если бы войска, которые должны были выполнять их, не действовали благоразумно и человечно. Солдаты сознательно пошли на неудобства и трудности, возникшие для них в результате эвакуации. Они помогали всем, чем могли. Страшные сказки вражеской и шведской печати не изменят правды. Командование и войска провели эвакуацию, руководствуясь законами человеколюбия. Большинство населения дисциплинированно покорилось своей жестокой участи. Конечно, те немногие, которые попытались укрыться в своих отдаленных норах, возможно, испытали нужду. Но в этом не виноваты ни германское командование, ни наши войска. Беглецы не вняли предупреждениям германской военной

5*

администрации и норвежских властей и взяли свою судьбу в собственные руки.

Ни русские, ни финны не перенесли войну вглубь территории Норвегии. В последний раз мы вступили в боевое соприкосновение с финнами на стыке границ трех стран, причем мы еще находились на финской территории. Граница Финляндии в этом месте проходит на север до горного перевала непосредственно над Линген-фиордом. Правда, финны уже не проявляли особого боевого рвения. У них явно пропала «всякая охота сражаться с противником».

Итак, все не скованные врагом части 20-й горной армии продолжали поход. Единственным испытанием, которое им еще предстояло выдержать, была борьба с превратностями жестокого климата. В общем и целом бог погоды был все же благосклонен к войскам и шедшим с ними норвежцам.

Соединения военно-морского флота и транспортные суда обеспечивали перевозку войсковых частей (которые не имели соответствующего снаряжения для зимнего марша), норвежцев, военнопленных, материалов и стационарного вооружения. Запиравшие входы в фиорды береговые батареи, стоявшие на дальних, выдвинутых в море позициях и одиноких островах, с моря прикрывали движение по имперской дороге «50», которая в этом месте вилась непосредственно по берегам фиордов. После выполнения своих задач они грузились на баржи или катера. В открытом, по-зимнему суровом море в боевой готовности стояли военные корабли, осуществляя фланговое прикрытие и предотвращая опережающие броски противника по морю. Но ни русские, ни англичане не осмелились на такие морские рейды, которые, безусловно, сильно помешали бы движению по единственной имевшейся в нашем распоряжении дороге. Союзники не атаковали нас и с воздуха. Очевидно, что не знали, насколько уязвим «канал», по которому со всем своим скарбом двигалось более 100 тысяч человек.

Находившиеся на складах Северной Норвегии или переброшенные туда из Лапландии запасы удалось спасти. Во время похода войска почти ни в чем не нуждались и жили, можно сказать, припеваючи. Мы тогда еще абсолютно не знали, что значит «недостаток калорий». (Были, конечно, и такие, которым хотелось птичьего молока.) А вот нашим лучшим друзьям — лошадям — кормов действительно не хватало. Однако, несмотря на это, они выполняли тяжелейшую работу.

Чем дольше длился поход, тем автоматичнее и ритмичнее становилось движение. Командование и штабы могли теперь постепенно вырываться вперед, в районы выполнения очередных задач. Необходимо было заранее подготовить район Нарвика к приему войск, которым предстояло занять здесь круговую оборону. Речь шла о рекогносцировке, выборе и оборудовании новых позиций, о постройке временных жилищ для войск, о прокладке дорог, о выяснении состояния сети дорог в районе новых позиций, о доставке стройматериалов, о составлении боевых диспозиций, а также о «наполнении старых бочек новым вином», ибо Норвегия со времени ее оккупации весной 1940 года пребывала в «безмятежном» состоянии, и оккупационные войска волей-неволей впадали в военную спячку. Заодно верховное командование вооруженных сил сделало основательное «вспрыскивание» и нам, считая, видимо, что «Лапландская армия» сильно устала от боев и беспрерывного марша, начавшегося сразу же после падения Финляндии.

Командование 20-й горной армии приняло, пока только под оперативное руководство, район Линген — Нарвик между Линген-фиордом и фиордом севернее Бодея.

На Медвежьей горе, по обеим сторонам железной дороги, ведущей из шведского железорудного бассейна в Нарвик, на сильно растянутом охраняющем фронте между Медвежьей горой и бастионом «Китдаль», на сухопутном и морском фронтах у Лингена, в опорных пунктах прерывистого прибрежного фронта, на прибрежных островах Лофотена, в крепости Нарвик — повсюду люди взялись за отбойные молотки, кирки и лопаты, за пилы и топоры, чтобы создать новые оборонительные сооружения, расширить и усовершенствовать старые. В этом огромном прекрасном краю, ворота в который «герой Нарвика» открыл в памятные апрельские дни 1940 года, высадившись у Нарвика, вопреки зиме царила военная весна. Нам, знавшим Дитля и слышавшим рассказы и анекдоты о Нарвике из его собственных уст, сидя у лапландских каминов, казалось, будто дух генерала витает над этим районом. И если бы нам еще раз пришлось воевать здесь, мы не посрамили бы его памяти! Живым прижизненным памятником генерал-полковнику Дитлю было преобразование 139-го горно-стрелкового полка, некогда высадившегося с ним в Нарвике, в горно-стрелковую бригаду «Генерал-полковник Дитль». Солдаты Дитля унесли память о нем в родные приальпийские края. И если им суждено встретиться в любимых горах при восхождении, на лыжной прогулке или на охоте, каринтийцы, штирийцы и тирольцы, швабы и баварцы охотно вспомнят свою совместную службу в мирные дни, свои бои на Крайнем Севере; тогда-то и явится им дух их старого дивизионного командира, их генерала и их кумира, и они начнут душевный разговор о горах, о спорте и охоте, об отваге и борьбе — о Германии. Глаза старых солдат загорятся, одна история сменится другой, один анекдот — другим. «Буржуа», под которыми Дитль подразумевал людей, не способных служить своему народу и отечеству со всей самоотверженностью, будут сурово осуждены этими словно вырезанными из твердого дерева людьми дела — «буйволами», независимо от ранга и положения, первым вожаком которых навсегда останется их Дитль!

Нам сильно мешала ничейная земля между Тана- и Линген-фиордами. Противник мог захватить ее как с суши, так и с моря либо для того, чтобы использовать наши старые аэродромы, либо для того, чтобы оборудовать опорные пункты для своих военно-морских сил, либо, наконец, для того, чтобы создать «вторую Норвегию» вне занятой нами норвежской территории и с этого плацдарма напасть на нас. Поэтому было решено организовать охрану имперской дороги «50» и важнейших пунктов на крайне изрезанном побережье. С этой целью вдоль имперской дороги «50» была создана сеть «опорных пунктов», в которых расположились лыжные команды охотников. Самый отдаленный опорный пункт, напоминавший орлиное гнездо, находился у Порсангер-фиорда в стороне от лингенского фронта. Связь с его гарнизоном, получившим название «охранный батальон имперской дороги», осуществлялась только морем, ибо имперская дорога «50» была уже разрушена и покрыта глубоким снегом. В течение зимы на этом далеком предполье лингенских позиций неоднократно происходили стычки с норвежскими партизанскими отрядами, которые были засланы в Северную Норвегию морем из Англии и через Финляндию из Швеции, где 20 тысяч молодых норвежцев обучались на «полицейских». Мы не очень-то серьезно восприняли эту военную демонстрацию норвежцев. Примечательно, что Северной Норвегией «овладели» норвежцы, но не русские, не финны и не англичане.

Судя по пассивности русских в Северной Норвегии, казалось, что Норвегия в целом была отдана западным державам как сфера их интересов. Оккупация Норвегии англичанами и американцами после капитуляции Германии подтвердила наши тогдашние предположения.

Из Альты и всех других небольших бухт было вывезено все, что того стоило, причем транспортировка грузов происходила тогда, когда эти естественные гавани в глубине фиордов уже не защищались войсками. Мы пошли на риск и продолжали эвакуацию с помощью специальных эвакуационных команд, которые по выполнении задач морем отправлялись вдогонку своим частям.

Движение через Линген-фиорд, предусмотренное планом «Северного сияния», закончилось в январе. Уже на пороге нового года можно было занимать позиции у Кильписьярви на финско-норвежской границе, то есть были созданы предпосылки для отвода 7-й горно-стрелковой дивизии из укрепленного района «Таран» и горно-стрелковой бригады «Генерал-полковник Дитль» с охраняющего фронта у Каутокейно. Все было готово для последнего маневра операции «Северное сияние».

В середине января фронт у Каутокейно, начиная с восточного фланга, был свернут. Под покровом полярной ночи войскам удалось незаметно оторваться от противника. 6-я горно-стрелковая дивизия приняла на позициях у Кильписьярви части, отходившие из укрепленного района «Таран» и из опорных пунктов каутокейнского фронта охранения. Наверное, финны были вне себя: ведь в целях сохранения соприкосновения с нами им пришлось спешно покинуть свои неплохо оборудованные зимние позиции. В самое холодное и самое мерзкое время зимы, когда бледный свет лишь на несколько часов освещает тундру, они вынуждены были продвигаться вперед по оставляемой нами территории. Кильписьярви был тем рубежом, у которого 6-я горно-стрелковая дивизия, занявшая хорошо подготовленные позиции, остановила финнов.

Таков был финал операций «Береза» и «Северное сияние».

КОНЕЦ В НОРВЕГИИ

18 декабря 1944 года командующий 20-й горной армии принял командование над армией в Норвегии (штаб-квартира — Осло), став командующим всеми германскими вооруженными силами на территории этой страны. Ставкой был избран Лиллехаммер. Мы сознательно, на основе опыта, полученного во Франции, отказались от Осло, дабы не столкнуться с неизбежными неприятностями в столице давно оккупированной страны и всецело посвятить себя поставленной перед нами задаче — организации обороны Норвегии от вторжения.

19-й горно-стрелковый корпус, который прикрывал район Линген — Нарвик и в случае вторжения с любой стороны (из Швеции или финской Лапландии, из норвежской провинции Финмарк или с моря) был бы предоставлен самому себе, был пополнен и преобразован в армейскую группу «Нарвик». Верховное командование вооруженных сил считало, что Нарвик попрежнему остается самым угрожаемым пунктом норвежского фронта. Поэтому район Нарвика оставался главным узловым пунктом обороны Норвегии; вспомогательный узел должен был быть создан на юге страны.

Генерал-полковник Рендулич в конце января 1945 года был назначен командующим армейской группой в Курляндии. Командующим войсками в Норвегии стал генерал горно-стрелковых войск Беме.

Части, отозванные в рейх, продолжали свой путь на юг в таком порядке: 6-я горно-стрелковая дивизия СС, 2-я горно-стрелковая дивизия, 163-я пехотная дивизия, 169-я пехотная дивизия и, наконец, 199-я пехотная дивизия, выполнявшая до сих пор оккупационные функции в районе Нарвика. В маршевое движение этих дивизий пришлось вклинить специальные части сухопутных и военно-воздушных сил. Темпы передвиже-

ния в значительной степени зависели от пропускной способности железной дороги, по которой войска из Стейнкьера и Тронхейма перебрасывались в Осло. Переброска одной дивизии занимала четыре недели. В конце концов из-за отсутствия угля паровозы пришлось перевести на дрова. И все-таки мы заставили их двигаться! Все, что по железной дороге доставлялось в порт Осло, могло быть сразу же морем перевезено в Данию. Могло, но не больше! Нехватка угля (тормозившая железнодорожные перевозки) практически означала нехватку судов.

К пасхе 1945 года последняя войсковая часть и последние транспортеры, направлявшиеся в империю, покинули крепость Нарвик. Лишь тогда единственная дорога из Нарвика в район Тронхейма, в пяти местах прерываемая широкими фиордами, освободилась для перегруппировки войск, которую надо было произвести в самой Норвегии, чтобы усилить оборону на юге, прежде всего в районе Осло, и получить возможность создать хотя бы фронт охранения вдоль шведской границы южнее Тронхейма. Поскольку воздушный и морской флот англичан полностью господствовал на море, глупо было бы настаивать на транспортировке войск морем вдоль норвежских берегов, что, конечно, значительно ускорило бы переброску войск, поэтому верховное командование вооруженных сил категорически запретило использовать этот путь.

В ночь на 9 мая 1945 года по приказу верховного командования вооруженных сил была дана команда: «Стоп, машина». Соединения германского вермахта в Норвегии непобежденными сложили оружие, не только повинуясь приказу, но и твердо уверенные в том, что борьба за Норвегию после капитуляции рейха стала бессмысленной.

Последний рапорт командования 20-й горной армии верховному командованию вооруженных сил, направленный из Мюрвика, заканчивался словами «горе побежденным»!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пожар войны в Арктике начался в апреле 1940 года у Нарвика, а затем перебросился в самую северную провинцию Норвегии, в район Киркенеса. Оттуда и из финской Лапландии летом и осенью 1941 года пламя перекинулось на Мурманскую железную дорогу, но не смогло ее расплавить. Три долгих года тлели угли в пустынных районах Восточной Карелии, временами то тут, то там вспыхивал огонь, пока, наконец, весной 1944 года восточный ветер не подул и на Крайнем Севере, так высоко взметнув пламя, что германские войска у Полярного круга и Северного Ледовитого океана должны были покинуть свои долговременные позиции и уйти, спасаясь от огня. Они шли по зимней тундре под умелым руководством генерал-полковника Рендулича — полководца, испытанного в тяжелых боях восточного похода. Они ускользнули в район Нарвика через единственную брешь, остававшуюся еще открытой, несмотря на то, что русские ожидали этого и были готовы сорвать планы нашего марш-маневра, несмотря на то, что противник мог диктовать нам условия борьбы, обладая преимуществом в силе, пространстве и времени, несмотря на то, что финны стали на пути своих прежних товарищей по оружию. Вопреки всему «эдельвейсы», так финны называли немецких солдат на Крайнем Севере, вырвались из огня!

Действительно ли, как утверждают сейчас всезнайки, операции в Арктике, от Нарвика до Нарвика,— это сплошная цепь ошибок? Верно ли, что под воздействием ошибочных идей на этот театр военных действий, подчинявшийся непосредственно верховному командованию вооруженных сил, отвлекались силы, которых так не хватало на главном

фронте, на Востоке? Были ли вторжение у Нарвика, маневрирование в Финмарке, наступление на Мурманскую дорогу и прозябание в Восточной Карелии звеньями в цепи ошибок командования во время второй мировой войны?

Нет! Нарвик нужно было взять, чтобы помешать западным державам закрепиться в Норвегии и Швеции, замкнув кольцо вокруг Германии с севера и лишив ее железной руды, ввозимой из Северной Швеции. Англичане и французы 5 февраля 1940 года приняли решение о создании военных баз, намереваясь насильственно прекратить вывоз руды из Швеции. Уже в начале марта их войска были готовы к нашествию на нейтральные страны — Норвегию и Швецию. Германия опередила англо-французское вторжение **всего на один день.** Горные стрелки генерала Дитля блестяще справились с поставленной перед ними задачей по оккупации Норвегии. Германская военная промышленность в течение всей войны бесперебойно получала столь необходимые для производства оружия высококачественные шведские руды. Военно-морские и военно-воздушные силы получили базы, с которых они могли действовать в Атлантическом и Северном Ледовитом океанах.

Наступление на Мурманскую железную дорогу было вызвано соображениями стратегического порядка. Маршал Финляндии характеризовал эту проблему так:

«Мурманская железная дорога имеет для Советского Союза, несомненно, не только военное значение как путь доставки военных материалов и продовольствия из Америки и Англии, но и моральное значение как важнейший путь, связывающий Россию с ее союзниками. Быстрейший разрыв этой связи имел бы решающее значение».

Но несмотря на такое ясное заявление главнокомандующего вооруженными силами Финляндии, не встречавшее возражений со стороны верховного командования германских вооруженных сил, после 1941 года не последовало нового финско-германского наступления на эту важнейшую жизненную артерию Советского Союза, что, без сомнения, являлось одной из упущенных возможностей второй мировой войны.

После неудавшейся летней кампании 1941 года против Мурманской железной дороги германские силы в Арктике выполняли лишь оборонительные функции. Наступать без поддержки финнов они так и не смогли. Однако «Лапландская армия» была необходима как тыловое прикрытие оккупированных областей Норвегии и щит никелевых рудников Петсамо, обладание которыми якобы «решало исход войны». Одна Финляндия была не в силах прикрыть Крайний Север, не говоря уже о том, подняли ли бы финны (что весьма спорно) оружие против Советского Союза после тяжелой зимней войны 1939—1940 годов, если бы не германская интервенция в Лапландию. Во всяком случае за «петсамский никель» Финляндия воевать не собиралась.

Три долгие зимы и три коротких лета верным стражем стояла 20-я армия у Полярного круга и Ледовитого океана. Противнику, находящемуся перед ней, Мурманская дорога позволяла быстро концентрировать войска, создавать ударные кулаки там, где заблагорассудится. Три германских корпусных фронта в районе Мурманской железной дороги должны были быть постоянно готовы к борьбе, и они держали «ухо востро».

Ни одну из дорог, по которым двигалась «Лапландская армия», превратив их в автострады, нельзя было отдать противнику. Наши ударные клинья должны были создать оборону там, где их остановили и где они завязли осенью 1941 года. Зима на время прекратила общее манев-

рирование выдохшихся войск. Завоеванную территорию нужно было приспособить и укрепить, организовав подвижную оборону сравнительно слабыми силами. Войска должны были найти защиту от страшного противника завтрашнего дня — от суровой арктической зимы. На передовых позициях войска стояли тверже, чем где-нибудь в тылу. Ведь мысль о неизбежном возобновлении наступления на Мурманскую железную дорогу не была еще похоронена!

Так долговременные позиции перед Лоухи, Кандалакшей и Мурманском превратились в мощные оборонительные рубежи. Их оставление было бы наказанием для войск и не дало бы командованию никаких преимуществ. Правда, неоднократно обсуждался вопрос о целесообразности перенесения линии самого южного участка, у Кестеньги, в межозерье Топ- и Пяв-озера. Но и от этого изменения отказались, так как с ноября по апрель озера не являются препятствием, и в то же время завоеванный там плацдарм находился на кратчайшем пути к Мурманской железной дороге. Нас не покидала надежда, что когда-нибудь нам в сотрудничестве с финнами, стоявшими у Руокоярви или у Онежского озера, удастся преодолеть и это короткое расстояние!

Оперативное жонглирование немецкими силами — переброска их с Крайнего Севера на главный фронт по ту сторону Финского залива и обратно — было невозможным из-за дальности расстояний, разделявших эти два фронта. Кроме того, у нас не было под руками железной дороги, в какой-то степени подобной Мурманской. Все, что находилось в Арктике, было связано пространством. Даже в пределах одной армии переброска местных резервов с одного участка фронта на другой занимала много времени. Ведь между фронтом у Ледовитого океана и кандалакшским фронтом лежало 700 км пути, а штаб 36-го корпуса находился в 300 км от штаба 18-го корпуса.

Германским войскам, которые с 1942 года вели тяжелые бои южнее Балтийского моря, 20-я горная армия могла помочь лишь откомандированием личного состава.

«Эдельвейсы» стояли на «северной вахте»: они защищали Финляндию и Германию, Скандинавию и Европу. Командование и войска понимали это! Не пустой фразой, проникнутой ложным пафосом, были заключительные строки книги «Фронт у Полярного круга», изданной весной 1943 года одним из «лапландских» корпусов в качестве памятки для солдат:

«Ради этой страны, ради наших финских товарищей ведем мы совместную борьбу за дальнейшее существование европейской культуры».

В операциях «Береза» и «Северное сияние», проведенных командованием 20-й горной армии (командующий — генерал-полковник Рендулич), принимали участие следующие командные инстанции и крупные части:

1. Сухопутные войска

Командование 18-го горно-стрелкового корпуса — командир корпуса генерал пехоты Хохбаум.

Командование 19-го горно-стрелкового корпуса — командир корпуса генерал артиллерии Фердинанд Йодль.

Командование 36-го горно-стрелкового корпуса — командир корпуса генерал горно-стрелковых войск Фогель.

2-я горно-стрелковая дивизия — командир дивизии генерал-лейтенант Деген.

6-я » » » — командир дивизии генерал-лейтенант Пемзель.

7-я » » » — командир дивизии генерал-лейтенант Кракау.

Дивизионная группа «К» — командующий группой генерал-майор Крейтлер.

163-я пехотная дивизия — командир дивизии генерал-лейтенант Рюбель.

169-я » » — командир дивизии генерал-лейтенант Радций.

Дивизионная группа ван дер Хоопа — командующий группой генерал-майор ван дер Хооп.

210-я пехотная дивизия (крепостные части) — командир дивизии генерал-лейтенант Эбелинг.

230-я пехотная дивизия — командир дивизии генерал-майор Пампель.

2. Военно-морские силы

Комендатура морского укрепленного района «Киркенес» — комендант контр-адмирал фон Хонхорст.

Боевые корабли германского военно-морского флота, базирующиеся на Норвегию.

3. Военно-воздушные силы

Командование германскими ВВС в Финляндии — командующий генерал авиации Харманц.

Летные части 5-го воздушного флота (Осло).

4. Войска СС

6-я горно-стрелковая дивизия СС — командир дивизии генерал-лейтенант войск СС Бремер.

РАЗДЕЛ II

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ДОКУМЕНТОВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ БЮЛЛЕТЕНЯ ГЕРМАНСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА «ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПО СОСТОЯНИЮ НА 1 ЯНВАРЯ 1941 г.», ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОЦЕНКЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

«В настоящее время Красная Армия состоит из кадровой армии и частично мобилизованных из запаса».

«В военное время, согласно расчетным данным, могут быть мобилизованы 11—12 млн. человек с различной степенью обученности. Однако нужно иметь в виду, что частичная мобилизация, проведенная в связи с русско-финской войной, привела уже к нехватке рабочей силы в промышленности и особенно в сельском хозяйстве. Поэтому сомнительно, что армия может быть доведена до такой численности, не говоря уже о том, что вряд ли имеются в достаточном количестве необходимые для этого кадры командиров и соответствующая техника».

«Неизвестно, будет ли промышленность в состоянии обеспечить в случае затяжной войны снабжение оружием, боеприпасами, обмундированием, автотранспортными средствами и прочими видами боевой техники в достаточном количестве и хорошего качества. Особенно слабым местом в настоящее время является снабжение горючим. Хотя в количественном отношении горючего имеется достаточно, но качество его, особенно бензина для авиационных моторов, невысокое. К тому же в настоящее время весьма сомнительно, что Советский Союз во время войны сможет наряду с обеспечением войск обеспечить горючим промышленность и сельское хозяйство. Привлечение в случае мобилизации механизированного транспорта и средств механической тяги в связи с незначительным количеством конского состава в стране неизбежно приведет сельское хозяйство к тяжелым последствиям».

«Следует предполагать, что в начале войны не все соединения и части будут развернуты по штатам военного времени. Скорее всего, многие соединения будут оснащены слабее, чем это предусмотрено штатами, или выступят в штатной организации мирного времени. Особенно это будет относиться к танковым и артиллерийским частям».

«Вооружение Красной Армии большей частью представляет собой копии с иностранных образцов. Поскольку в многочисленных армиях различные усовершенствования и новые типы оружия обычно вводятся постепенно, следует рассчитывать на наличие в войсках Красной Армии старых образцов оружия. Несомненно, что мощность русской промышленности большая, но насколько хорошим является качество оружия, выпускаемого ею, еще нельзя окончательно определить.. Материальная часть артиллерии лишь частично является новой. О наличии в армии тяжелой и сверхтяжелой артиллерии имеются лишь малодостоверные сведения. 203-мм гаубицы, отмеченные на параде, являются в настоящее время самыми тяжелыми системами на механической тяге. На ноябрьском параде 1940 года были отмечены орудия еще большего калибра. В каком количестве они имеются в войсках, неизвестно. Танки, принятые на вооружение в Красной Армии, представляют собой копии иностранных моделей с многочисленными русскими изменениями. Бронемашины представляют собой обычные бронированные автомобили».

«Большую часть самолетного парка составляют самолеты второго класса, которые уступают немецким самолетам, оснащенным по последнему слову техники. Истребитель «И-16» представляет собой копию известного американского истребителя «Кертис», применявшегося в Испании; его скорость 400—450 км/час, т. е. уступает скорости немецких самолетов, но его маневренность, наоборот, выше, чем у немецких... Русские пытались строить новые образцы истребителей, но до сих пор они не были введены на вооружение. Повидимому, эти новые образцы самолетов не пригодны с точки зрения их производства или применения... Повидимому, имеется новый истребитель, о котором пока ничего неизвестно. Оба типа бомбардировщиков СБ-2 и ДБ-3 принадлежат к боевым самолетам первого класса, однако их тактико-технические данные невысокие... Новый тип бомбардировщиков СБ-3 (усовершенствованный СБ-2) находится на испытании».

«Производство самолетов основано исключительно на отечественной промышленности. Производится сравнительно небольшое количество типов самолетов.

Выпуск новых типов самолетов в связи с поточным методом производства является более сложным, чем в любой другой современной индустриальной стране.

В производстве самолетов особенно остро ощущается нехватка специалистов, поэтому процент брака чрезвычайно высок. В ближайшем будущем возможно только сохранение существующего уровня производства самолетов в масштабах мирного времени.

В ходе затяжной войны авиационная промышленность будет, повидимому, не в состоянии восполнять быстро растущие потери самолетов на фронте.

Производство авиационных моторов является слабым звеном авиационной промышленности, так как не обеспечивает полностью потребности в моторах».

«Сила Красной Армии основывается на численности войск и на количестве оружия, на неприхотливости, упорстве и храбрости солдата. Красной Армии способствуют обширность территории и бездорожье страны.

Слабость Красной Армии заключается в отсутствии гибкости у командиров всех степеней, в тенденции к схематизму, в недостаточной для современных требований боевой подготовке, в страхе перед ответственностью и в недостатке организации, ощущаемой во всех областях».

«Действия Красной Армии в 1939 году при занятии восточной части Польши, в русско-финской войне 1939—1940 годов, а также в проведенных в течение последних месяцев полевых учениях, вскрыли ряд недоче-

тов в организации и боевой подготовке войск. В связи с тем, что в последние годы основное внимание было направлено на организацию и проведение маневров и учений крупных соединений, вопросам боевой подготовки отдельного бойца и мелких подразделений не уделялось должного внимания. На основании всего вышеизложенного следует заключить, что Красная Армия при сегодняшнем состоянии боевой подготовки неполностью отвечает современным требованиям и не сможет противостоять армиям противника, возглавляемым энергичным и храбрым командованием... Боевая мощь советской авиации значительно ниже немецкой. Учитывая территорию Советского Союза, можно сказать, что и численность авиационных соединений недостаточна. Учитывая слабую организацию аэродромной службы и службы снабжения, а также ограниченные способности русского человека овладевать техникой, следует полагать, что боеспособность авиации является особенно низкой. Боевая численность авиационных соединений во время войны будет значительно ниже штатной численности (около 50—60%), а в войне с высоко оснащенным противником она будет еще ниже».

«При наличии отдельных достижений советской авиации состояние боевой подготовки в целом не соответствует уровню, достигнутому в этой области в немецкой авиации. На недостаточно высоком уровне находится прежде всего тактическое обучение».

«Вооруженные силы, особенно после финской войны, повидимому, строятся на новой основе. От большевистской мании проведения гигантских маневров и крупных учений возвращаются к индивидуальному обучению офицера и рядового.

Введение более строгого дисциплинарного устава и правил обязательного отдания чести и поведения в общественных местах привело к более строгой воинской дисциплине».

«Основные принципы новых методов обучения сводятся к следующему:

а) Всесторонняя боевая подготовка войск, начиная с одиночного бойца и мелких подразделений. Главная цель — воспитать сознательных и деятельных рядовых бойцов и младших командиров.

б) Организация и проведение боевой подготовки войск в соответствии с требованиями военного времени.

в) Привитие твердых навыков в управлении боем на основе ясных и быстрых решений командиров всех степеней, отдача четких приказов и осуществление контроля за их выполнением.

г) Проведение боевой подготовки в условиях тесного взаимодействия всех родов войск. Всем, даже мелким подразделениям, придаются танки и самолеты.

д) Обучение войск умелому использованию местности, маскировке, умелому окапыванию и созданию искусственных препятствий. Большое место уделяется организации противовоздушной обороны.

е) Приучение солдат к выносливости путем систематических тренировок (продолжительные марши, непрерывные учения, преодоление пересеченной местности, форсирование рек и т. д.).

ж) Обучение ведению разведки всех видов, особенно в условиях ночи.

з) Обучение методам организации снабжения войск.

и) Завершение учений боевой стрельбой из всех видов оружия (артиллерия всегда действует вместе с пехотой).

к) Предметом обучения во всех случаях без исключения являются наступление на подготовленную позицию и ее оборона.

л) Охватывающим маневрам уделяется большое внимание.

м) Штабные занятия и учения со средним и старшим командным составом».

«Тактические принципы русских ясны и определенны и вполне отвечают современным требованиям. Они изложены во «Временном Полевом Уставе Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) 1936 года». Содержащиеся в нем тактические принципы, несомненно, слишком высоки для общеобразовательного уровня русского солдата и отнюдь не являются еще общим достоянием широкой массы офицеров. Изменится ли это положение в скором времени в связи с новыми методами обучения, пока неизвестно».

«Все эти мероприятия должны привести к постепенному улучшению боеспособности Красной Армии во всех отношениях. В России, однако, успех новых методов станет заметным только по истечении ряда лет, если не десятилетий. Войсковые части, находящиеся под контролем энергичных старших командиров, в скором времени обогатят свои знания и навыки. Однако значительная часть войск в округах будет добиваться успеха очень медленно. Основные черты характера русского народа — неподвижность, схематизм, боязнь ответственности и принятия самостоятельного решения — не меняются. Командиры всех званий в ближайшее время не смогут гибко руководить крупными современными соединениями. Они вряд ли будут способны к ведению крупных наступательных операций, к быстрому и энергичному использованию благоприятной обстановки, а также к самостоятельным действиям в рамках общей операции. Красная Армия, значительная по своей численности и по количеству современного оружия, будет храбро сражаться. Однако она не отвечает требованиям ведения современных наступательных операций, особенно в условиях взаимодействия всех родов войск. Инициатива отдельного бойца часто будет отсутствовать. В обороне, особенно при наличии достаточного времени для укрепления позиций, Красная Армия будет упорно сопротивляться. Русскому характеру свойственна способность к сопротивлению не только в обстановке сильного натиска, но даже и в случае поражения».

«Особенно высококачественных соединений не имеется, кроме 1-й Пролетарской стрелковой дивизии, находящейся в Москве в качестве парадной дивизии. Следует подчеркнуть, что боеспособность русских соединений вследствие большого различия в качественном отношении людского состава и техники является весьма различной и не допускает никакого сравнения со средней боеспособностью соответствующих немецких соединений».

«Солдаты Красной Армии в основном стойкие, неприхотливые, усердные и храбрые. Это уже не тот «бравый мужик», которого мы знали в мировую войну. Значительно выше стал его культурный уровень, расширился общий кругозор и повысилась техническая грамотность. Этому способствовали поднятие народного образования, приток сельского населения в город и развитие промышленности. Устранение недостатков в обучении войск может с течением времени обеспечить воспитание энергичного бойца, владеющего техническими средствами войны».

Сухопутные войска

Рода войск

«**Пехота.** Русская пехота по своему вооружению и организации не уступает пехоте других армий. Боеспособность крупных соединений (стрелковые корпуса и стрелковые дивизии), благодаря усилению их тан-

ками, значительно повысилась. Но нужно иметь в виду, что оснащение вооружением, а следовательно, и боеспособность отдельных дивизий не одинаковы».

«Русский пехотинец со свойственным ему характером русского народа будет особенно хорошо действовать. Однако сейчас трудно судить, сможет ли он проявлять необходимую гибкость и решительность в наступлении, ведущемся в современных условиях в тесном взаимодействии с танками и авиацией. Новые методы обучения дают основание ожидать постепенного повышения боеспособности русского солдата».

«**Кавалерия.** Кавалерия воспитана в наступательном духе. Благодаря сильному оснащению кавалерийских соединений моторизованными частями и главным образом танками подвижность и боеспособность соединений значительно повысилась. Подлежит сомнению, способно ли командование крупных кавалерийских соединений организовать управление войсками и взаимодействие с поддерживающими танковыми и авиационными соединениями в соответствии с современными требованиями и сможет ли оно в зависимости от обстановки быстро принимать решения, не придерживаясь шаблона».

«**Танковые войска.** Русские танковые войска считаются отборными войсками Красной Армии... Численность танковых соединений очень велика, часть из них по своей организации и вооружению является современными мощными соединениями. Но подлежит сомнению, могут ли потери в личном составе и материальной части быть пополнены быстро и в полной мере. Танковые соединения используются для непосредственной поддержки пехоты, а в случае необходимости могут использоваться также в составе крупных механизированных объединений для выполнения оперативных задач совместно с кавалерийскими соединениями. Сможет ли командование выполнить последнюю задачу — неизвестно... Опыт финской войны показал, что отдельные танковые экипажи в наступлении действуют энергично. Обучение же ведению боя и особенно организации взаимодействия как внутри соединений, так и с другими родами войск было недостаточным. Уход за танками является так же совершенно недостаточным. Особенно тяжело сказываются частые поломки, так как большинство экипажей не в состоянии устранить их».

«Русские танковые войска полностью не отвечают требованиям современной маневренной войны с широким оперативным использованием крупных танковых соединений».

«**Артиллерия.** Подготовка офицеров артиллеристов отставала от развития артиллерийской техники, особенно в звукометрических, светометрических и топографических частях.

Обучение артиллерийской стрельбе и в частности управлению огнем, как показала русско-финская война, было недостаточным. В настоящее время этому вопросу уделяется серьезное внимание. Большое значение придается также отработке вопросов организации тесного взаимодействия артиллерии с пехотой, танками и авиацией».

«**Инженерно-саперные войска.** Подготовке инженерно-саперных частей уделяется большое внимание. Обучение инженерно-саперных частей строительству полевых укреплений и инженерных заграждений поставлено хорошо. Оснащение их современной инженерной техникой, повидимому, улучшено. Однако подробных сведений об этом нет.

Большое внимание при обучении войск уделяется отработке вопросов форсирования водных преград и в частности наводке мостов всех видов».

«**Войска связи.** Подготовка войск связи в последнее время значительно улучшилась. Служба радиосвязи поставлена хорошо. В то же

время, повидимому, еще не все части и соединения оснащены новейшей техникой связи».

«**Химические средства борьбы и противохимическая защита войск.** Химические средства борьбы отвечают современным требованиям. Следует ожидать их применения, хотя инструкции подчеркивают, что Красная Армия не намерена применять химические боевые средства. По противохимической защите войск проведены соответствующие мероприятия».

«**Служба снабжения.** Подробные сведения об организации и учреждениях тыла, а также о работе органов снабжения отсутствуют. Можно предполагать, что во время войны для этой цели будет введена в действие большая, но недостаточно гибкая организация. Поскольку все автотранспортные средства находятся в собственности государства, использование их для войны облегчается».

«Положение с транспортом нами до сих пор недооценивалось. Однако нынешний очень развитый грузооборот, а также русско-финская война показали, что русские в основном выполнили требования в этом отношении. Весь транспорт работает с полной мощностью».

Военно-воздушные силы

«Военно-воздушные силы являются составной частью сухопутной армии и военно-морского флота. В соответствии с этим имеются армейские и морские авиационные соединения... В командных инстанциях сухопутных сил наряду с войсковыми штабами имеются штабы авиационных соединений, предназначенные для представления соображений командующим сухопутных соединений и объединений по использованию авиации и для координации действий подчиненных авиационных частей.

Таким образом, военно-воздушные силы предназначаются в первую очередь для обеспечения действий сухопутных войск.

Об организации военно-воздушных сил до сих пор не имеется точных данных. Повидимому, началась их реорганизация по немецкому образцу».

«При условии ежемесячного производства от 400 до 500 самолетов можно предположить, что численность самолетного парка составляет 12 000—14 000 единиц. Но вследствие больших потерь в русско-финской войне, высокого процента производственного брака и чрезвычайно большого износа материальной части боевых самолетов при обучении следует рассчитывать на наличие в Европейской части Советского Союза до 4000 самолетов 1-го класса. Две трети этого количества приходится на истребители (И-15 и И-16) и одна треть на бомбардировщики (СБ-2 и ДБ-3).

Кроме того, имеются транспортные самолеты (ТБ-3, ТБ-2 и ТБ-5, ТБ-6) и учебные (У-2 и УТ-2)».

«Боевая мощь советской авиации значительно ниже немецкой... Состояние боевой подготовки в целом не соответствует уровню, достигнутому в этой области в немецкой авиации. На недостаточно высоком уровне находится прежде всего тактическое обучение».

«Аэродромная служба является во всех отношениях отсталой и несовершенной. Из общего количества 1100 аэродромов полностью пригодными для тактических целей являются только 160 аэродромов.

Организация снабжения стоит на низком уровне, особенно в отношении запасных частей для самолетов.

Кроме того, недостатками в организации русской аэродромной службы и снабжения являются: плохо поставленная система снабжения, неудовлетворительная конструкция сооружений, недостаточное количество складов горючего и боеприпасов, а также слабо развитая сеть связи».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА НЕМЕЦКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА СУХОПУТНЫХ СИЛ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА ГАЛЬДЕРА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОЦЕНКЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ВОЙНЫ

Январь — март 1941 года

«Военная мощь России — устаревшая материальная часть. Новое только то, что взято из-за границы. Командование механистично».

«Высказывания о русских танках заслуживают внимания. Хороший тип тяжелого танка, но в основной своей массе — устаревшие типы.

По численности танков русские сильнее всех в мире. Однако они имеют лишь небольшое количество новых гигантских танков с длинноствольной 105-мм пушкой (танки-гиганты весом в 42—45 тонн). Русская авиация очень велика по количеству, но имеет очень много самолетов устаревших типов и лишь незначительное количество современных типов».

«Русские не выдержат массированного удара танков и авиации... Наши задачи в отношении России: разбить вооруженные силы, уничтожить государство».

Апрель — май 1941 года

«Отдел изучения иностранных армий теперь признает, что численность русских сухопутных сил в Европейской России следует считать большей, чем предполагалось до сих пор (это уже давно утверждали финны и японцы). Считается, что общая численность достигает: 171 стрелковая дивизия, 36 кавалерийских дивизий и 40 мото-механизированных бригад».

«Группировка русских войск. Бросается в глаза скопление войск на Украине. Главнокомандующий сухопутных войск [1] полагает, что не исключена возможность вторжения русских в Венгрию и Буковину. Я же считаю это совершенно невероятным».

«Общая обстановка с 1.4 по 26.4.41 г. не изменилась. К этому времени отмечено увеличение наземных войск на Западе России на 10 дивизий. Усиленная армия мирного времени (около 170 дивизий) может считаться армией, укомплектованной по штатам военного времени. Однако можно сомневаться в том, что сформированы транспортные части».

«В России сейчас производится новый истребитель. Новый дальний бомбардировщик. Однако успехи авиации и ее боеспособность низки. Дальние бомбардировщики, повидимому, сосредоточены вблизи немецкой границы. Эшелоны со строительным материалом для строительства укреплений направляются к границе. В остальном, относительно сосредоточения войск, ничего не заметно».

«Россия активизирует деятельность «Осоавиахима», в задачу которого вменяется уничтожение парашютистов. В России имеется примерно 1% к общей потребности противогазов».

«Имеются точные данные о том, что русские укрепляют свои границы. В особенности обращают на себя внимание работы, проводимые по отрывке противотанковых рвов вдоль всей границы».

«О группировке русских сухопутных войск вдоль границы с Германией. Оборона делится на три участка: Прибалтика (Северный), Центральный и Южный. В Прибалтике сосредоточена одна группа армий в

[1] Генерал-фельдмаршал Браухич. (Прим. ред.)

6*

составе двух армий, группы войск из оперативного и группы войск из стратегического резерва.

На Центральном участке — одна группа армий, в составе трех армий, в том числе одна из оперативного резерва. Кроме того, по неподтвержденным данным, имеется одна группа войск из стратегического резерва.

На южном участке — группа армий в составе трех армий и одной группы войск из оперативного резерва.

Отдельный фронт по р. Прут занимает одна группа армий».

21 июня 1941 года

«На отдельных участках отмечено повышение бдительности русских. Перед фронтом 8-го армейского корпуса[1] наблюдалось занятие позиций войсками противника. Всего в Европейской части России имеется: 154 пехотных, 25½ кавалерийских, 10 танковых дивизий, 37 мото-механизированных бригад. Итого около 213 дивизий».

22 июня 1941 года

«Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й, перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск явилось для противника полной тактической внезапностью.

Пограничные мосты через р. Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать. Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения наших подвижных частей, для чего в настоящее время всюду предоставляется полная возможность. Военно-морское командование также сообщает о том, что противник, видимо, застигнут врасплох. За последние дни он совершенно пассивно наблюдал за всеми проводившимися нами мероприятиями и теперь сосредоточил свои военно-морские силы в портах, очевидно, опасаясь мин».

«Общая картина первого дня наступления представляется следующей.

Германское наступление застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на большой территории в пределах своих квартирных районов. Охрана самой границы была в общем слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные переправы и прорвать пограничную полосу укреплений (укрепления полевого типа) на всю глубину.

После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к боевым действиям. Без сомнения, на стороне противника имел место тактический отход, хотя и беспорядочный на отдельных участках. Признаков же оперативного отхода не было и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто совершенно исключена. Ряд командных инстанций противника, как,

---

[1] 8-й армейский корпус занял исходное положение на участке Гиды (29 км юго-вост. Сувалки), (иск.) Липск (30 км сев.-зап. Гродно). (Прим. ред.)

например, в Белостоке, оказались полностью не в курсе обстановки, и поэтому на ряде участков фронта совершенно отсутствовало какое-либо руководство действиями войск с их стороны.

Но даже независимо от этого, учитывая влияние «столбняка», едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боев смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять такое решение.

Я считаю, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время будет не в состоянии организовать оперативного противодействия нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления.

Наши наступающие дивизии всюду, где противник пытался оказать сопротивление, отбросили его и продвинулись с боем в среднем на 10—12 км. Таким образом путь подвижным соединениям открыт.

На фронте группы армий «Юг» уже в середине дня группа Клейста [1] смогла начать наступление своим северным и центральным корпусами. Если она уже сегодня (что представляется вполне вероятным) успеет выйти к р. Стырь, то завтра и послезавтра ее задача будет состоять в том, чтобы разрезать на части и разгромить моторизованную группу противника, находящуюся восточнее р. Стырь.

На фронте группы армий «Центр» правый фланг танковой группы Гудериана [2] (3-я и 4-я танковые дивизии) задержался при продвижении через труднопроходимый лесной массив и в лучшем случае к вечеру выйдет на автостраду Брест — Минск. Северный фланг танковой группы прорвал оборону находившегося перед ним противника и вышел на оперативный простор... Севернее Белосток танковая группа Готта [3] достигла особенно крупных успехов. Стремительным броском она преодолела лесисто-озерный район, вышла к р. Неман и захватила неповрежденными важнейшие переправы через р. Неман у Алитус и Меркене. Танковая группа рассеяла части восьми дивизий противника, брошенных ей навстречу и пытавшихся задержать ее продвижение. Теперь перед фронтом группы Готта действуют только разрозненные части противника. Организованное сопротивление отсутствует. На этом участке наши войска, видимо, вышли на оперативный простор.

На фронте группы армий «Север» танковая группа Хепнéра [4], ведя успешные бои, продвинулась до р. Дубисса и овладела двумя неразрушенными переправами... Задачи групп армий остаются прежними. Нет никаких оснований для внесения каких-либо изменений в план операции. Главному командованию сухопутных сил не приходится даже отдавать каких-либо дополнительных распоряжений».

«Командование ВВС сообщило, что за сегодняшний день уничтожено 850 самолетов противника. В том числе целые эскадрильи бомбардировщиков, которые, поднявшись в воздух без прикрытия истребителей, были атакованы нашими истребителями и уничтожены».

23 июня 1941 года

«Общая обстановка лучше всего охарактеризована донесением штаба 4-й армии: противник в Белостокском мешке борется не за свою жизнь, а за выигрыш времени.

---

[1] 1-я танковая группа. (Прим. ред.)
[2] 2-я танковая группа. (Прим. ред.)
[3] 3-я танковая группа. (Прим. ред.)
[4] 4-я танковая группа. (Прим. ред.)

Впрочем, я сомневаюсь в том, что командование противника действительно сохраняет в своих руках единое и планомерное руководство действиями своих войск. Гораздо вероятнее, что местные переброски наземных войск и авиации являются вынужденными и предприняты под влиянием продвижения наших войск, а не представляют собой организованный отход с определенными целями. О таком организованном отходе до сих пор как будто говорить не приходится.

Исключение представляет, возможно, район перед фронтом группы армий «Север». Здесь, видимо, действительно заранее был запланирован и подготовлен отход за р. Зап. Двина. Причины такой подготовки пока еще установить невозможно. Возможно, русские считали, что Литва является объектом наших политических притязаний и собирались ее отдать в случае нашего требования. Если все же, несмотря на эту подготовку, противник остался в районе Белосток в пограничной полосе, то это можно объяснить лишь неудовлетворительной и медленной работой русского командного механизма».

24 июня 1941 года

«Противник в пограничной полосе почти всюду оказывал сопротивление. Если это не в полной мере ясно для наших войск, то это является следствием тактической внезапности, которая привела к тому, что сопротивление противника было неорганизованным, несогласованным и малоэффективным. В районах, пройденных нашими танками, остались еще крупные силы противника, разобщенные на отдельные группы. Количество пленных, захваченных в первый день боев, составляет около 2000 человек на каждую армию. Число последних может возрасти лишь в ближайшие дни, когда окажут свое влияние действия наших танковых клиньев.

Признаков оперативного отхода противника пока нет. Только на севере имела место попытка организованного отхода на р. Зап. Двина с целью занятия оборонительного рубежа по р. Зап Двина... Выявленные группировки оперативных резервов противника севернее Шауляй, в районах Минск и Шепетовка не только не отходят на восток, но, напротив, перебрасывают часть своих сил к фронту. Лишь отдельные корпуса, действующие перед фронтом группы армий «Центр», немного отошли назад».

«Во второй половине дня сложилась следующая обстановка.

Войска группы армий «Юг», отражая сильные контратаки противника (особенно сильные на фронте 4-го армейского корпуса севернее Львов), успешно продвигаются вперед. Противник несет очень большие потери. Появился новый тип тяжелого танка противника... Противник бросает в бой свои резервы, подводимые из тыла. Таким образом, существует надежда, что в ближайшие дни нашим войскам в ходе дальнейшего наступления удастся полностью разбить силы противника, расположенные на Украине. Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен.

На фронте группы армий «Центр» кольцо окружения вокруг района восточнее Белосток уже значительно сузилось в районе Минск. Если в ближайшие дни группе Гудериана удастся прорваться в направлении Барановичи, то кольцо окружения окончательно сомкнется. Авиация должна не допустить отхода от Слуцк на восток частей противника.

Войска группы армий «Север» почти на всем фронте (за исключением 291-й пехотной дивизии, наступающей на город Либава) отражали силь-

ные танковые контратаки противника, которые, предположительно, вел 3-й танковый корпус при поддержке нескольких мото-механизированных бригад (3-й танковый корпус дислоцировался здесь еще в мирное время). Несмотря на это, сильному правому крылу группы армий удалось продвинуться до Вилькомор (Укмерге). На этом участке фронта русские также сражаются упорно и ожесточенно.

В общем теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам. При этом верховное командование противника, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями войск. Причины таких действий противника не ясны. Полное отсутствие крупных оперативных резервов совершенно лишает противника возможности ведения эффективной активной обороны. Однако наличие многочисленных запасов в пограничной полосе указывает на то, что русские с самого начала планировали ведение упорной обороны пограничной зоны и для этого создали здесь базы снабжения.

Из всех известных нам оперативных резервов противника в настоящее время неизвестно пока лишь местонахождение Псковской танковой группы. Возможно, она переброшена в район между Шауляй и р. Зап. Двина, однако пока, видимо, еще не вступала в бой против группы армий «Север». Подобные действия вполне соответствуют русской тактике — сохранять в резерве часть своих сил на случай неудачи наступления.

В общем операция развивается планомерно. На фронте группы армий «Юг» и «Север» появился новый тип русского тяжелого танка, который, видимо, имеет орудие калибра 80 мм (согласно донесению штаба группы армий «Север» — даже 150 мм, что, впрочем, маловероятно).

Авиация противника, понесшая очень тяжелые потери (ориентировочно 2000 самолетов), полностью перебазировалась в тыл».

25 июня 1941 года

«Оценка обстановки. В общем подтверждается вывод о том, что русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их вынуждает к этому сильный натиск наших наступающих войск. Противник организованно отходит, прикрывая отход танковыми соединениями, и одновременно перебрасывает большие массы войск с севера к р. Зап. Двина на участок между Ригой и Екабпилсом. На фронте группы армий «Центр» возникли неизбежные затруднения, которые обычно возникают при бое с перевернутым фронтом. Русские, окруженные в районе Белосток, ведут атаки, правда несогласованные, пытаясь прорваться из окружения в направлении Гродно, а перед фронтом 4-й армии — в южном направлении, что нарушает ход нашего продвижения на восток. Все попытки прорыва, несмотря на довольно серьезные осложнения, возникшие на фронте 8-го армейского корпуса, где крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг корпуса, всюду были ликвидированы. Однако несмотря на это, необходимо, чтобы 9-я армия усилила давление с севера навстречу 4-й армии, наступающей с юга в направлении Волковыск... Попытки окруженного противника пробить себе путь отхода через Слоним на Минск вызвали обострение обстановки в районе Слоним.

На фронте группы армий «Юг» противник подтягивает свежие силы с востока по железной дороге на Ковель и перебрасывает моторизованные части по шоссе на Ровно... Противник еще вчера подтянул с юга пехоту и сосредоточил ее на широком фронте против 11-й танковой дивизии.

Создается впечатление, что противник подтягивает свежие силы с запада и юга против продвигающегося с тяжелыми боями на восток 4-го

армейского корпуса и против корпуса фон Бризена[1], видимо, с целью поддержки своих разбитых соединений и создания нового фронта обороны по линии Самбор — Львов — Дубно».

«Налеты авиации противника и атаки с моря на Констанцу усиливаются. Германские истребительные эскадрильи оттянуты на защиту районов добычи нефти. Русская авиация совершила налеты также на Браилов и Галац».

26 июня 1941 года

«Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. На стороне противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина. Резервы подтягиваются как перед центральным участком фронта, что наблюдалось и прежде, так и против южного фланга группы армий. Очевидно, они также перебрасываются и по железной дороге на Ковель против нашего северного фланга».

«На фронте группы армий «Центр» операции развиваются успешно. В районе Слоним сопротивление противника сломлено... Группа армий «Север», окружая отдельные группы противника, продолжает планомерно продвигаться на восток... Отмечены отдельные налеты авиации противника на наши аэродромы... Численность авиации противника перед группой армий «Юг» — 1200 самолетов, перед группой армий «Центр» — 400 самолетов, перед группой армий «Север» — 300 самолетов.

Аэрофотосъемкой обнаружено большое скопление танков и автомашин в районе Орша (свыше 2000 танков, бронемашин и грузовых автомашин)».

27 июня 1941 года

«Группе армий «Юг» удалось не только отбить все атаки противника на южный фланг танковой группы Клейста, но и даже продвинуться правым флангом танковой группы в юго-восточном направлении... Русские соединения, атаковавшие южный фланг группы армий «Юг», видимо, понесли тяжелые потери. Житомирская группа противника, очевидно, атаковала танковую группу Клейста с фронта, а подвижная Черновицкая группа пыталась смять ее южный фланг. Русская Тираспольская подвижная группа, отведенная несколько дней назад из Южной Бессарабии, перебрасывается по железной дороге на северо-запад. Очевидно, в ближайшее время она появится перед правым крылом танковой группы Клейста и будет брошена в бой в качестве последнего резерва. Тогда все силы, которые русское командование (которое, следует отдать ему должное, действует хорошо и энергично) сможет противопоставить группе армий «Юг» на Украине, будут разбиты, и мы получим возможность повернуть на юг, чтобы вынудить части противника, удерживающие район Львов — Станислав, вести бой с перевернутым фронтом... На фронте группы армий «Центр» группировка противника в районе Белосток все дальше и дальше отходит на восток. Наш западный участок медленно продвигается вслед за ней. В районе Новогрудок давление скоплений противника на правый фланг танковой группы Готта все время возрастает. Уже отмечено появление частей противника севернее р. Неман... На фронте группы армий «Север» вклинение наших войск в районе Двинск вызвало у противника паническое бегство. Создается впечатление, что крупные силы противника откатываются от р. Зап. Двина на восток».

---

[1] 52-й армейский корпус. (Прим. ред.)

28 июня 1941 года

«На фронте группы армий «Юг» создается впечатление, что противник предпринял лишь частичный отход с упорными боями за каждый рубеж, а не крупный отход оперативного или стратегического масштаба... На фронте группы армий «Центр» внутреннее кольцо окружения в районе восточнее Белосток уже сомкнулось. В Белостокском лесу юго-восточнее города происходят упорные бои, которые против ожидания сковывают весь центр и часть правого крыла 4-й армии. Противник пытается прорвать внешнее кольцо окружения в районе Новогрудок.

На фронте группы армий «Север» наступление продолжает развиваться согласно плану. Перед правым флангом армии Буш (16-я армия) еще оказывает сопротивление группировка противника, состоящая из нескольких дивизий. Можно надеяться, что в дальнейшем ходе операции она будет отрезана от р. Зап. Двина».

«В тылу группы армий серьезное беспокойство доставляют многочисленные остатки разбитых частей противника, часть которых вооружена танками. Вследствие обширности территории и ограниченного числа наших войск, крайне трудно бороться с этими группами... На всех участках фронта характерным является небольшое число пленных наряду с очень большим количеством трофейного имущества. Например, 35 000 пленных и 1300 трофейных танков».

29 июня 1941 года

«На фронте группы армий «Юг» продолжаются сильные бои. На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус глубоко вклинился в наше расположение и зашел в тыл 11-й танковой дивизии. Это вклинение противника, очевидно, вызвало большой беспорядок в нашем тылу в районе между Броды и Дубно. Противник угрожает с юго-запада Дубно, что, учитывая наличие больших запасов вооружения и имущества в Дубно, крайне нежелательно.

В тылу 1-й танковой группы также действуют отдельные группы противника с танками, которые даже продвигаются на значительные расстояния».

«В центре полосы группы армий «Центр» наши совершенно перемешавшиеся дивизии прилагают все усилия, чтобы не выпустить из внутреннего кольца окружения противника, отчаянно пробивающегося во всех направлениях. Внешнее кольцо окружения, состоящее из танковых дивизий, замкнулось. Однако занято оно весьма незначительными силами. Пройдет еще несколько дней, пока окажется возможным изменить группировку наших войск, возникшую в результате сложившейся обстановки, и продолжать наступление через дефиле Орша — Витебск в направлении на Смоленск (не ранее 5.7)».

«Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народностей (перед фронтом 6-й и 9-й армий). Бросается в глаза, что при захваченных батареях и т. п. большей частью взяты в плен лишь отдельные лица. Часть русских сражается пока их не убьют, другие бегут, сбрасывают с себя форменное обмундирование и пытаются выйти из окружения под видом крестьян».

«Генерал пехоты Отт доложил о своих впечатлениях во время боя в районе Гродно. Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы

могли позволять себе известные вольности и отступления от уставных принципов, что теперь уже недопустимо.

Воздействие авиации противника на наши войска, видимо, очень слабое».

30 июня 1941 года

«В полосе группы армий «Центр» ликвидация окруженной группировки противника сковывает значительные силы. Командование группы армий «Центр» должно серьезно позаботиться о подтягивании пехотных соединений к войскам танковых групп Гудериана и Готта, блокирующим окруженную группировку противника».

«Обстановка на фронте вечером. В общем операции продолжают успешно развиваться на фронтах всех групп армий. Лишь на фронте группы армий «Центр» часть окруженной группировки противника прорвалась между Минском и Слонимом через фронт танковой группы Гудериана. Это неприятно, но не имеет решающего значения. На фронте группы армий «Север» противник перешел в контратаку в районе Рига и вклинился в наше расположение. В ходе боев был взорван рижский железнодорожный мост... Отмечено усиление авиации противника перед фронтом группы армий «Юг» и перед румынским фронтом. На фронте группы армий «Юг» наша авиация одержала ряд очень крупных успехов в боях с авиацией противника и совершила эффективные налеты на отходящие наземные войска противника (по каждой дороге двигается до трех колонн). Всего за сегодняшний день сбито 200 самолетов противника. На стороне противника действуют уже совершенно устаревшие типы четырехмоторных самолетов».

1 июля 1941 года

«Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района. Своеобразный характер боевых действий обусловил необеспеченность тыла, где нашим коммуникациям угрожают многочисленные остатки разбитых частей противника. Одних охранных дивизий совершенно недостаточно для обеспечения всей занятой территории. Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии... Наше командование ВВС серьезно недооценило силы авиации противника (в отношении численности). Русские, очевидно, имели в своем распоряжении значительно больше, чем 8000 самолетов. Правда, теперь из этого числа, видимо, сбита и уничтожена почти половина, в результате чего наши силы теперь примерно уравнялись с русскими в численном отношении. Но боеспособность русской авиации значительно уступает нашей вследствие плохой обученности их офицерского и сержантского летного состава. Поэтому, например, во время вчерашних воздушных боев над Двинском и Бобруйском, атаковавшие нас воздушные эскадры противника были целиком или в большей своей части уничтожены нашими самолетами.

В настоящее время командование ВВС считает, что перед фронтом группы армий «Юг» противник располагает 800—1000 первоклассных самолетов, перед фронтом группы армий «Центр» действует 400—500 первоклассных самолетов противника, перед фронтом группы армий «Север» — также 400—500 первоклассных самолетов.

Во время боев, происходивших в последние дни, на стороне русских в бою участвовали наряду с новейшими типами совершенно устаревшие марки машин».

2 июля 1941 года

«Расчет сил противника. По нашим расчетам и данным отдела по изучению иностранных армий Востока, мы можем ожидать появления перед фронтом групп армий «Север» и «Центр» еще 15—20 стрелковых и 6 танковых дивизий противника.

В том числе:

отведенные с фронта три дивизии;

перебрасывается от Москвы — одна дивизия (18-я);

перебрасывается с Поволжья и Урала — три дивизии;

перебрасывается из Сибири — четыре дивизии;

перебрасывается из Крыма — одна дивизия.

Итого 12 дивизий плюс дивизии, находящиеся в Эстонии и в районе Ленинграда.

Количество танков, имеющихся у противника, предположительно составляет 15 000 машин. Это равняется 35 танковым дивизиям. Из них на фронте обнаружено 22. На Дальнем Востоке — 5 танковых дивизий. Отсутствует 8 дивизий, из них до трех, предположительно, на севере, в том числе одна переброшена из района Москвы. Таким образом, остается пять танковых дивизий, которыми русское командование может располагать в качестве своего оперативного резерва».

3 июля 1941 года

«Суточные сводки за 2.7 и утренние сводки 3.7 сообщают, что противник перед фронтом 11-й армии, видимо, отходит за р. Днестр, но ведет упорные арьергардные бои, сдерживая наступление наших войск. Наше продвижение задерживается также вследствие сильных дождей, в результате которых дороги совершенно размыты.

Венгерские войска еще ведут бои за выходы из гор и не добились пока существенных успехов. 17-я армия, на правый фланг которой прибыли две словацкие дивизии (во втором эшелоне), продвигается, продолжая «преследование» отходящего противника. Это «преследование» все время задерживается упорным сопротивлением со стороны противника, отдельные группы которого беспрерывно переходят в контратаки, большей частью во фланг наступающим войскам и, как правило, при поддержке танков.

Отход противника перед фронтом группы армий «Юг» происходит наверняка не по желанию русского командования, принявшего по своей инициативе такое решение, а в результате того, что в ходе продолжительных упорных боев силы противника оказались перемолотыми и большая часть его соединений разбита. В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед реками Зап. Двина и Днепр выполнена. Я считаю правильным высказывание одного пленного русского командира корпуса о том, что восточнее рек Зап. Двина и Днепр мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые каждая в отдельности по своей численности не смогут серьезно помешать наступлению германских войск. Поэтому не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель».

«Когда мы форсируем реки Зап. Двина и Днепр, то речь будет идти не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы

отнять у противника его промышленные районы и не дать ему возможности, используя гигантскую мощь своей индустрии и неисчерпаемые людские резервы, создать новые вооруженные силы».

4 июля 1941 года

«Сведения о противнике. На фронте группы армий «Юг» противник местами оказывает упорное сопротивление, что вызывает обострение обстановки на отдельных участках. Однако в целом уже ясно обозначился общий отход противника, который прикрывается танковыми частями. С востока на фронт через Киев все еще перебрасываются войска, хотя, видимо, эти переброски представляют собой подтягивание не крупных сил, а лишь отдельных частей».

«Перед фронтом группы армий «Центр» положение без изменений. Наблюдаются переброски войск от Смоленска на Оршу и в обратном направлении. Большие скопления подвижного состава в районе Брянска вряд ли указывают на сосредоточение здесь группы оперативного резерва — для этого у русских недостаточно сил, а скорее представляют собой скопления, возникшие в результате чисто технических причин, как следствие крупных перебросок, происходивших в течение последних дней».

«**Вывод.** В целом следует считать, что противник больше не располагает достаточными силами для серьезной обороны своего оборонительного рубежа, проходящего от прежней русско-эстонской границы по рекам Зап. Двина и Днепр и далее на юг. Об этом свидетельствует подслушанный вчера по радио русский приказ о том, что на р. Зап. Двина следует располагать лишь отдельные группы на переправах. В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы... Бои с русскими носят исключительно упорный характер. Захвачено лишь незначительное количество пленных».

6 июля 1941 года

«До сих пор еще трудно сказать, удастся ли противнику организовать упорное и эффективное сопротивление на укрепленном рубеже западнее Киев, о котором теперь имеются точные данные аэрофотосъемки. Твердость и энергичность русского командования, наблюдавшиеся до сих пор в районе южнее Пинских болот, позволяют ожидать этого. Большой расход сил противника во время частых контратак и нарушение организованного отхода в результате постоянных налетов нашей авиации говорят против этого... Из частей сообщают, что лишь на отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве запираются в танках и дают себя сжигать вместе с машинами... Русская тактика наступления — трехминутный огневой налет, потом пауза, после чего атака пехоты с криком «ура» глубоко эшелонированными боевыми порядками (до 12 волн) без поддержки тяжелого оружия, даже в тех случаях, когда атаки производятся с дальних дистанций. Отсюда невероятно большие потери русских».

11 июля 1941 года

«а) Налеты русской авиации на переправы через р. Зап. Двина югозападнее Витебск.

б) Командование противника действует энергично и умело. Противник сражается ожесточенно и фанатически».

12 июля 1941 года

«а) Активность артиллерии противника незначительна. Большей частью — непосредственная поддержка пехоты, в некоторых случаях ведется огонь взводом. Сосредоточения огня не наблюдается. Стрельба с воздушным наблюдением и стрельба по звукометрическим данным неудовлетворительна, стрельба же по видимым целям ведется успешно. Эффективность снарядов хорошая, моральное действие сильное. Много новейших, не известных нам до сих пор артиллерийских систем.

б) Борьба с танками. Встречен только один танк, который имел броню толщиной 130 мм, все остальные имеют броню не свыше 70 мм. Большинство самых тяжелых танков противника было подбито 105-мм пушками, меньшая часть была подбита 88-мм зенитными пушками. Имеется также случай, когда легкая полевая гаубица подбила бронебойной гранатой 50-тонный танк противника с дистанции 40 м. Степень обученности русских водителей танков, повидимому, низкая. Наблюдаются частые порывы гусениц. Экипажи боятся артиллерийского обстрела».

13 июля 1941 года

«Группировка сил противника. Теперь, после того как командование перешло в руки новых людей [1], противник наверняка не думает об отступлении. На его фронте, местами занятом незначительными силами, обозначаются следующие отдельные крупные группировки.

а) Район Ленинграда. Здесь действует наспех собранная, усиленная добровольческими формированиями группировка, не проявляющая значительной активности. Она будет окружена фланговым ударом в направлении озера Ильмень и Ладожского озера.

б) Район Невель — Великие Луки. Находящаяся в этом районе группировка состоит примерно из семи дивизий, в том числе свежие силы, которые прибыли несколько дней назад частью с Украины, частью из внутренних областей России. Кроме того, к ней присоединились остатки частей, разбитых в пограничных боях, но снова пополненных людьми, прибывшими со сборного пункта в Невель. Эта группа достаточно сильна, и поэтому необходимо провести особую операцию с целью ее окончательного разгрома.

в) Район Орша — Витебск — Смоленск. К группировке, находящейся в этом районе, принадлежат соединения противника, действующие перед фронтом 2-й и 3-й танковых групп. За последнее время эта группировка усилилась в несколько раз. В ее состав входит также 19-я армия, формирующаяся в районе восточнее Витебск; трудно сказать, удастся ли противнику провести сосредоточение этой армии в соответствии с намеченным им планом.

г) Гомельская группировка. Эта группировка до сих пор не была выявлена нашей разведкой. Значительная ее часть в настоящее время перебрасывается против фронта 2-й танковой группы. Существенного значения придавать этой группировке не следует, однако 2-я танковая группа все же должна обеспечить свой правый фланг на случай атаки со стороны этой группировки.

д) Коростеньская группа (силой около четырех дивизий) состоит из соединений, располагавшихся ранее в районе Пинских болот. В ее состав

---

[1] Повидимому, имеется в виду назначение Маршала Советского Союза Ворошилова командующим войсками Северо-Западного направления, Маршала Советского Союза Тимошенко — командующим войсками Западного направления и Маршала Советского Союза Буденного — командующим Юго-Западного направления. (Прим. ред.)

входят части, которые еще на границе действовали на фронте 17-го армейского корпуса, и моторизованные части, прибывшие позже на усиление этой группы».

14 июля 1941 года

«Бои в районе Бердичев, которые местами носили очень упорный характер и в результате бессмысленных атак противника превратились в массовую бойню, начинают затихать. 11-я танковая дивизия потеряла 2000 человек (!). Командование группы армий «Юг» полагает, что противник настолько ослаблен огромными потерями, что 11-я танковая дивизия сможет уже сегодня перейти в наступление в восточном направлении».

15 июля 1941 года

«Сведения о противнике. Создается впечатление, что противник по инициативе нового командования, а также, возможно, под влиянием Англии, напрягает все свои усилия, чтобы удержаться на занимаемом рубеже и не дать нам возможности продвигаться дальше на восток. Русские войска сражаются, как и прежде, с величайшим ожесточением и несут огромные потери в людях».

16 июля 1941 года

«Авиация противника совершает налеты на соединения корпуса Рейнгарда и наши пехотные дивизии, двигающиеся вдоль восточного берега Чудского озера. Восточнее Чудского озера отмечается сильная противовоздушная оборона противника (истребители и зенитная артиллерия).

В общем в действиях авиации противника ясно чувствуется твердое и целеустремленное руководство».

17 июля 1941 года

«Предположительная группировка сил противника после успешного окончания боев, происходящих в настоящее время. Детально, конечно, определить пока еще невозможно, однако можно предположить, что после очищения нами Эстонии противник будет иметь в своем распоряжении следующие силы.

Перед фронтом группы армий «Север»:

в районе Ленинграда — 15 стрелковых и 2 танковые дивизии;

в районе Бологое — 3 стрелковые и ½ танковой дивизии.

Перед фронтом группы армий «Центр»:

перед фронтом танковой группы Готта — 2—3 стрелковые дивизии;

перед северным флангом и центром танковой группы Гудериана — 2 стрелковые и 1 танковую дивизию;

перед южным флангом танковой группы Гудериана — 4 стрелковые и 1—2 танковые дивизии.

Между группами армий «Север» и «Юг»:

в районе Гомель — 3—4 стрелковые дивизии.

Перед фронтом группы армий «Юг»:

севернее Киев перед северным флангом 6-й армии и 1-й танковой группы — 8 стрелковых и 1 танковую дивизию;

перед правым флангом 6-й армии и 1-й танковой группы и перед фронтом 17-й армии — 2 стрелковые и 1 танковую дивизию;

перед фронтом 11-й армии — 8 стрелковых, 1 танковую и 1 кавалерийскую дивизию.

В целом это составит на стороне противника (не считая кавалерийских дивизий) около пятидесяти стрелковых и семи танковых дивизий».

19 июля 1941 года

«Группа армий «Центр». Сообщение о захваченном русском приказе, из которого явствует, что русское командование стремится к тому, чтобы фланговыми ударами отрезать наши танковые соединения от пехоты. Теоретически эта идея очень хороша, однако осуществление ее на практике возможно лишь при наличии численного превосходства и превосходства в оперативном руководстве. По отношению же к нашим войскам, я думаю, эта идея неприменима, тем более, что наши пехотные корпуса энергично подтягиваются за танковыми соединениями».

20 июля 1941 года

«Ход боевых действий на фронте. На фронте группы армий «Центр» противнику удалось разорвать кольцо окружения в районе Невель. Пока еще нельзя сказать, почему противнику удалось выйти из окружения. Возможно, в этом виновен слишком ранний поворот 19-й танковой дивизии на Великие Луки; во всяком случае, обстановка складывается печально. Вышедшие из окружения части противника двинутся на Великие Луки, в результате чего положение 19-й танковой дивизии, уже сегодня испытывавшей очень большие затруднения, станет крайне тяжелым. Сегодня вообще обстановка на ряде участков фронта группы армий «Центр» резко обострилась. На южном фланге группы армий противнику удалось вклиниться в наш фронт. На вновь создаваемом восточном участке фронта севернее и южнее Смоленск (армии фон Клюге) противник ведет упорные атаки».

26 июля 1941 года

«Обстановка на фронте.

Группа армий «Юг». Противник снова нашел средства для вывода своих войск из-под угрозы наметившегося окружения. Такими средствами являются: с одной стороны, яростные контратаки против наших преследующих передовых отрядов 17-й армии и, с другой стороны, большое искусство, с каким противник выводит войска из угрожаемых районов, быстро перебрасывая их по железной дороге и на автомашинах».

28 июля 1941 года

«Обстановка на фронте вечером.

Группа армий «Юг». Противник ведет атаки с юга против фронта 11-й армии. Перед фронтом 17-й армии отмечается упорное сопротивление противника...

6-я армия медленно продвигается вследствие трудных условий местности и упорного сопротивления противника. Группа, действующая севернее Киев, имеет мало шансов на успех ввиду того, что ей приходится наступать между большими лесными массивами.

Группа армий «Центр». Противник атакует наши войска с фронта и южного фланга. Особенно напряженное положение создается в районе Ельня, где противник ведет упорные атаки со всех сторон. В районе «мешка» западнее Смоленск, повидимому, затишье...

Группа армий «Север». 2-й армейский корпус встретил в районе Холм сильное сопротивление противника, которое задерживает его дальнейшее продвижение. Здесь до сих пор продолжаются упорные бои. В связи с этим отправка 12-й пехотной дивизии на юг пока невозможна».

3 августа 1941 года

«Обстановка у Ельни. Наступление наших танковых и пехотных частей ведется недостаточно умело. Огонь артиллерии противника невыносим, так как наша артиллерия из-за недостатка боеприпасов не ведет огня».

5 августа 1941 года

«Деятельность артиллерии противника. Противник усилил деятельность своей артиллерии. Управление огнем улучшилось. Наши войска требуют усилить борьбу с артиллерией противника.

Положение с боеприпасами: сложенные в штабеля боеприпасы, предназначенные для армии, находятся в 200 км в тылу.

Из состава артиллерии противника, имевшейся в наличии к моменту начала войны, уничтожено менее половины».

6 августа 1941 года

«Обстановка на фронте группы армий «Центр». У Рославль разрозненные части противника выходят из окружения. Следует принять во внимание умение русских использовать для передвижения своих войск дороги, которые нами в силу их состояния не могут быть использованы, а также умение русских скрытно наводить переправы через реки. Район Ельни стал театром позиционных военных действий. На остальных участках фронта группы армий ведутся незначительные боевые действия».

8 августа 1941 года

«6-я армия очень медленно продвигается к Киеву. Артиллерия противника с восточного берега не дает продвигаться нашим наступающим частям. Также на наступление оказывают влияние и мониторы противника. У Коростень противник, наконец, отошел. Ему все-таки удалось отвести большое количество своих войск. Противник поставил нас в неудобное положение. Мы виноваты в этом сами».

«... В последнее время в положении противника происходят или уже произошли серьезные изменения. Имеются признаки, что он изменил противостоящую нам группировку. Если мы получим данные о том, что противник отводит части с этого фронта, то это будет значить, что он выводит имеющиеся в его распоряжении боеспособные части для обороны рубежа оз. Ильмень — Ржев — Вязьма — Брянск для того, чтобы подобно тому, как действовали французы на втором этапе нашей западной кампании, создать сильно укрепленные очаги обороны (большое количество дивизий под командованием одного штаба армии), которые будут являться главным ядром сопротивления на новом оборонительном рубеже. Подобное поведение противника означает полный провал представлений и планов нашего командования, рассчитывавшего на то, что противник не имеет единого централизованного управления...»

«Противник имеет в своем распоряжении для ведения дальнейших операций только крайне ограниченные силы. На основании имеющегося опыта можно заявить, что из одного миллиона населения можно скомплектовать две дивизии. Исходя из этого, можно считать, что количество введенных противником в бой дивизий является предельно возможным количеством скомплектованных дивизий и что никаких новых крупных комплектований не предвидится».

11 августа 1941 года

«Общая обстановка показывает все очевиднее и яснее, что колосс Россия, подготовка которого к войне была связана со всеми затруднениями, свойственными странам, в состав которых входят различные народности, был недооценен нами. Это утверждение распространяется на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные моменты. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не вооружены и не укомплектованы в нашем понятии, их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего. Но, однако, эти дивизии имеются. И если даже мы разобьем дюжину из этих дивизий, то русские сформируют еще одну дюжину. Русские еще и потому выигрывают во времени, что они сидят на своих базах, а мы все более отдаляемся от своих баз.

Таким образом, получается то положение, при котором наши войска, страшно растянутые и разобщенные, все время открыты для атак противника. Противник же потому и одерживает частичные успехи, что наши войска ввиду растянутости на огромных пространствах вынуждены оставлять громадные разрывы на фронте».

2 декабря 1941 года[1]

«На фронте группы армий «Центр» обстановка обострилась у Тим, Елец и Воронеж. Скучивание войск у Воронежа. Отмечены продвижения противника от Воронежа на север. Наши части, наступающие на фланге группы армий, вследствие тяжелых боев медленно продвигаются вперед. Сопротивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких новых сил».

7 декабря 1941 года

«На фронте группы армий «Центр». Отвод 10-й моторизованной дивизии из района Михайлова (фронт группы Гудериана), повидимому, будет иметь очень неприятные последствия.

Напряженная обстановка сложилась на северном фланге 4-й армии, на участке 4-й танковой группы. Противник сделал большой прорыв с севера на Клин. В районе восточнее Калинина противник также прорвал наш фронт, но этот прорыв удалось ликвидировать.

На фронте группы армий «Север». У Тихвина обстановка очень напряженная. Командование группой армий считает, что войска не смогут удержать город, и поэтому оно подготавливает отход на новый рубеж сопротивления — «хордовый рубеж».

12 декабря 1941 года

«На фронте группы армий «Центр». На фронте 2-й армии обстановка критическая. Части 2-й танковой армии отражают атаки противника. К сожалению, не удается ликвидировать разрыв фронта между 297-й и 31-й пехотными дивизиями. Обстановка в районе Клина пока не позволяет сделать никаких выводов, но она пока попрежнему напряженная, противник усилил свою группировку у Калинина».

---

[1] Записи в дневнике со второй половины августа и до конца ноября 1941 г. в основном относятся к оценке состояния и действий немецких войск и оценке обстановки на советско-германском фронте. Обобщенных материалов по оценке действий советских войск не имеется. (Прим. ред.)

13 декабря 1941 года

«На фронте группы армий «Центр». Продолжаются попытки ликвидировать прорыв противника на участке 34-го армейского корпуса. Однако кавалерийские части противника с артиллерией уже находятся далеко за линией фронта корпуса. Положение на участке дивизий корпуса все еще неясно. На остальных участках фронта группы армий атаки противника отражены. В районе западнее Тула прорвались небольшие силы противника. Однако этот прорыв настолько глубок, что вынуждает нас отвести наш фронт».

24 декабря 1941 года

«На фронте группы армий «Центр». Противник продолжает наступление на фронте 2-й армии и 2-й танковой армии. На отдельных участках он имеет успех. Особенно усиленно он атаковал войска северного фланга 2-й танковой армии. Войска пришлось отвести. Угрожаемое положение создалось также и на участке разрыва фронта между северным флангом 2-й армии и южным флангом 4-й армии.

Опасное положение создалось и в районе Малоярославец, где противник прорвался крупными частями. На остальных участках фронта удалось отразить атаки противника. Отдан приказ об отводе южного фланга 4-й армии.

9-я армия в полном порядке отходит назад. Противник оказывает давление с севера».

29 декабря 1941 года

«На фронте группы армий «Центр». На участках 2-й и 2-й танковой армий ощущается превосходство противника. Нам удалось только локализовать прорыв противника. Однако оборона на этом сильно растянутом участке фронта, на который противник все время подтягивает войска, очень тяжела, учитывая в особенности сильное утомление войск. Противник прорвал наш фронт севернее Мценска и на северном фланге 2-й армии» [1].

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОТЧЕТА КОМАНДОВАНИЯ 3-й ТАНКОВОЙ ГРУППЫ О БОЯХ ЗА ПЕРИОД С 22 ИЮНЯ ПО 20 ОКТЯБРЯ 1941 г., ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОЦЕНКЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ХОДЕ ВОЙНЫ

«Не было никаких признаков целеустремленного и планового руководства войсками противника в целом.

Сопротивление оказывалось отдельными разобщенными друг от друга вражескими группами. Многочисленные полевые укрепления были недостаточно обеспечены гарнизонами или же не имели их вовсе.

Там, где противник встречался, он оказывал ожесточенное и храброе сопротивление, стоял насмерть. Донесений о перебежчиках и о сдавшихся в плен ниоткуда не поступало. Поэтому бои отличались большей ожесточенностью, чем во время Польской кампании или Западного похода... Противник всюду отступал на восток. Как в тактическом, так и в оперативном отношении наше наступление явилось полной неожиданностью для противника, и, по всем данным, противник не был подготовлен к началу войны на указанный момент».

---

[1] В последующих записях дневника Гальдера, охватывающих период январь — сентябрь 1942 г., обобщенных данных, характеризующих действия советских войск, не имеется. (Прим. ред.)

«Господство в воздухе было полностью завоевано нашей авиацией уже в первый день наступления.

Так же, как и при военных действиях в Польше, войска противника под воздействием нашей бомбардировочной авиации были загнаны в леса, в которых они вели успешную партизанскую войну против наших тыловых частей и войсковых коммуникаций... Руководства свыше войсками противника в первые дни совершенно не чувствовалось.

Непосредственное управление войсками (войсковыми начальниками) отличалось малоподвижностью, схематичностью; отсутствовала быстрая реакция и быстрое принятие решений в связи с меняющейся боевой обстановкой.

Так, например, нашими войсками захватывались приказы, в которых, несмотря на указания о продвижении немецких войск с указанием их рубежа по состоянию на полдень, отдавался приказ на занятие этих же рубежей советскими войсками на вечер этого же дня, хотя уже после полудня эти рубежи были пройдены немецкими войсками... Ни один советский войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты. Лишь у одного пленного офицера сапера был изъят приказ, в котором ему предписывалось взорвать мост у Алитус в 19.00 22 июня 1941 года. В этом сказался схематический метод подготовки войск, который не смог возвыситься над элементом неожиданности, которым характеризовалась возникшая оперативная обстановка.

Одиночный советский боец отличался бо̀льшим упорством, чем русский солдат эпохи мировой войны, что, должно быть, было следствием большевистских идей, которые настойчиво внушались политическими комиссарами... чувствовался результат двадцатилетнего господства советской власти, которая воспитала в нем бесчувственность и действительное презрение к жизни».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПАМЯТКИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА СУХОПУТНЫХ СИЛ «ОПЫТ БОРЬБЫ С ТАНКАМИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ» ОТ 30 ОКТЯБРЯ 1942 г.

«Организация, вооружение и тактика танковых соединений противника являются определяющими моментами для собственных мероприятий противотанковой обороны. Подробные знания сильных и слабых сторон танкового оружия противника дают ясную оценку противника и дают возможность для дальнейших действий».

«Тактика. Характерными для тактики русских танков являются три вида боевого применения их:

— «артиллерийское» использование;

— групповое использование для поддержки местных атак пехоты;

— массовая атака крупных танковых соединений (танковых корпусов) с постановкой задач на большую глубину.

Каждый из этих видов боевого применения танков противником требует различных мероприятий противотанковой обороны.

«Артиллерийское» использование. «Артиллерийское» использование имеет место особенно часто на открытой местности. Хорошо укрытые танки принимают огневой бой на большие дистанции (свыше 1500 м) для разрушения опорных пунктов и уничтожения огневых точек или оказания огневой поддержки наступающей пехоте огнем прямой наводкой...

Использование танков мелкими группами для поддержки местных пехотных атак. Танки используются в масштабе бригады. Сопровождающая пехота посажена на танки или следует непосредственно за ними. Несколько танков атакуют концентрически отдельные опорные пункты.

Наступление осуществляется от рубежа к рубежу. В случае отсечения сопровождающей пехоты от танков последние большей частью поворачивают обратно...

Массовые атаки крупных танковых соединений. Вследствие недостаточного уровня оперативного искусства Советской Армии и недостатка средств управления боем развить первоначальные успехи крупными танковыми соединениями до сих пор не удавалось. Танки в ходе боев использовались снова группами».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДИРЕКТИВНЫХ УКАЗАНИЙ ОБ ОБОРУДОВАНИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ, ИЗДАННЫХ ШТАБОМ 2-й АРМИИ 1 ИЮНЯ 1944 г.

«В основном наступательные действия русских войск характеризуются следующим:

— применением большого количества танковых соединений;

— массированием артиллерийского и минометного огня на направлении главного удара;

— атаками переднего края большим количеством пехоты во взаимодействии с танками и штурмовой авиацией.

Методы боевых действий

а) **Артиллерийская подготовка.** Атаке часто предшествует очень интенсивная артиллерийская и минометная подготовка с применением сильного огня метательных и реактивных установок. Огонь ведется с большой затратой боеприпасов, продолжительность артиллерийской подготовки — до двух часов. Огонь концентрируется главным образом по переднему краю, по огневым точкам, по командным и наблюдательным пунктам, находящимся на полковых участках обороны.

б) **Танковые войска противника** в настоящее время в большей мере, чем прежде, осуществляют массированные атаки, стремясь добиться своей цели во взаимодействии с пехотой.

Для русских танков характерны три вида их применения.

Использование танков в качестве артиллерии. Особенно часто практикуется на открытой местности. Хорошо замаскированные танки ведут огонь на большую дистанцию (до 1500 м), имея целью уничтожение опорных пунктов (укрепленные пункты), огневых точек и т. д.

Кроме того, танки в этом случае могут использоваться для ведения огня прямой наводкой с целью обеспечения продвижения вперед пехоты.

Групповое применение танков. В этом случае пехота следует непосредственно за танками или же находится на броне танков.

Несколько танков атакуют со всех сторон отдельные опорные пункты на переднем крае. Танки передвигаются бросками от рубежа к рубежу, приближаясь к обнаруженным огневым точкам на дистанцию 200—600 м.

Массированное применение танков (2—3 танковые бригады в составе 50—60 танков каждая). Атаке танков предшествует предварительная разведка боем, имеющая своей целью выявление противотанковых средств противника.

При этом отдельные тяжелые танки выдвигаются вперед, основная же масса танков располагается на удалении 1500 м от переднего края.

После обстрела передовыми тяжелыми танками переднего края противника эти танки продолжают вести огневую разведку на других участках линии фронта.

И только после выявления слабо прикрытых противотанковыми средствами участков обороны противника последние атакуются танками. Танки

противника по возможности избегают действий на закрытой пересеченной местности и в населенных пунктах, очевидно, опасаясь противодействия групп истребителей танков и огня противотанковых ружей. Исходя из этих же причин, танки, ворвавшиеся в расположение наших позиций, двигаются на большой скорости или же танковые экипажи и танковый десант ведут бой с нашей пехотой огнем автоматов и ручными гранатами. При этом танки действуют большими группами, зачастую люки танков открыты и экипаж танка ведет огонь и поддерживает действия десанта ручными гранатами.

Подбитые, но еще пригодные к бою танки русские обычно пытаются эвакуировать с ничейной полосы в ночное время. Довольно часто такие подбитые танки используются в качестве наблюдательных пунктов или же в качестве огневой позиции снайпера.

в) **Пехота.** Боевые порядки пехотных подразделений при атаках бывают сильно скучены и представляют собой хорошую цель для нашей артиллерии даже на большом расстоянии. После открытия нами сосредоточенного огня наступательный порыв русской пехоты подавляется и в большинстве случаев атака срывается. Однако противник упрямо продолжает стремиться выполнить поставленную задачу. Несмотря на неудачу первых волн атакующих, вторые эшелоны продолжают движение согласно ранее намеченному плану, в результате этого происходит преждевременное ввязывание их в бой.

Сильные стороны русской пехоты. Образцовое осуществление сближения с нашей пехотой при выполнении разведки боем и поисках. При этом всевозможные препятствия и заграждения преодолеваются бесшумно. Умение очень хорошо применяться к местности и маскироваться, умение быстро окапываться. Русские являются мастерами в разведке минных полей и их разминировании.

Советская артиллерия очень хорошо ведет пристрелку. Добивается сильного массирования огня. Боеприпасы расходуются в большом количестве. Ведется тщательное наблюдение. На направлении главного удара для увеличения плотности огня сосредоточиваются метательные и ракетные установки (до 50 установок). Управление огнем удивительно гибкое.

Минометы. Русские умеют чрезвычайно гибко использовать минометный огонь, умеют сосредоточивать минометное оружие — это опаснейшее для пехоты боевое средство, сосредоточивая огонь главным образом по переднему краю. Подавление ротных и батальонных минометов исключительно трудно, ввиду постоянной смены последними своих огневых позиций.

Метательные установки используются для огневых налетов. При дальности стрельбы около 3 км огневые позиции метательных установок в большинстве случаев располагаются непосредственно позади переднего края обороны русских.

Взрывное действие 30-см метательного снаряда соответствует приблизительно 50-кг бомбе, применяемой пикирующими бомбардировщиками.

Ракетные (реактивные) установки (реактивные минометы). Огневые налеты из реактивных установок производятся в большинстве случаев по особо важным опорным пунктам и оборонительным позициям, располагающимся на высотах. При контратаках огонь реактивных установок зачастую открывается по продвигающейся пехоте. После огневого налета реактивные установки немедленно меняют огневые позиции.

Применение химических и зажигательных средств. При проведении крупных наступательных действий русские в массовом количестве применяют дымовые снаряды, а также сбрасывают дымсредства с самолетов.

Авиация. Штурмовая авиация (чаще всего группами по 15 машин) обстреливает и бомбардирует передовые позиции и районы предполагаемого сосредоточения войск противника.

Бомбардировщики в большинстве случаев действуют большими группами на больших высотах.

Объектами атак бомбардировщиков являются позиции артиллерии, населенные пункты и базы снабжения. Следует постоянно считаться с возможными ночными налетами одиночных бомбардировщиков на населенные пункты и места расположения войск».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОТЧЕТА «БОЕВОЙ ОПЫТ ГРУППЫ АРМИИ «СЕВЕРНАЯ УКРАИНА» ЗА ВРЕМЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЕВ В ИЮНЕ 1944 г.»

«Нижеизложенный боевой опыт основывается на докладах следующих генералов и старших офицеров: командующего 1-й танковой армией генерала танковых войск Раус, командира 24-го танкового корпуса генерал-лейтенанта Грезер, командира 349-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Лаш и начальника оперативного отдела штаба группы армий «Северная Украина» подполковника Вильмер.

1. Подготовка наступления

Советское командование при подготовке наступления стремится тщательно замаскировать все проводимые мероприятия и передвижения войск в полосе предстоящего наступления. В целях введения противника в заблуждение советское командование проводило ложные передвижения танков, артиллерии, реактивных установок и пристрелку артиллерии на участках, где оно не собиралось наступать. Танковые соединения, предназначенные для наступления, сосредоточивались в районах, значительно удаленных от переднего края, и в стороне от намеченного направления главного удара.

Советские войска в период подготовки наступления строго соблюдали радиомолчание.

Определить заранее время начала наступления советских войск было очень трудно. Одним из признаков скорого перехода в наступление было прекращение тактических занятий вблизи линии фронта.

Сосредоточение войск к наступлению осуществлялось в очень короткий срок. Так, только за один-два дня до начала наступления, когда в полосе 1-й танковой армии было сосредоточено до 1200 танков и до 3600 самолетов, нам удалось определить намерения русского командования.

2. Наступательная тактика войск противника

В вопросах сосредоточения войск и применения танковых соединений противник придерживается основных принципов немецкой армии. Главный удар наносился на фронте 1-й танковой армии на участке шириною около 30 км. Вначале в наступлении участвовали только некоторые дивизии, занимавшие оборону на этом участке, усиленные ближайшими резервами. Наступление пехоты поддерживалось отдельными танками. Задачей наступления на этой стадии было — проделать брешь в нашей обороне на глубину до артиллерийских позиций, через которую в дальнейшем должны были войти танковые соединения, имевшие целью развить образовавшийся прорыв в оперативный.

Наступление пехоты и танков было подготовлено ураганным огнем большого количества артиллерии и действиями авиации, наносившей

удары волнами. Артиллерийская подготовка продолжалась от 30 до 45 минут. Только в одном случае, когда русские после того, как первая атака была отбита, снова решили перейти в наступление на том же участке, они вторично открыли ураганный огонь продолжительностью 90 минут.

После прорыва противник, прочно прикрыв фланги прорыва, ввел в сражение танковые соединения. В этом противник проявил большое умение. Так, например, только через одну брешь шириною в 4 км в условиях лесистой местности, без дорог, под сильным огневым воздействием нашей артиллерии, ему удалось пропустить целый танковый корпус.

Главный удар, как правило, проходил в стороне от шоссе и хороших дорог. Противник обходил все населенные пункты и сильно укрепленные опорные пункты.

Действия авиации. Противник ввел в бой необычайно большое количество авиации, которая действовала массированно с сильным истребительным прикрытием. Во время наступления наши дивизии, действовавшие в первом эшелоне, должны были выдерживать непрерывные атаки штурмовых самолетов противника, действовавших волнами. Все цели авиации были расположены поблизости от линии фронта, впереди корпусных командных пунктов. Было установлено, что целями для авиации являются населенные пункты, командные пункты, дороги, узлы дорог. Однако первоочередными целями были огневые позиции артиллерии и выдвигаемые резервы.

Необходимо отметить, что самолеты противника, как правило, с началом их обстрела огнем зенитной артиллерии поворачивали обратно».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ БОЕВЫХ ДОКУМЕНТОВ ШТАБА 6-й АРМИИ ЗА ПЕРИОД С 1 ПО 18 ЯНВАРЯ 1945 г.

«Во время наших атак в последнее время выяснилось, что, несмотря на неожиданность наших ударов, русские войска в кратчайший срок создают в глубине своей обороны значительное число противотанковых заграждений, которые могут быть преодолены только с тяжелыми для наших войск потерями. Наши атакующие танковые отряды непрерывно наталкиваются на новые противотанковые артиллерийские заграждения и минные поля, которые препятствуют осуществлению прорыва. В основном русские используют свою легкую и среднюю артиллерию таким образом, что она становится серьезным противотанковым заграждением.

Вместе с тем русским в ряде случаев удается осуществить прорыв нашей оборонительной полосы и глубоко продвинуться в наше расположение, не встречая серьезного сопротивления. Эти факты доказывают, что наша противотанковая оборона всех родов оружия, особенно артиллерии, до настоящего времени недостаточно хорошо организована».

«В ночь на 6 января 1945 года противник без артиллерийской подготовки неожиданно атаковал танками и мотопехотой, переправился через р. Грон и быстро прорвал наш передний край обороны, а также противотанковый и зенитный рубеж, созданный по обе стороны Мушла. Причиной того, что противник быстро преодолел нашу противотанковую и зенитную оборону, следует искать в том, что противник использовал для освещения поля боя фосфорные снаряды, в то время как наша противотанковая и зенитная артиллерия не располагали какими-либо осветительными средствами».

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПЛЕННЫХ ГЕНЕРАЛОВ И ОФИЦЕРОВ БЫВШЕЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ АРМИИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОЦЕНКЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ХОДЕ ВОЙНЫ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ПАУЛЮСА, КОМАНДУЮЩЕГО 6-й НЕМЕЦКОЙ АРМИЕЙ, 1942 г.

«Боевые действия в районе Вязьмы (с 2 по 7 октября 1941 г.) были для немецких войск успешными, но тяжелыми и принесли им большие потери.

В середине октября наступил период плохой погоды. На севере наступательная операция на Тихвин и Волхов не удалась.

На юге в конце сентября наши войска, правда, дошли до Ростова, но Харьков был захвачен лишь в конце октября. Левый фланг группы армий «Юг» был остановлен у г. Тим и на Северном Донце... Однако верховное командование считало, что силы русских иссякают и что необходимо лишь последнее наступление, чтобы окончательно поставить их на колени. В соответствии с этим оно приказало с началом морозов продолжать наступление. Наступление началось в середине ноября и привело к большому поражению немецких войск под Москвой. Оно стоило нам больших потерь как в материальной части, так и в людях. Немецкая армия оказалась отброшенной далеко на запад».

«Основную точку зрения главного командования сухопутных сил по оценке противника в 1942 г. можно определить из письма начальника генерального штаба сухопутных сил генерала Цейцлера, который посетил армию в середине или в конце сентября 1942 года. В этом письме приблизительно говорилось следующее: русские не располагают больше достойными упоминания оперативными резервами, так как основная масса их уже израсходована в летних боях 1942 года. Конечно, русские смогут еще вести местные контратаки, но на контрнаступление оперативного масштаба они уже не способны».

«Совещание в Виннице[1] имело целью нажать на 6-ю армию, чтобы она скорее взяла Сталинград... Гитлер закрыл совещание примерно следующими словами: «Русские на грани истощения своих сил. Сопротивление под Сталинградом следует расценивать лишь как местное явление.

[1] Совещание в ставке главного командования вооруженных сил 12 сентября 1942 г. (Прим. ред.)

К ответным действиям широкого стратегического характера, которые могли бы быть для нас опасными, они больше не способны. К тому же наш северный фланг на Дону получает значительное подкрепление со стороны войск союзников. При таком положении я не вижу серьезной опасности и для северного фланга фронта. В остальном надо заботиться о том, чтобы скорее взять город в свои руки, а не допускать его превращения во все пожирающий фокус на длительное время».

«Под постоянным, настойчивым напором со стороны верховного командования вооруженных сил атаки, пожиравшие все силы, продолжались. В результате потерь боеспособность всех шести дивизий, воевавших в Сталинграде, снизилась до боеспособности полков. В середине сентября нами была занята южная часть города, в октябре — северная часть, и войска достигли берега Волги. Средняя часть Волги осталась в руках русских. Не принесли существенных результатов из-за упорного сопротивления русских и их постоянных контратак и уличные бои, продолжавшиеся до середины ноября.

В то же время с конца августа и до конца октября противник систематически наносил удары по северному флангу армии между Волгой и Доном, которые сковывали стоявшие там силы 14-го танкового и 8-го армейского корпусов».

«19 ноября 1942 года началось крупное наступление русских против войск 3-й румынской армии, действовавшей левее 6-й армии. В тот же день фронт румынских войск был прорван. 20 ноября был прорван также фронт 4-й танковой армии, оборонявшейся правее 6-й армии... Пополудни 22 ноября около 100 русских танков, прорвав слабо защищенный юго-западный фланг армии, соединились в районе Калач с войсками, наступавшими с юго-востока... 23 ноября 1942 года 6-я армия была полностью окружена».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФОН ЛЮТЦОВА, КОМАНДИРА 35-го АРМЕЙСКОГО КОРПУСА, 1944 г.

«Вследствие начавшегося русского летнего наступления, сопровождавшегося стремительным и глубоким вклинением танков в центре 9-й армии, на участке 41-го танкового корпуса и на правом фланге 4-й армии, на участке 57-й пехотной дивизии 35-го армейского корпуса, корпус оказался изолированным от своих соседей и, несмотря на ожесточенную борьбу с крупными силами противника перед Березиной, его коммуникации, шедшие через оба моста у Бобруйска, уже на третий день боя были совершенно отрезаны. Переход на другой берег Березины был уже невозможен, после того как 9-я армия отдала боевой приказ на оборону. Несмотря на отчаянную смелость войск, решение командования армейского корпуса прорваться к северу, к 4-й армии, не могло уже спасти положения, так как это решение было утверждено армией только после 27 июня. Таким образом, силой событий битва имела несчастливый исход для 35-го армейского корпуса. Корпус потерял весь свой основной состав. Главные силы русских в летнем наступлении, как мне известно, нанесли такой сильный удар по группе армий «Центр» южнее Бобруйска, южнее и восточнее Могилева, по шоссе на Смоленск, по обе стороны Витебска и у Полоцка, что весь фронт, за исключением южного крыла, зашатался и в несколько дней лишился крепкой и спаянной обороны. При этом группа армий потеряла примерно половину 9-й армии, почти всю 4-ю армию и, безусловно, значительную часть 3-й танковой армии.

Полная потеря многочисленных дивизий означает для группы армий небывалую военную неудачу. Причина поражения на Востоке заключалась в недостатке у нас резервов и в большом численном превосходстве противника в артиллерии, самолетах и танках и, как я полагаю, в приказах, ограничивающих и связывающих нас чисто оборонительными задачами.

Наступательная мощь Красной Армии возросла, потому что она научилась лучше скрывать свои подготовительные мероприятия, концентрировать в больших масштабах свои войска на направлении главного удара, осуществлять удар двумя — тремя наступающими клиньями и наносить удары далеко вглубь.

Уничтожающий ураганный огонь артиллерии и минометов достиг высокой плотности (одно орудие на каждые 6 метров линии фронта). Если даже способы стрельбы, артиллерийская тактика и маневренность остались примитивными, то все же плотность огня достигала необычайных размеров. Русская пехота хорошо организует наблюдение, действия разведотрядов, засады, выслеживание, поимку «языков» при поисках и имеет большие достижения в этой области.

В наступлении и обороне русская пехота достигает должного, если она энергично управляется волевыми командирами. В общем успехи русской пехоты очень зависят от ее численного превосходства, равномерности выучки. Духовного уровня и дисциплины западных армий она не достигла. Высшие русские командиры за последний год успешно провели ряд больших операций. В этом сказывается рост их опыта в вождении войск».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛА ПЕХОТЫ ФЕЛЬКЕРСА, КОМАНДИРА 27-го АРМЕЙСКОГО КОРПУСА, 1944 г.

«Официальными данными верховного командования вооруженных сил для характеристики обстановки, сложившейся летом 1944 года, я не располагаю. Из разговоров с офицерами 4-й армии я знаю, что верховное командование вооруженных сил ожидало русского наступления на южную группу армий и поэтому резервы были брошены туда (какое количество, не знаю).

В районе группы армий «Центр» ожидались местные наступления или наступления с ограниченной целью. Верховное командование полагало, что группа армий «Центр» сумеет задержать это наступление Красной Армии, так как это она делала до сих пор. Какие сведения о подготовке к наступлению получило верховное командование вооруженных сил, я не знаю. На участке 27-го армейского корпуса была зафиксирована подготовка к наступлению по обе стороны автострады и южнее Днепра. Далее я знал, что против 39-го танкового корпуса (справа от меня) и против 3-й танковой армии были обнаружены подобные же подготовительные мероприятия. Почему верховное командование вооруженных сил из этого не сделало выводов и не бросило резервы группе армий «Центр», я не знаю.

Группа армий «Центр» (командующий фельдмаршал Буш) состояла из четырех армий. Штаб группы армий находился в Минске. Севернее действовала группа армий «Север», южнее — группа армий «Северная Украина». В группу армий «Центр» входили 3-я танковая армия, 4, 9 и 2-я армии.

О потерях группы армий, 4-й армии и 27-го армейского корпуса я не могу дать точных сведений. Они, безусловно, велики. Во всяком случае дивизий больше не существует. Сколько попало в плен, сказать не могу.

Поражение, которое пришлось понести группе армий «Центр», очень велико. О последствиях трудно судить. Эти последствия, вероятно, будут более тяжелыми, чем Сталинград. Едва ли возможно заткнуть брешь, образовавшуюся в результате уничтожения нескольких армий, входивших в группу армий. Русское наступление может достигнуть Восточной Пруссии. Удастся ли группе армий «Север» выйти из окружения? Этот вопрос кажется мне проблематичным.

Причина поражения заключается в том, что верховное командование вооруженных сил не снабдило группу армий резервами, участки дивизии были слишком велики.

Ответственность за это должно нести командование группы армий, которое, пожалуй, было слишком уверено в победе, и верховное командование вооруженных сил, которое или своевременно не заметило опасности или же слишком оптимистично оценивало обстановку.

Красная Армия, умело используя слабость группы армий «Центр», отлично провела наступление, в частности наступление на Витебск и Бобруйск. Был ли этим задуман обман русскими южной группы армий, не знаю, думаю, что это так, в противном случае верховное командование вооруженных сил должно было бы действовать иначе. Все силы, сосредоточенные для наступления по автостраде и южнее Днепра, перед моим участком фронта полностью не были обнаружены. О готовящемся местном наступлении было известно, но эту подготовку не связывали с большим наступлением».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПОЛКОВНИКА БЕРНГАРДТА ФОН ДЕР ШЕВАЛЕРИ, НАЧАЛЬНИКА ШТАБА КОРПУСА «МЮЛЛЕР», 1944 г.

«Наиболее сильным оружием Красной Армии является артиллерия, которая превосходит немецкую по количеству и качеству материальной части, по обеспеченности боеприпасами и по боевой подготовке личного состава. Русские танковые войска располагают замечательным танком Т-34, однако тактическое использование танков было не всегда правильным и успешным, особенно в первый период войны. На Волховском фронте и в районе Невеля немецким пехотным частям неоднократно удавалось отражать танковые атаки, хотя в них принимали участие до 40 танков. Пехота русских в общем слабая. Атаки пехотных подразделений обычно начинаются энергично и с большим подъемом, но скоро выдыхаются ввиду слабой подготовки солдат и примитивной тактики. Русская пехота, действуя большими массами, несет крупные потери. Авиация русских по качеству машин и подготовке личного состава, безусловно, уступает немецкой».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА БАМЛЕРА, КОМАНДИРА 12-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1944 г.

«Русское наступление в Белоруссии в 1944 году было задумано и проведено хорошо. Хотя было оно своевременно обнаружено немецкими соединениями от дивизии до армии, которые в некоторой степени даже точно определяли его масштаб и цели, но все же для немецкого верховного командования оно явилось неожиданным.

Обнаружение противником подготовки столь большой и значительной операции едва ли можно совершенно избежать.

В ходе проведения наступления ясно выявилась его большая задуманная цель, от которой, кажется, низшие командные звенья нисколько не отклонились.

Взаимодействие родов войск русских, насколько я сам могу об этом судить, было хорошим, особенно взаимодействие артиллерии с тяжелым пехотным оружием. Продвижение танков не всегда было очень удачным. Пехота, кажется, очень неохотно наступает без поддержки танков, без них она не смогла бы достичь даже некоторых местных успехов. Штурмовая авиация производит значительный моральный эффект, однако ее практические достижения — нанесение потерь убитыми и ранеными — не соответствуют моральному эффекту. Боевой дух войск там, где я его наблюдал, был хорошим».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФРИЦА ФРАНЕКА, КОМАНДИРА 73-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1944 г.

Я был на Восточном фронте мало. То, что я узнал о положении группы армий «Центр», я уже изложил выше. О полном разгроме этой группы армий я узнал лишь в плену. В результате этого разгрома русские достигли успехов, имеющих решающее значение, они быстро вышли на рубеж Вислы, пришли к границе Восточной Пруссии и завершили совсем непредвиденное окружение войск группы армий «Север».

Русское командование я могу оценивать не столько по своему опыту, сколько по тем результатам, которых оно достигло.

Я думаю, что командование ведет войну по большому, хорошо продуманному плану. Сначала оно использовало свою громадную территорию. Методом подвижной обороны на фронте и действиями в тылу оно изматывало силы противника; далее оно планомерно активизировало действия своих мощных сил до тех пор, пока не стало возможным перейти в наступление. Оно вводит в бой войска, сконцентрированные на особо важных направлениях, и таким образом достигает прочных успехов».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФОН КУРОВСКОГО ЭБЕРГАРДТА, КОМАНДИРА 110-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1944 г.

«Причины полного поражения группы армий «Центр» в Белоруссии в 1944 году я нахожу в следующих трех факторах.

Во-первых, в том, что планы и намерения русских против группы армий «Центр» своевременно обнаружены не были.

Во-вторых, в том, что выступающая дуга не была своевременно выпрямлена, что привело бы к экономии наших сил.

В-третьих, в отсутствии оперативных резервов, включая и авиацию.

Вину за тяжелые ошибки несет в единственном числе и исключительно только верховное командование, которое, недооценивая русских возможностей, избегало отдавать территорию заблаговременно. Учитывая сосредоточение всей центральной власти у верховного командования вооруженных сил, ответственность за то несет фюрер.

Оперативное руководство Красной Армии, напротив, оказалось удивительно гибким. Оно полностью использовало все свои возможности и показало большую решительность в использовании своих моторизованных сил. С помощью последних удалось не только завоевать территорию, но и закрепиться на ней. Размах операций вызывал изумление. Однако тактическое руководство пехотных соединений, противостоящих моей дивизии, обнаруживало слабость во взаимодействии войск и использовании обстановки.

Вероятные последствия поражения группы армий «Центр» необычайно тяжелы. Из-за потери почти 30 дивизий образовалась брешь, для заполнения которой не хватает необходимых сил. Этим самым возможность победоносного для Германии исхода войны окончательно отпала. Из этого признания должны быть, и как можно скорее, сделаны необходимые выводы.

Разгром группы армий «Центр» в конечном итоге можно объяснить только изменением в соотношении сил. Первое изменение в соотношение сил внесла всеобщая мобилизация русского народа, однако решающим моментом в этом явилась потеря 300 000 человек под Сталинградом. С этого момента германская армия на востоке ни разу не отдыхала. Затем следуют дальнейшие потери группы армий «Юг» — за последний год. Стратегические резервы, которыми ранее еще располагала Германия, были связаны во Франции и Италии. Это особенно относится к ВВС. В настоящее время (август 1944 г.) можно считать, что соотношение сил на востоке составляет 1 : 3, в то время как вначале оно составляло примерно 1 : 1,5. Во Франции соотношение сил, пожалуй, равное для обеих сторон, в Италии — 1 : 2.

Все-таки перспективы выиграть войну в связи с уничтожением группы армий «Центр» полностью потеряны. Оборонительная война на границах Германии способна лишь задержать гибель Германии, т. е. ее военное поражение, но помешать ему не сможет, так как Германия больше не в силах мобилизовать людские и материальные ресурсы, чтобы повернуть к себе фортуну военной удачи».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ГЕЙНЕ, КОМАНДИРА 6-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1944 г.

«До начала июня сего года мы все полагали, что русские будут пытаться нанести нам удар на юге в районе Черновицы, имея цель осуществить полную изоляцию от Германии Румынии и Венгрии. В соответствии с этим и велась там подготовка. На центральном участке фронта мы не думали получить удара, рассчитанного на изоляцию Эстонии, Литвы и Латвии. Когда в начале июня нам стало известно о концентрации сил русских на нашем участке фронта, то и тогда мы были склонны больше думать, что это будут сковывающие силы, и на такой удар, который мы получили в самые первые дни, мы не рассчитывали.

По принятии дивизии в начале июня я имел беседу с начальником штаба корпуса, который поставил меня в известность, что русские готовят наступление на участках 2, 4 и 9-й армий, причем, как он мне заявил, особенно концентрируются русскими войска на стыках 9-й армии со своими соседями. По словам начальника штаба, русские подтянули на участок против нашей армии до 8 пехотных дивизий, мотокорпус и 3 танковые бригады. Наступление ожидалось 20—21 июня. Особо сильные удары мы ожидали в районе Рогачев и на участке стыка с правым соседом. С момента обнаружения подготовки русскими наступления мы определили, что русские будут пытаться овладеть Бобруйском.

Необходимо отметить, что русские подготавливали свое наступление неумело — маскировка отсутствовала совершенно. Все переброски производились днем, так что мы имели возможность вести подсчет всему, что двигалось по дорогам. Движение ночью также не маскировалось, создавалось впечатление будто ст. Буда-Кошелевская являлась основной разгрузочной станцией русских, откуда транспорт и войска больше направлялись на север.

Основными источниками получения сведений было визуальное наблюдение и авиационная разведка. Пленные мало что давали о подготовке наступления.

Наступление русских началось 23 июня, причем одновременно, как я полагаю, по всему участку 2, 4 и 9-й армий. В первый день своего наступления русские прорвали нашу оборону на левом фланге 9-й армии (в районе Стар. Быхов) и на участке 4-й армии и, оседлав дорогу Могилев — Бобруйск, стали стремительно своими танковыми частями продвигаться к Бобруйску. На участке моей дивизии и моего правого соседа — 383-й пехотной дивизии — в первый день больших боев не было, но наша судьба была фактически решена прорывом русских на левом фланге нашей армии.

О дальнейшем ходе боев корпуса и армии я затрудняюсь давать сведения, так как в результате стремительного удара русских на левый фланг армии там было все сметено. Связь с корпусом была прервана. На второй день я получил первый и последний приказ командира корпуса, который мне предлагал пробиваться своими силами. На этом и закончилось руководство со стороны корпуса. Я был предоставлен сам себе. Всякое снабжение боеприпасами и продуктами питания было нарушено».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ТРАУТА, КОМАНДИРА 78-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1944 г.

«В начале июня была заметна подготовка русских к наступлению. Сперва это отмечалось только в районе автострады. Подготовка заключалась в планомерном сосредоточении артиллерии, в основном в ночное время, в укреплении позиций и приспособлении их для наступления и в постройке дополнительных наблюдательных вышек. Кроме того, ежедневно началась усиливаться пристрелка артиллерии, в том числе и воздушных реперов. До середины июня аэрофотосъемкой и наблюдениями было установлено перед фронтом дивизии от Днепра до болотистой местности Веретая до 650—700 артиллерийских стволов, в то время как в лесной местности севернее болота до озера Бабинович (исключительно) количество артиллерии увеличилось только на 50 стволов. Данные наблюдения были пополнены показаниями отдельных перебежчиков и пленных, захваченных в результате деятельности дозоров и ударных отрядов. Они подтвердили о прибытии артиллерии из Севастополя и о наличии нескольких гвардейских дивизий (11-й, 35-й и других).

О степени подготовки к наступлению можно судить по многочисленному движению к фронту (автомашин, пехоты и артиллерии), особенно под вечер и на рассвете.

Между прочим, на протяжении нескольких дней было установлено, что в направлении фронта двигалось в четыре — пять раз больше машин, чем в обычное время. Замечено, что машины подвозили в большинстве случаев артиллерийские снаряды, и только некоторые транспортировали живую силу... Как я уже несколько раз подчеркивал, во время боевых действий мы не ожидали со стороны русских таких сильных атак, массированного огня артиллерии и авиации и такого взаимодействия тяжелых орудий с танками и пехотой. Русское командование сумело захватить самые лучшие пути сообщения и, оттеснив немецкие части на плохие боковые дороги, наносить удары с флангов.

Стратегическим введением в действие сильных ударных групп из района Витебск в направлении Орша и западнее русским удалось не только быстро прорвать фронт действий на этом участке армии, но также расстроить боевой порядок главных сил примыкающей с юга ар-

мии, отрезать ее от нормальных путей подвоза и отхода и не дать ей возможность планомерно перемещаться и подвозить боеприпасы, горючее и продовольствие.

В общем необходимо заметить, что мы не могли ожидать такого сосредоточения огневой и ударной силы на узком участке и в тылу. Установленный факт подготовки к наступлению перед фронтом моей дивизии не дал нам возможности заключить о наступательных действиях русских столь большого масштаба».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА БАЙЕРА, КОМАНДИРА 153-й УЧЕБНО-ПОЛЕВОЙ ДИВИЗИИ, 1944 г.

«Основную причину поражения я усматриваю в неправильной оценке собственных оперативных возможностей. Это все тот же, доведенный до абсурда, основной принцип «держаться до последнего человека и до последнего патрона», который возник в Сталинграде и через Крым, Черкассы, Никополь, центральный участок фронта привел к тотальному разгрому на юге, а теперь угрожает еще и группе армии «Север». Держаться имеет смысл только тогда, когда благодаря этому возникает возможность оперативного использования имеющихся резервов. Если таковых, как это было у нас, не имеется, то подобная упрямая оборона является бессмысленной гибелью ценных бойцов и ценного материала, что возместить почти невозможно, особенно при такой общей обстановке, которая сейчас создалась в Германии, когда каждая бессмысленная потеря отзывается вдвойне болезненно. Когда имевшиеся у нас резервы были переброшены на центральный участок фронта, то дальновидное командование должно было бы считаться с возможностью русского наступления ежечасно и спускать соответствующие этому указания. Таким образом, оперативно-разведывательное управление генштаба верховного командования вооруженных сил в этом случае должно было дать следующие директивы: эластичная оборона, удержание Карпат. Этого, насколько я знаю, не случилось, иначе бы немногие имевшиеся в распоряжении резервы, как, например, и моя дивизия, не были бы брошены в безнадежные бои. Заблаговременная организация рубежа обороны за Прутом, а затем за Серетом, на которые могли бы опереться своевременно отходящие с боями части, возможно предупредили бы катастрофу.

То, что к этому само собой разумеющемуся решению командование группы армий или армий своевременно не пришло, таит в себе более глубокие причины. Это — страх перед ответственностью, который раньше немецкой армии был незнаком. Слова нашего старого устава: «Каждый командир должен помнить, что опоздание или бездействие ляжет на него большей виной, чем ошибочно выбранное средство» — с момента перемены руководства армией зимой 1941—1942 годов [1] были вычеркнуты. Позади каждого смелого и инициативного командира грозным призраком стоит опасность военного суда.

Кроме того, я думаю, что другой причиной явилось бездействие разведки: наступление столь большого размаха явилось для нас неожиданным.

---

[1] Автор имеет в виду снятие Гитлером генерал-фельдмаршала Браухича с поста главнокомандующего сухопутными войсками и взятие им руководства военными действиями на советско-германском фронте в свои руки. (Прим. ред.)

Далее, губительно подействовал принцип: «ни одна инстанция не должна знать больше того, что ей необходимо знать для выполнения своего приказа». Так, когда связь у нас прервалась, ни один командир уже не знал, что за идея была у высшего командования, какую задачу имели соседи, каково положение дальше, в тылу. Например, об успешном прорыве русских под Яссы я сам узнал только на четвертый день, и то чисто случайно.

Следующей причиной является бездействие политического руководства. Отпадение Румынии не должно было явиться столь внезапным. Если же это было известно заранее, то тогда мероприятия верховного командования не только не понятны, но прямо-таки бессмысленны. Бесполезно в таком случае было держать старую линию фронта. Вообще в отношении величины катастрофы отпадение Румынии сыграло большую роль. Правда, и без того дело бы окончилось крупным поражением, но, по крайней мере, не уничтожением почти целой группы армий. В результате ухода румын в линии фронта образовались широкие бреши, которые заполнить было уже невозможно. За то, что при подобной обстановке так и не пришли к решению немедленно отойти к Карпатам, пришлось горько поплатиться. Судьба дивизий, отходивших с боями после того как на юге кольцо сомкнулось, была решена.

Существенным фактором поражения войск группы армий «Южная Украина» я должен признать превосходство русского командования. Особенно ярко это проявилось в вопросах выбора места нанесения удара и времени начала наступления как в оперативном, так и в тактическом отношении. На направлениях главного удара у русских взаимодействовали артиллерия, танки и авиация, против которых не могла устоять никакая оборона. Но прежде всего каждый успех немедленно развивался дальше, и там, где был произведен прорыв, войска сразу же продвигались вглубь. Маневренное руководство танковыми войсками, которые производили глубокие охваты рубежа за рубежом, особенно следует отметить. Если при этом я подчеркнул, что эти успехи были достигнуты против солдат, у которых боевой дух отнюдь не был сломлен, то их следует оценить очень высоко».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ШТЕЙНКЕЛЛЕРА ФРИДРИХА, КОМАНДИРА МОТОРИЗОВАННОЙ ДИВИЗИИ «ФЕЛЬДХЕРНХАЛЛЕ», 1944 г.

«Первой и основной причиной разгрома группы армий «Центр» является просчет нашего командования. Немецкое командование считало, что русские в этом районе будут вести сковывающие действия, а главный удар они нанесут на юге, куда и были подтянуты основные резервы.

Таким образом, в районе группы армий «Центр» русские получили явное превосходство в людях и технике.

Второй причиной является ряд наших тактических ошибок, выразившихся в том, что мы стремились удерживать определенные пункты, районы, в то время когда русские нас обходили.

Третья причина — русские быстро оседлали основные дороги, что обеспечило им быстрое продвижение.

Четвертая причина — господство русских в воздухе. Их авиация безнаказанно действовала по нашим коммуникациям и деморализовывала отступавшие соединения. Полагаю, что с теми силами, которые имели

русские, они могли бы достичь бо́льших успехов, если бы они больше проявляли инициативы, быстрее перестраивались в соответствии с требованиями сложившейся обстановки и меньше действовали по шаблону или разработанному ими плану».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА КЛЯММА, КОМАНДИРА 260-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1944 г.

«Причины уничтожения группы армий «Центр», и этим самым лучших дивизий, следует искать только в абсолютно неверной оценке общей обстановки до начала русского наступления и преступной недооценке внутренних и внешних сил и возможностей Красной Армии.

Солдат на фронте ничего не мог с этим поделать, но во всяком случае эту опасность он теперь понял и испытал.

Своевременный отвод центрального фронта — хотя бы на рубеж Березины — вероятно, мог бы предотвратить этот разгром.

Решающей ошибкой явилось то, что заранее не были со всей тщательностью сооружены тыловые оборонительные рубежи, и то, что во́время не были подготовлены резервы. При наличии таких участков и таких сил части не могли выделить из своего состава необходимые резервы.

Красная Армия в лице ее верховного командования в ходе ведения операций оказалась на должной высоте и действовала в полном сознании своей уверенности в победе.

В отношении средних и низших звеньев командования резко выделяется сознательное осуществление воли верховного командования. Доверие решает все.

Пехота показала высокое мастерство действий, в частности, в трудных природных условиях, что присуще охотникам. Твердость духа и гибкость в действиях ее необычайны.

То же относится и к саперам. Их превосходство в умении использовать самые примитивные средства в строительстве сооружений полевого типа совершенно очевидно. Артиллерия в отношении техники стрельбы еще, кажется, не достигла уровня немецкой артиллерии. Однако ее постоянное совершенствование в течение последних девяти месяцев было заметно. Авиации я, как не специалист, не могу дать оценки. Учитывая сравнительно большое количество ее действующих сил, эффект ее, однако, был незначительным. Исключительной оценки заслуживает образцовая дисциплина войсковых частей связи в позиционных боях».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ФРЕНКИНГА, КОМАНДИРА 282-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1944 г.

«Катастрофа на южном участке фронта поставила весь восточный фронт в затруднительное положение. В результате ее дорога русским в Румынию была открыта, а нефтяные районы Плоешти попали в их руки. Южный фланг восточного фронта оказался открытым. Красная Армия получила выход на Балканы. Соединение с армией Тито может произойти в любое время, и этим могут быть отрезаны части германских вооруженных сил, находящиеся в Греции и на Средиземном море. Разгром южного фронта будет иметь также решающее влияние на исход войны».

«Причины быстрого поражения немцев на южном фронте следует искать в том, что эта операция была очень хорошо продумана и подготовлена русскими. Русские сумели скрыть все свои передвижения и сосредоточение частей. В то время как немецкое командование предполагало, что у русских на южном участке фронта действует в качестве

оперативного резерва только 7-й механизированный корпус, в действительности оказалось, что здесь, кроме того, находился постоянно и 4-й механизированный корпус. Немецкое же командование утверждало, что он якобы находится на центральном участке фронта.

Превосходство русских в артиллерии и особенно в артиллерийских боеприпасах и искусное командование большими артиллерийскими частями смогло в относительно короткое время привести к таким результатам.

Соотношение сил между Россией и Германией в результате разгрома группы армий «Южная Украина» еще больше изменилось не в пользу Германии. При этом следует принять во внимание, что в течение года была сильно потрепана группа армий «Север», а соединения, входившие ранее в группу армий «Центр», ликвидированы».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ФОН БОГЕНА, КОМАНДИРА 302-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1944 г.

«Ясско-Кишиневская операция с начала до конца была проведена со стороны русских последовательно и была блестящим уроком битвы на уничтожение с применением тактики охвата с двух сторон. Вследствие этого у нас во время боя связь между армией и корпусами была так плоха, что корпуса, а частично и дивизии, не имели ясного представления об обстановке и должны были действовать в основном самостоятельно».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ШВАРЦА, КОМАНДИРА 376-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1944 г.

«Наступление со стороны русских в районе Яссы было проведено планомерно и с большой последовательностью. После первого прорыва немецко-румынского фронта обороны в результате быстрого натиска русских моточастей стало происходить постепенно полное распыление немецких соединений.

Боевой порядок русских (клином) облегчал им использование железных дорог и дорог вообще, а преимущество этого порядка особенно чувствовалось при параллельном преследовании западнее р. Прут. Рельеф местности между Прутом и Серетом, с востока на запад, затруднял отступление немецких войск, многие средства передвижения постепенно терялись, и в конце концов бойцы вынуждены были бороться с превосходящим по численности противником в пешем строю, имея только ручное оружие».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛА ПЕХОТЫ БУШЕНГАГЕНА, КОМАНДИРА 52-го АРМЕЙСКОГО КОРПУСА, 1944 г.

«Причины внезапного поражения войск группы армий «Южная Украина» в сентябре 1944 года заключались:

а) в неудачном расположении правого крыла группы армий «Южная Украина», эшелонированном на рубеже Днестра без учета сил и возможностей немецких войск, что особенно почувствовалось после вывода значительных сил на центральный фронт;

б) в выходе Румынии из войны (объявление войны Германии последовало 23.8) и как результат — отвод румынских войск на фронте и нарушение германских коммуникаций в тылу фронта;

в) в прекрасно подготовленной операции русских, особенно при введении в дело броне- и мехсоединений; быстрое продвижение этих сил явилось главной причиной разделения немецких соединений на мелкие группы и окружения последних.

Русское оперативное и тактическое руководство заслуживает полного признания. Нельзя не назвать следующие положительные стороны русских.

В оперативных вопросах: умелое скрытие собственных намерений, точное определение слабых сторон противника, правильный выбор направления главного удара при наступлении, стремительное действие всеми силами, широкий прорыв бронечастями в решающем направлении и быстрое использование достигнутых успехов.

В тактических вопросах: смелое сосредоточение огня артиллерии, минометов и орудий на направлении главного удара наступления, налаженное взаимодействие с авиацией, хорошая боевая разведка в наступлении и во время обороны, хорошая маскировка и сильное эшелонирование обороны в глубину».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЛИССА, КОМАНДИРА 30-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1945 г.

«О наступлении Красной Армии. Германское верховное командование знало точно, что 12 января должно начаться наступление русских, однако оно полагало, что все же удастся остановить это наступление.

Наступление русских начало развиваться раньше, чем генштаб успел принять радикальные меры, а именно — был дан приказ отказаться окончательно от всех наступательных операций на Западном фронте, перейти там к обороне и перебросить все свободные силы на Восток с целью организовать эластичную оборону, но наступление русских опередило этот план».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛА ПЕХОТЫ ЛАША ОТТО, КОМЕНДАНТА КРЕПОСТИ КЕНИГСБЕРГ, 1945 г.

«С началом русского наступления в Восточной Пруссии, 14 января 1945 г., сразу же наметились два направления главного удара русских:

1) Прорыв из новых юго-восточных районов Пруссии через Эльбинг — Мариенбург в направлении на Данциг. Цель операции: отрезать Восточную Пруссию от остальной Германии.

2) Наступление на Кенигсберг. Цель операции: отделить 3-ю армию от 4-й танковой армии, окружить Кенигсберг и отрезать его от путей снабжения, идущих через Земландский полуостров.

Русское наступление началось с неслыханной яростью и планомерностью, оно продвигалось вперед поразительно быстро. В то время как 4-я армия, находившаяся в центре, оставалась почти незатронутой русским наступлением, фронт 2-й армии был тотчас же прорван и крупные русские силы повели наступление из новых юго-восточных районов Пруссии через Нейденбург на Алленштайн — Ортельсбург и на Остероде — Эльбинг. Этим 2-я армия чрезвычайно быстро была отброшена на Вислу и в районе Эльбинг — Мариенбург. 4-я армия, занимавшая центральный участок фронта группы армий «Север», первое время оставалась на месте. Русские начали наступать на стоявшую на северном участке 3-ю танковую армию и сильно потеснили ее. Здесь русские наступавшие части также очень быстро продвигались вперед. Тильзит и Инстербург

были заняты противником, уже 25—26 января русские находились в районе Лабиау — Тапиау, преодолев, таким образом, большую часть восточно-прусской системы обороны.

Широко и умело задуманные операции Красной Армии приводили к многочисленным окружениям немецких частей и к уничтожению тех из них, которые сопротивлялись, выполняя приказ. В результате немецкая армия несла чрезвычайно большие потери убитыми и пленными. Быстрота, с которой развивались операции, привела к неслыханным потерям в технике. Превосходящие силы русской артиллерии, сосредоточенные на направлениях главного удара, и русская авиация, далеко превосходившая немецкую и полностью господствовавшая в воздухе, наносили немецким войскам с самого начала наступления тяжелые потери.

Уже 27 января русскому командованию удалось достигнуть поразительных успехов. 2-я армия была отброшена на линию Эльбинг — Мариенбург и на р. Вислу и отрезана от 4-й армии. Русским удалось отрезать от 4-й армии и 3-ю танковую армию и фактически окружить Кенигсберг. Все войсковые части несли огромные потери в людях и в технике. Боевая численность частей сократилась на 50%.

29 января, когда русские войска осуществили полное окружение Кенигсберга, нам удалось с помощью дивизии Микоша кое-как закрыть кольцо обороны вокруг города. Я подчинил дивизии Микоша сборный артиллерийский полк и, кроме того, дал указание 88-й артиллерийской бригаде подготовить массированный огонь перед ее участком. Эта бригада состояла из четырех дивизионов (два дивизиона легких полевых гаубиц, один дивизион мортир и один дивизион пушек).

К нашему удивлению, русское командование ограничилось только окружением Кенигсберга, не предприняв против него решающего наступления. Поэтому нам удалось в ближайшие недели с нашими небольшими средствами улучшить организацию обороны Кенигсберга. Сильно поредевшие соединения были пополнены. Это пополнение было создано путем стопроцентного учета солдат, отбившихся от своих частей и сотнями толкавшихся в Кенигсберге, путем изъятия от фольксштурма самых молодых его контингентов и формирования из них стрелковых рот и, наконец, путем призыва в армию лиц, до сих пор имевших «бронь», и молодых контингентов, которые приближались к своему году призыва.

Период времени до 19 февраля, т. е. до начала боев на южном участке, проходил в спокойной позиционной войне и был отмечен только частыми разведывательными действиями русских. К сожалению, русские разведывательные действия большей частью имели успех. Противник добывал пленных и был полностью осведомлен об общем положении в крепости и об организации ее гарнизона. В одном случае противнику удалось даже, использовав членов комитета «Свободная Германия», захватить участок целой роты 561-й народно-гренадерской дивизии и взять 29 пленных. С другой стороны, мы своими разведывательными операциями не могли получить ясного представления о силах противника, так как в результате всех наших усилий нам едва удалось добыть одного пленного. Причиною неудачи нашей разведки был недостаток сил и нежелание солдат участвовать в ней, так как при разведке боем мы доходили только до позиций боевого охранения, которые уже были очищены противником или же быстро очищались. При попытке продвинуться дальше наши силы попадали под сильный заградительный огонь русской артиллерии. Кое-какие данные о противнике мы получали только от радиоразведки. Ночные разведывательные поиски русских большей частью проводились тактически очень умело и неожиданно. Особенно поражало нас то обстоятельство, что эти поиски проводились

почти всегда на стыках между двумя соединениями, т. е. на особенно чувствительных местах немецкой обороны. Успех русской разведки с полной ясностью сказался позднее, во время большого наступления 5 апреля. При этом наступлении главный удар русских был нанесен как раз на самые слабые места Кенигсбергского фронта, т. е. на южный участок, и особенно на северо-западный участок, где оборонялась 548-я народно-гренадерская дивизия.

5 апреля началось крупное концентрированное наступление русских на крепость. Это наступление проводилось с неслыханной силой; ему предшествовала ураганная артиллерийская подготовка. Главный удар наносился на юге, на участке 69-й пехотной дивизии и на северо-западе, на участке 548-й народно-гренадерской дивизии. В то время как на юге глубокий клин противника в направлении на Понарт был немедленно ликвидирован контратакой местных резервов, в районе Шарлоттенбург противнику удалось вклиниться в нашу оборону. 548-я народно-гренадерская дивизия ввела в бой целый резервный полк, однако несмотря на это, ей не удалось восстановить прежнее положение на своем участке. Даже мое личное вмешательство в ходе боев на этом участке и ввод в бой последних крепостных резервов в количестве еще одного полка не принесли успеха.

Солдаты и офицеры крепости в первые два дня держались стойко. Русские превосходили нас своими силами и брали верх. Они сумели скрытно сосредоточить огромное количество артиллерии и авиации. Непрерывные и массированные удары авиации и артиллерии по укреплениям и живой силе вскоре деморализовали солдат и офицеров, оборонявших крепость. После этого оборонять крепость стало невозможно. Никак нельзя было раньше предполагать, что такая крепость, как Кенигсберг, так быстро падет.

В донесении по телефону генералу Мюллеру я описал обстановку и заявил, что судьба Кенигсберга, наверное, решится на следующий день. Наши запасы снарядов почти полностью израсходованы, и войска больше не в силах держаться, ибо они беззащитны против неслыханного огня русской артиллерии и непрекращающихся налетов авиации. Сам Кенигсберг полностью разрушен, все линии связи уничтожены, посвязные не могут пробраться через пожары и обвалившиеся здания, поэтому командование не в состоянии руководить обороной. Мы понесли огромные потери в людях и в технике. Положение тысяч и тысяч раненых, для которых нет больше места в немногих уцелевших подвалах, и сотен тысяч женщин и детей чрезвычайно безотрадно.

С начальником парламентеров, русским подполковником, я согласовал детали капитуляции. Как основу капитуляции он вручил мне листовку маршала Василевского к гарнизону крепости Кенигсберг с предложением капитулировать. Как я и ожидал, от нас требовалась безоговорочная капитуляция. С другой стороны, мне и моим солдатам гарантировалась жизнь, сохранение личного имущества, достаточное питание, немедленная медицинская помощь раненым, достойное солдата обращение и возвращение на родину после конца войны. После этого я отдал письменный приказ о деталях сдачи и о выступлении подчиненных мне частей в лагерь русских военнопленных. Этот приказ дошел до большинства частей. Только 367-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Генле) вследствие плохой связи своевременно не получила приказа о капитуляции, но и она примкнула к общей капитуляции рано утром.

Рано утром я прибыл на КП русской 11-й гвардейской дивизии, а оттуда был отправлен через штаб корпуса в 3-й Белорусский фронт, к командующему фронтом маршалу Василевскому. Мы повсюду встречали

к себе очень любезное отношение со стороны русских штабов и офицеров. Здесь я впервые своим глазами убедился, насколько лживой была немецкая пропаганда о русских войсках и их действиях и обо всем русском народе. Нам все время твердили, что нас ждет или немедленный расстрел или, по меньшей мере, ссылка в Сибирь и чрезвычайно грубое обращение.

В Кенигсберге капитулировало около 80 000 солдат всех родов оружия и было сдано русским войскам около 800 стволов зенитной и противотанковой артиллерии всех калибров, бесчисленное количество пулеметов и ручного огнестрельного оружия.

Бои в Кенигсберге и быстрое падение этой крепости бросают яркий свет на оперативное и тактическое руководство верховного командования немецкой армии. Они являются показательным примером отрицательных сторон немецкого высшего войскового командования начиная с 1942 года. В то время как русское командование было чрезвычайно поворотливым и оперативным и тактически умело руководило войсками, немецкое командование сделалось исключительно негибким. От главного командования сухопутных сил больше вообще не поступало общих оперативных приказов, которые содержали бы цель задачи и ее пределы и в этих пределах предоставляли бы низшему и среднему командованию необходимую свободу действий. Нам непрерывно твердили только один приказ: ни шагу назад! Держаться за каждый метр земли до последнего человека, до последнего патрона! Под угрозой военного суда и расстрела ни один командир не мог самостоятельно принять решение об отходе хотя бы на один шаг. Этим полностью были уничтожены инициатива и оперативное искусство всех войсковых командиров, что неоднократно приводило к окружениям и уничтожениям многочисленных частей и дивизий, окружениям, которые нередко можно было бы избежать.

К сказанному надо прибавить, что Гитлер в своем болезненном безграничном ослеплении мнил себя великим и непогрешимым полководцем, которого осеняют одни только умные мысли. В этом самомнении его укрепляли поразительные успехи польской и французской кампании, а также и льстецы из его непосредственного окружения. Так был совершенно потерян масштаб немецких возможностей по отношению к мощной силе русской армии и огромным расстояниям русских земель.

Гитлер преступно недооценил русское командование.

Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию. Мы потеряли 100-тысячную армию под Кенигсбергом. Раненых было до 30 000 человек и много убитых».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПОЛКОВНИКА ГЕНГЕРА ВОЛЬФА, НАЧАЛЬНИКА АРТИЛЛЕРИИ КРЕПОСТИ КЕНИГСБЕРГ, 1945 г.

«Действительно, наступление началось 5 апреля 1945 года. В 15.00 противник открыл ураганный огонь из орудий и минометов всевозможных калибров по участку 548-й народно-гренадерской дивизии в районе Шарлоттенбург. Вскоре этот шквал огня перенесся на участок 561-й пехотной дивизии. Наша артиллерия вела огонь сначала по участкам НЗО, а затем по участкам огня на уничтожение. К вечеру донесли, что противник прорвался в Шарлоттенбург и батареи АРГК открыли огонь по северной части этого пригорода.

До второй половины дня 6 апреля нам не удалось выбить противника из Шарлоттенбург, несмотря на ряд контратак. Больше того, во второй половине этого дня русским удалось расширить прорыв в южном направлении. В этот же день, в 10.00, на южном фронте обороны в районе

Хафштром противник начал артиллерийскую подготовку и вслед за ней атаковал наш передний край. Артиллерийский обстрел и атаки продолжались в течение всего дня.

7 апреля русским удалось расширить свой прорыв южнее Шарлоттенбург и заставить артиллерию 548-й народно-гренадерской дивизии сменить огневые позиции. Одновременно они продвинулись на западе и прорвались западнее Иудиттен, несмотря на беспрерывный огонь нашей дивизионной артиллерии и артиллерии РГК, а также и на сосредоточенный огонь пехотных подразделений. Дневной расход боеприпасов 6—7 апреля равнялся 10—12 тысячам снарядов. Наша пехота, оборонявшая южный фронт обороны, к вечеру 7 апреля заняла рубеж Понарт — Роозенау, поэтому и артиллерия на этом участке вынуждена была ночью отойти на северный берег р. Прегель. Одна из батарей крепостной артиллерии расстреляла весь свой запас боеприпасов и была подорвана.

К вечеру 8 апреля примерно до 30% всей артиллерии вышло из строя в результате обстрелов и бомбардировок. Часть артиллерии еще ранее была оттеснена на запад, и, я думаю, что в результате этого весь 1561-й артиллерийский полк не участвовал в боевых действиях под Кенигсбергом. К утру 9 апреля противник вступил в Зангейм и безостановочно приближался к центру города с севера, запада и юга. Уцелевшие после бомбежки и обстрела разбитые батареи не были в состоянии действовать. В большинстве случаев они были подорваны. Возможно, что некоторые батареи, направленные на позиции на площади Эрих — Кохплац и на Пферденплац, целиком попали в руки противника.

К 9 апреля уже не могло быть и речи о едином руководстве огнем, так как все средства связи были разрушены. Расчеты батарей, потерявшие в ближнем бою или от огня артиллерии противника свои орудия, действовали в качестве пехоты.

До 5 апреля потери артиллерии в людях и технике были небольшие. Ежедневные потери за это время в среднем составляли 5—10 человек. Что касается потерь орудий, то было всего два случая, когда бомбежкой авиации противника было выведено из строя по одному орудию. За время больших боев с 5 по 9 апреля потери значительно возросли. Однако установить точные цифры потерь в людях и технике за этот период было невозможно, вследствие плохой работы связи.

На мой взгляд, артиллерия потеряла до 50—60% своего личного состава, до 70% конского состава и около 50% орудий, уничтоженных артиллерией и бомбардировочной авиацией противника. Оставшаяся часть орудий была подорвана или попала в руки противника. Грузовых машин было уничтожено 300—350 штук, легковых 150 штук и мотоциклов 50 штук. Общее количество раненых и убитых с начала обороны Кенигсберга и до его капитуляции я оцениваю примерно в 25 тысяч человек, а количество взятых в плен Красной Армией примерно в 70 тысяч (включая сюда и полицию).

Оценка действий русской артиллерии. Русская артиллерия под Кенигсбергом во много раз превосходила немецкую. Противник ввел в действие около 200 батарей, из этого количества на севере крепости действовало 90—100 батарей, на юге 60—70 батарей, остальные были сосредоточены на востоке. Быстрый прорыв немецкой обороны, на которой стояли хотя уже и устаревшие орудия, но зато в большом количестве, следует приписать исключительно русской артиллерии, проложившей дорогу своей пехоте. Наряду с сосредоточенным огнем, помогавшим действиям пехоты, русская артиллерия вела по нашим важным пунктам непрерывный беспокоящий огонь, который нарушил нашу связь

и значительно осложнил подвоз боеприпасов. Характерной особенностью Кенигсбергской операции было то обстоятельство, что наша артиллерия была не в силах подавить артиллерию противника».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПОЛКОВНИКА ФОЛЬКЕРА КАСПАРА, КОМАНДИРА 69-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ, 1945 г.

5 апреля 1945 года русские предприняли наступление на Шарлоттенбург (северное предместье Кенигсберга), в результате которого им удалось полностью окружить Кенигсберг и прекратить его снабжение по суше и водным путем.

Бой за Кенигсберг после его окружения. 5 апреля 1945 года кольцо окружения вокруг крепости полностью сомкнулось. В этот момент в Кенигсберге находились: 61, 69, 367, 548 и 561-я пехотные дивизии общей численностью до 70 000 человек, крепостная противотанковая артиллерия, насчитывавшая 200 88-мм орудий и 1200 человек, крепостная артиллерия — 50 стволов трофейных орудий калибра 150, 105 и 72 мм и 1000 человек, крепостные саперы — 1200 человек, полиция — 3000 человек, фольксштурм, таможенники, железнодорожники и т. п. — 20 000 человек. Всего в гарнизоне крепости было более 96 400 человек. Каждая пехотная дивизия имела в своем составе артиллерийский полк из четырех дивизионов (три легких дивизиона и один тяжелый). В каждом полку было 30 легких и 10 тяжелых полевых гаубиц. Таким образом, артиллерия всех дивизий, находившихся в крепости, насчитывала до 120 легких и 40 тяжелых полевых гаубиц. Боеприпасов было в каждом артиллерийском полку по 180 выстрелов на орудие; что же касается трофейных пушек, то они имели только по 30—40 выстрелов.

Настроение окруженных войск было подавленным. Примерно одна треть солдат была в возрасте от 40 до 50 лет. Остальные солдаты в своем большинстве побывали уже ранее в окружении и очень боялись его. Кроме того, общее военное положение Германии удручающе действовало на войска; они потеряли веру в победу.

Силы противника, осаждавшего крепость, нам были неясны даже в общих чертах, так как нашим дивизиям не удавалось захватить пленного.

3 или 4 апреля генерал Лаш издал приказ, предусматривавший порядок боя при возможном новом наступлении русских. Согласно этому приказу требовалось заблаговременно отвести большую часть сил с передней линии обороны, чтобы не понести больших потерь от ожидаемого ураганного огня русских, далее выделить резервы и повысить боевую готовность.

Командование крепости не сообщило дивизиям ничего нового о силах противника. Считалось, что противник имеет намерение провести свое наступление в виде «клещей»: один удар нанести с юга под Гросс Кармау, а другой — с севера под Шарлоттенбург, чтобы, таким образом, отрезать Кенигсберг от Пиллау и воспрепятствовать попыткам гарнизона крепости пробиться в этом направлении.

6 апреля 1945 года, в 10.00, по центру участка обороны 69-й пехотной дивизии, а также по участкам 157-го и 159-го пехотных полков русские открыли ураганный огонь. Одновременно форты, расположенные на этих участках, были обстреляны тяжелой артиллерией. Русским удалось оттеснить нас к южным окраинам Понарт и Зелигенфельд. Началась борьба за Ной Форверк, который мы потеряли вечером. На участке 561-й и 548-й пехотных дивизий противник совершил глубокий прорыв

до Шарлоттенбург. Наш контрудар на этом участке не увенчался успехом, большая часть Шарлоттенбурга осталась в руках русских. В первый день боев 69, 561 и 548-я пехотные дивизии потеряли примерно 30% своего личного состава, иначе говоря, каждая дивизия потеряла до 3500 человек убитыми и ранеными. Из артиллерии 69-я пехотная дивизия потеряла десять легких полевых гаубиц, три легких пехотных орудия и одно тяжелое пехотное орудие. Какие потери в артиллерии понесли другие дивизии, я не знаю. Ночью боев не было, и обстановка за ночь, как обычно, не изменилась. На участках 61-й и 367-й пехотных дивизий 6 апреля вообще не было крупных боев.

Утром 7 апреля началась битва за Понарт на участке 69-й пехотной дивизии. Массированный огонь русской артиллерии и налеты штурмовой авиации все больше и больше изматывали 157-й пехотный полк. Дивизия должна была бросить в бой фюзилерный батальон, чтобы заткнуть брешь, образовавшуюся под Понарт. Однако это не смогло помешать русским захватить Понарт, который вечером перешел в их руки. Во второй половине дня 7 апреля последовал удар противника на Кальген (участок 236-го пехотного полка), в результате которого русские захватили юго-восточную окраину этого населенного пункта. Затем противнику удалось взять Зелигенфельд.

В течение 7 апреля потери 69, 561, 548-й пехотных дивизий достигли в среднем 25% их личного состава, т. е. в каждой из этих дивизий из строя выбыло примерно 2500 человек убитыми и ранеными.

Утром 8 апреля на правом фланге 69-й пехотной дивизии начался бой за Кальген, который и был нами проигран приблизительно в полдень того же дня. Одновременно русские атаковали нас в направлении Центрального вокзала и достигли железнодорожного полотна. На севере, на участке 561-й и 548-й пехотных дивизий, противнику также удалось продвинуться в направлении на Кенигсберг.

9 апреля началась усиленная бомбардировка русской авиацией центра города. Войска, сражавшиеся на оборонительной линии вдоль окраины города, снова подверглись сильному артиллерийскому обстрелу и налетам штурмовой авиации. 69-я пехотная дивизия была выбита из Центрального вокзала и парка Хорста Весселя и отброшена на северный берег р. Прегель. На участках 561-й и 548-й пехотных дивизий противнику удалось продвинуться до здания финансового президиума и морской гостиницы и глубоко вклиниться между обеими дивизиями.

Вечером крупные силы русских форсировали р. Прегель и прижали к Кенигсбергскому замку оборонявшиеся части 69-й пехотной дивизии. Противник вклинился между 171-м пехотным полком и остальными частями дивизии и отрезал 171-й пехотный полк от дивизии. Радиотелефонная связь штаба 69-й пехотной дивизии с командованием крепости, а также и с полками дивизии была повреждена.

Около 19 часов 9 апреля на мой командный пункт в подвале университета явились командиры 236, 159 и 157-го пехотных полков и заявили, что они не имеют больше боеприпасов. В связи с создавшимся критическим положением я обратился к генералу Лаш, который сообщил мне, что командование крепости решило капитулировать. По приказанию генерала Лаш я выслал парламентеров к русским в район Северного вокзала. В 23.00 на мой командный пункт явился русский капитан, и я передал ему остатки моей дивизии численностью до 2000 человек.

Здесь, у Кенигсберга, как и на других участках фронта, немецкое командование ничего не могло противопоставить неслыханному преобладанию русских в артиллерии и авиации.

По моему подсчету, гарнизон Кенигсберг с момента его окружения имел следующие потери: 20 000—25 000 убитых, 70 000—80 000 пленных, 600 орудий, включая сюда и орудия ПТА, 300 грузовых автомашин, 100 легковых автомашин, 50 мотоциклов, 1500 пулеметов, 3500 лошадей.

Военное положение Германии на 9 апреля 1945 года было безнадежным; Германия не имела ни малейшего шанса на победу. Почти вся немецкая военная промышленность была в руках противников Германии. Остатки еще сражавшихся немецких частей не могли больше рассчитывать на снабжение боеприпасами и горючим или на пополнение людьми. Таким образом, сопротивление Германии скоро должно прекратиться. Немецкий народ больше не верит своим «фюрерам». Ни одно из обещаний дать новое оружие, которое спасло бы Германию, не было выполнено. Даже так называемые организации «Вервольфов» являются только трюком геббельсовской пропаганды.

Германия пала жертвой слепой веры в свое правительство, хищнически растратившее силы немецкого народа. После Сталинграда одно военное поражение следовало за другим. Частично это было следствием того, что предложения заслуженных генералов не принимались во внимание. Генералы, предупреждавшие о грозящей катастрофе, снимались со своих должностей. Гитлер взял командование в свои руки».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА МАТТЕРНА ЭРНСТА, КОМЕНДАНТА КРЕПОСТИ «ПОЗНАНЬ», 1945 г.

«Русские войска наступали с востока, встречая весьма слабое сопротивление. Они впервые натолкнулись на сопротивление только непосредственно западнее Шверзенц. Наступление моторизованных частей Красной Армии было смелым, но мало обеспеченным. Наступающие должны были бы на основании данных разведки и изучения карт заранее предположить, что на прежней линии фортов старой крепости Познань они встретят сопротивление. Отдельные танки, выскочившие вперед, были уничтожены обороняющимися. Наткнувшись на упорное сопротивление, противник попытался из района Гутенбрун прощупать нашу оборону южнее имперской автострады. На этом участке действовали очень слабые силы пехоты, которым нигде не удалось прорвать кольцо обороны. Обе воюющие стороны находились в соприкосновении друг с другом по линии шоссе Брешен — Познань. Русские вели разведку на север и на юг от кольца обороны крепости.

Разведка бронетанковых сил противника через Ротенталь — Тресков (Трескау) — Гослин наткнулась на упорное сопротивление. Однако русское командование должно было бы заранее предполагать возможность этого сопротивления, так как в Трескове имелся постоянный гарнизон, а на западном берегу р. Варта был расположен военный учебный лагерь. Русские попытались навести мост через р. Варта западнее Трескова. Однако место наводки моста было плохо избрано в тактическом отношении, так как: 1) оно находилось между двумя сильными немецкими гарнизонами (военный учебный лагерь и Познань) и 2) мост можно было легко разрушить дрейфующими минами, спускаемыми из Познани по течению р. Варта. Удалось ли русским навести этот мост под Тресков, я не знаю.

Разведка противника южнее кольца обороны крепости увенчалась успехом. Здесь русским частям удалось форсировать Варту под Штафельбах. Штафельбах расположен на возвышенности, отсюда противник мог контролировать переправы через Варту. Однако несмотря на это, путь

наступления противником был выбран западнее Варты, т. е. слишком близко к укреплениям крепости. Если бы в состав гарнизона Познани входили кадровые подразделения, вылазкой из крепости можно было бы нанести противнику огромные потери.

В последующие дни противник пытался провести разведку боем на западном участке кольца обороны крепости. Эта разведка велась очень гибко, противник повсюду начал боевые действия неожиданно и наступал при поддержке танков. Без сомнения, упорно и планомерно наступая с запада, противник мог прорвать передний край обороны на западном участке и ликвидировать отдельные форты.

По наблюдениям и показаниям пленных, части противника перед крепостью Познань постоянно менялись.

У нас создалось впечатление, что основные силы противника движутся дальше на запад и в его замыслы входит сначала окружение крепости Познань и только уже потом наступление на крепость.

Противник начал наступление на крепость с запада через Балнехорст и вклинился в передний край обороны. Этим он добился уничтожения нашего аэродрома и находившихся на нем самолетов. Если бы это наступление продолжалось с большими силами, наступающие могли бы иметь гораздо больший успех. Боевая ценность немецких частей, обороняющихся на этом участке, была очень невысокой, и он остался больным местом нашей обороны, что повлияло на ход последующих боев, особенно в районе Ботанического сада.

Атаки противника из района Леншюту — Поггенбург увенчались успехом. Мы потеряли при этом форты на западной стороне обороны вместе с их гарнизоном. Здесь началась борьба уже за собственно город Познань.

В последующих уличных боях наступающие русские войска показали большую маневренность. Они просачивались в дома и быстро вводили в бой снайперов. Однако русские очень редко использовали первоначальный успех, вызванный внезапностью нападения. У обороняющихся сложилось впечатление, что противник, внезапно атакуя, в уличных боях очень быстро теряет связь между своими войсками и из-за недостатка в боеприпасах должен снова оставлять уже занятые им дома.

На восточном участке крепостных укреплений противник натолкнулся на сильное сопротивление и смог добиться только незначительного выигрыша территории. Один раз противник пропустил возможность использовать выгодную для него случайность — при его наступлении с северо-востока на форт Гане от обстрела загорелся склад боеприпасов. Если бы противник на этот раз продолжал свое наступление, он заставил бы крепость на несколько дней раньше прекратить сопротивление вследствие недостатка боеприпасов. Кроме того, он получил бы возможность до последнего момента пополнять свои запасы мин и снарядов из захваченного склада.

Противник правильно оценил значение посадочной площадки под Вайнерт. После ожесточенных боев, длившихся целый день, ему удалось ее занять.

Противник наступал всегда при поддержке отдельных танков и противотанковых орудий. В этом заключалось одно из его преимуществ. Однако защитникам крепости города Познань неоднократно удавалось уничтожать в ближнем бою танки и орудия противника, вырвавшиеся вперед. Бросилось в глаза, что после того, как несколько танков было подбито, остальные держались на значительном расстоянии от средств ближнего боя.

Вместе с сужением кольца обороны со дня на день возрастало превосходство противника в артиллерии. Однако только в последние дни можно было заметить общее, планомерное управление огнем. До этого каждая батарея вела огонь самостоятельно по своим целям.

Очень вредил защитникам крепости все время усиливающийся минометный огонь. Этим огнем умело управляли. Минометный огонь «по площади» значительно нарушал сообщение за линиями обороны.

Действие РС не превышало действия минометов.

Крепость не имела ПВО, поэтому авиации противника выполнить задачу было нетрудно. Обороняющиеся опасались, что советская бомбардировочная авиация будет разрушать блиндажи и редуты, однако этого не случилось. В большинстве случаев бомбы, и даже бомбы с взрывателями замедленного действия, сильно влияли на нервы обороняющихся, но не причиняли им значительных потерь. Сбрасывание бомб ночью с нерегулярными промежутками во времени производило только моральное воздействие. Многочисленные воронки от бомб впоследствии были использованы противником при наступлении к цитадели.

Нельзя отрицать эффективность применения отдельных огнеметов, однако неоднократно эти огнеметы уничтожались огнем снайперов или фланкирующим пулеметным огнем.

Пехота противника, действовавшая в последние дни наступления восточнее Южных ворот, очень смело и ловко использовала артиллерийское наступление для глубокого вклинения в цитадель. Пехотные части противника, которые уже 21 февраля преодолели крепостной ров между I и II редутами, не использовали первоначальный успех и очень медленно продвигались вперед до района радиовышки.

Большое артиллерийское наступление на цитадель с 21 по 23 февраля было гигантской работой, проведенной по единому плану. Защитники цитадели могли ему противопоставить только 10—12 орудий, на каждое из которых приходилось по 10—15 снарядов. Вся проводная связь была разорвана на куски, поэтому корректировать огонь с нашей стороны было невозможно. Обломки, щебень, пожары, дым, пепел, недостаток воды и боеприпасов вынудили защитников Познани сдать крепость после тридцатитрехдневной обороны».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛА ПЕХОТЫ НИГОФФА ГЕРМАНА, КОМЕНДАНТА КРЕПОСТИ «БРЕСЛАУ», 1945 г.

«Русские наступления, хорошо организованные и подготовленные, в течение двух последующих месяцев осады производились только на каком-нибудь одном участке кругового фронта немецкой обороны. Ни разу не предпринималось концентрических наступлений одновременно с нескольких направлений, также ни разу не проводилось ложного наступления или отвлекающих маневров. Главные удары наносились на решающем южном участке фронта (по обе стороны площади Гинденбурга и улицы Штурмовиков). Позже центр тяжести переместился на западный фронт (окрестности Мохберн — Кляйн Гандау), в то время как восточный участок фронта оставался совершенно спокойным, а на широком северном участке имела место только одна атака, предпринятая силами до батальона при поддержке нескольких танков. Эта атака была нами отбита.

К этому надо прибавить, чтобы воздать истине должное, что свою концентрацию войск для предстоящего наступления русские очень плохо маскировали: ночью к месту будущего главного удара можно было за-

метить движение крупных колонн автомашин с зажженными фарами и услышать команды, подаваемые громким голосом. Это преждевременно и совершенно недвусмысленно выдавало подготовку нового наступления. Наконец, на месте будущего наступления производилась усиленная артиллерийская подготовка, в то время как на других участках фронта артиллерия молчала. Это точно указывало на район наступления.

Подобные факты облегчали мне своевременное и неизменное удачное маневрирование моими довольно ограниченными резервами, сосредоточение огня и бесцеремонную переброску сил с других участков фронта на угрожаемый участок. Эти благоприятные обстоятельства и были причиной того, что русскому командованию в течение марта — апреля ни разу не удалось осуществить сколько-нибудь серьезный прорыв, причем вполне возможно, что у русского командования были свои веские соображения действовать именно таким образом.

Во всяком случае, для меня было бы роковым одновременное концентрическое наступление с нескольких направлений или же ложная атака на одном участке фронта в сочетании с главным ударом на другом, так как этим мои контрмеры были бы парализованы.

Русские боевые методы. В предыдущих разделах я описал русскую тактику осады. Теперь для лучшего понимания моих собственных оборонительных мероприятий я должен описать русские методы ведения боя в черте города такими, какими они мне представляются.

Начало всех русских операций можно было определить по внезапному огню тяжелой артиллерии и по ракетам, пускаемым в направлении передовых объектов наступления. Эффективный огонь артиллерии не только разрушал здания, оборудованные под опорные пункты, но и вызывал неописуемые пожары, горючим материалом для которых служила находящаяся в домах мебель и т. п. В результате этих пожаров вся внутренность домов вплоть до подвальных помещений сгорала. Защитники передовой линии буквально сгорали или же погибали под обломками. Жара, возникавшая от пожаров, была настолько сильной, что солдаты сражались обнаженными до пояса.

После артиллерийской подготовки русская артиллерия переносила огонь в глубину, но не в ближайшую глубину, т. е. не на следующую улицу, а в центр города. Это делалось, очевидно, с целью подавить немецкую артиллерию или КП. Таким образом, ближайшая глубина не затрагивалась огнем русской артиллерии; это навело меня на мысль держать резервы для контратаки непосредственно за передовой линией обороны, на второй оборонительной линии.

Тем временем русские ударные части наступали на немецкие передовые опорные пункты. Наступление производилось с применением огнеметов и при поддержке танков или штурмовых орудий. Русские выбивали из подвальных помещений остатки немецкого гарнизона. Но русские ударные части сами вынуждены были останавливаться перед пылающими зданиями, в результате ни мы, ни противник не могли прочно овладеть объектами наступления. Весь вопрос был в том, кто первый — русские ударные части или немецкие резервы — успеет ворваться в объект, когда пожар потухнет. Во многих случаях, по моим наблюдениям, это удавалось сделать русским, впереди которых шли огнеметные части вместе с противопожарными отрядами, с новыми, не известными мне аппаратами. Но ни разу русское наступление не переходило за линию первых объектов, так как немецкие резервы для контратак, располагавшиеся в непосредственной близости от передовой линии, на нетронутых позициях, оборудованных в подвальных помещениях, оказывали им эффективное сопротивление.

Русское наступление протекало с гораздо бóльшим успехом на открытой местности или в тех городских кварталах, где дома были современной постройки, с маленькими или тонкостенными подвальными помещениями, как, например, в районе Мохберг — Кляйн Гандау. Там русским удалось в нескольких местах глубоко вклиниться в нашу оборону, захватить аэродром и пригороды Мохберг, Козель и овладеть дотом «Эльбинг».

Незначительность успехов, одержанных в борьбе за старые городские кварталы на южном участке фронта, и большие потери, которые несла также и наступающая сторона, возможно, и заставили русских отказаться от тактически выгодного наступления с юга и попытаться перенести направление главного удара на западный участок.

При оценке обороны в районе города, борьбы за дома, интересно отметить, что мои солдаты более охотно и упорно оборонялись, несмотря на опасность пожаров и на недостаточную эффективность нашего собственного оборонительного огня в домах, чем на открытой местности.

Учитывая вышеописанную угрожающую обстановку, создавшуюся на южном участке фронта, и русскую наступательную тактику, в крепости начиная с 5 марта 1945 года были энергично проведены следующие мероприятия, давшие хорошие результаты:

а) Полк «Мор», потрепанный в боях, был снят с южного участка фронта, где проходило направление главного удара русских. Его место занял свежий полк СС «Весслейн».

Этим наступление русских на южном участке фронта было остановлено, а полк «Мор» занял оборону на спокойном в то время западном участке фронта.

б) Были созданы резервы в непосредственной близости к переднему краю обороны. Резервы создавались за счет беспощадного оголения переднего края. При наступлении противника исход боя не зависел от того — полностью ли заполнен живой силой передний край. Чем больше людей находилось на передовой, тем большие потери мы несли от массированного огня противника.

Ночью эти ударные резервы использовались для усиления переднего края обороны, днем, в случае вклинения противника, они автоматически предпринимали контратаки.

в) Непосредственно за первой линией обороны была создана вторая линия. Эта вторая линия должна была остановить наступление крупных сил противника. Для ее строительства за недостатком регулярных войск я использовал подразделения фольксштурма, а на отдельных участках также и строительных саперов. Эти подразделения, не пригодные для боя или для суровых условий обороны на переднем крае, ночью строили вторую линию обороны, днем отдыхали на ней в боевой готовности. Здесь же находилась и основная часть пехотного тяжелого оружия регулярных частей, оказывавшая фольксштурму необходимую поддержку в бою.

Для производства работ я в широком масштабе привлек гражданское население, саперные батальоны помогали ему и руководили его работой.

Горький опыт, вынесенный нами из встреч с артиллерийским огнем противника и его авиацией, показал, что наибольшие потери и повреждения были следствием не столько действия самих разрывов, сколько возникающих от них пожаров. Это заставило нас очистить дома абсолютно от всех предметов, могущих воспламениться. Очистка была проведена не только в районах, прилегающих к передовой, но и в центре города.

Это мероприятие, каким бы жестоким и беспощадным оно ни казалось, полностью оправдало себя. Несмотря на усилившийся огонь артиллерии, пожаров было все меньше и много человеческих жизней было спасено. Для проведения этих работ я также привлек гражданское население. Девизом было: «Сжигай, чтобы не сгореть самому».

Все мероприятия, освещенные выше, полностью оправдали себя. В этом и заключается ответ на вопрос: как же смогла крепость Бреслау, несмотря на малую боевую ценность ее гарнизона, на его сравнительную малочисленность и на полный недостаток боеприпасов, продержаться свыше $2\frac{1}{2}$ месяцев и добиться почетной капитуляции».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПОЛКОВНИКА ЯНУСА, КОМАНДИРА БОЕВОЙ ГРУППЫ «ЯНУС», 1945 г.

«Если бы мне пришлось дать краткую характеристику этому наступлению русских [1], я сказал бы, что русским удалось в районе Реетц и западнее крупными силами пехоты и танковой армии в первый же день наступления прорвать наш фронт и выйти на оперативный простор. Указанные силы, прикрываясь пехотой и танками с запада, стремительно продвигались на север с целью выхода к побережью Балтийского моря с тем, чтобы отрезать находящиеся восточнее участка прорыва немецкие войска, окружить и уничтожить их. С целью связать находящиеся в этом районе немецкие силы и не дать им уйти до тех пор, пока не будет достигнута оперативная цель, т. е. побережье, русские частью сил повернули в направлении Вельшенбург, Драмбург и севернее. Им удалось полностью осуществить эту задачу.

Основными причинами успеха русских я считаю следующие:

1. Немецкое командование не сумело своевременно распознать направления главного удара, очень медленно и неповоротливо реагировало на действия русских.

2. Исключительная массированность русского артиллерийского огня обеспечила прорыв наших позиций уже в начале наступления.

3. Момент внезапности, достигнутый русскими в этой операции.

4. Превосходство в силах, в особенности в артиллерии и танках у русских.

5. Отсутствие резервов у немецкого командования.

Я думаю, что момента внезапности русские достигли благодаря следующим обстоятельствам:

а) подводом и концентрацией сил в основном по ночам;

б) искусной и умелой маскировкой войск в районах сосредоточения и на исходных позициях;

в) очень слабой авиационной разведкой немцев.

Во время пребывания на курсах командиров полков в Деберитц мне пришлось беседовать со многими полковниками. Мне пришлось беседовать с генералами, в частности с командующим 2-й армией, бывшим начальником штаба этой армии, командиром 55-го армейского корпуса и другими. Из этих бесед и на основании личных наблюдений я пришел к выводу, что основным в тактике и в проведении операций русским командованием является следующее.

1. Умение мастерски скрывать направление главного удара, что достигается русскими:

а) боевой разведкой и демонстративными атаками на всем фронте, которые вводят в заблуждение немецкое командование, и оно, как

---

[1] Имеется в виду наступление советских войск во второй половине февраля 1945 г. в Восточной Померании. (Прим. ред.)

правило, не умеет определить своевременно, где последует главный удар; так было под Бобруйском, так было под Ковелем, так было в районе Реетц;

б) путем перенесения в последний момент центра тяжести борьбы на совершенно противоположный участок фронта, как, например, было летом 1944 года; мне рассказывали офицеры из ЦГА, что немецкое командование ожидало наступления русских войск в июне 1944 года в районе Ковель, русские же 22 июня нанесли удар на бобруйском направлении.

2. Использование железнодорожного и автотранспорта с максимальным напряжением для подвоза и сосредоточения сил незадолго перед началом операции, что в значительной степени облегчает соблюдение скрытности концентрации сил.

3. Наступлению предшествует интенсивная разведывательная деятельность на всем фронте с целью выявления позиций тяжелого оружия, которое затем уничтожается или подавляется ураганной артиллерийской подготовкой.

4. После прорыва пехота сопровождается противотанковыми орудиями, минометами и тяжелым пехотным оружием, что в значительной степени парализует и лишает эффективности наши контратаки.

5. После прорыва максимальная стремительность в достижении поставленной цели. Фланги обеспечиваются небольшими подразделениями, а возможные контрудары немецких войск с флангов парализуются вторыми и третьими эшелонами наступающих.

6. Постоянное развитие творческой мысли в применении новых, исключительно эффективных тактических приемов. Так, например, мне рассказывал командующий 2-й армией генерал-полковник Вейсс, что в Бобруйской операции русское командование сумело совершенно сбросить со счетов немецкую артиллерию. Это было достигнуто следующим тактическим приемом.

Ураганная артиллерийская подготовка русских сопровождалась беспрерывными налетами штурмовиков на огневые позиции немецкой артиллерии, которая была совершенно парализована. Налеты штурмовиков продолжались и после артиллерийской подготовки на протяжении всего времени штурма немецких позиций русской пехотой, в результате немецкая артиллерия совершенно была исключена из участия в борьбе.

В январском наступлении русские применили новый замечательный тактический прием. Он заключается в следующем.

Ведется ураганная артиллерийская подготовка по всему фронту прорыва, скажем, с 8 час. 50 мин., которая продолжается до 9 час. 50 мин. В 9 час. 35 мин. артиллерийский огонь на отдельных участках прекращается или переносится в глубину (этого я точно сказать не могу), создаются коридоры в сплошной линии огня. По этим коридорам штурмовые группы русских прорываются вперед и штурмуют наши позиции в ходе ураганной артиллерийской подготовки, т. е. в тот момент, когда у нас все подавлено и деморализовано ураганным огнем.

Об этом последнем приеме у нас много говорили во второй половине января на курсах командиров полков в Деберитц.

Я считаю, и думаю, что это мнение разделяет большинство немецких офицеров, что ничего нового, достойного примечания, немецкая тактика за время войны не дала. Произошли некоторые изменения в построении обороны, создании оборонительных сооружений, но не больше... Надо откровенно признать, что оперативное искусство русских стоит выше нашего нынешнего оперативного искусства и руководства. Могу

прямо сказать, что войсковая разведка частей Красной Армии стоит выше немецкой войсковой разведки.

Первое преимущество русских заключается в том, что у них есть специальные разведывательные подразделения.

Русские с большим искусством используют условия местности и совершенно незамеченными подбираются к нашим линиям, а часто и за наши линии. Русские разведчики очень искусно маскируются, обладают большим терпением, что почти совершенно отсутствует у немецких разведчиков.

Если поставить немецкой разведгруппе задачу — выяснить наличие противника в деревне Н. (в деревне 20 домов), она подберется к деревне, будет обстреляна, сейчас же вернется назад и доложит: «Деревня занята противником».

Если русская разведгруппа получит ту же задачу, она как можно ближе подберется к указанной деревне и, будучи обстреляна, немного отойдет, замаскируется и заляжет на удобных для наблюдения пунктах. На этих пунктах эта разведгруппа будет лежать часами и наблюдать за всем происходящим в деревне. Если, скажем, из одного дома выйдет солдат с шестью котелками, русский разведчик отметит у себя, что в этом доме находится шесть солдат, если из другого дома выйдет солдат с папкой, русский разведчик отметит у себя, что в этом доме, видно, находится канцелярия и что там находится до 10 человек (писаря, фельдфебели, посыльные) и т. д. и т. п.

В результате русская разведгруппа не ограничится ничего не говорящим докладом — «деревня занята противником», а даст примерно точные данные о противнике, находящемся в данной деревне».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛА ПЕХОТЫ БЮНАУ, КОМЕНДАНТА ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РАЙОНА ГОРОДА ВЕНЫ, 1945 г.

«1. Во время боев за Вену противник применял крупные силы штурмовой и истребительной авиации. Эта авиация атаковала огневые позиции батарей на левом берегу Дуная, а также и пехотные части, причем особенно сильным атакам подвергалась 6-я танковая дивизия на острове Пратер. Днем авиация препятствовала движению по мостам. Эти действия авиации не только наносили войскам потери в людях, но и чрезвычайно затрудняли свободу передвижения.

ВВС противника имели полное господство в воздухе, не встречая никакого противодействия с немецкой стороны.

2. Русские осуществляли свои наступления методично: вперед высылалась танковая разведка с пехотным десантом, затем следовали танки, пехота с тяжелым оружием и минометами. Там, где противник наталкивался на сопротивление, он в большинстве случаев приостанавливал свое продвижение или даже совсем отказывался от намерения наступать на этом участке и пытался достигнуть своей цели в другом месте. Типичной тактикой противника было стремление осуществить охват в большом или малом масштабе (наступление через Винервальд, минуя Вену, попытка осуществить охват под Медлинг) или же пресловутое «просачивание» через территорию, покрытую лесом или застроенную зданиями. Для этого местность западнее Вены, и особенно сам город Вена, предоставляла ему прекрасные возможности. Противник всегда показывал себя мастером тактики «просачивания»; ему могли бы противостоять только численно полноценные, хорошо вооруженные и имеющие

боевой опыт пехотные соединения. Однако наши дивизии были малочисленны, плохо вооружены, частично им недоставало и боевого опыта.

3. Деятельность артиллерии противника в основном не выходила за пределы обычной огневой поддержки наступления. Крупные сосредоточения огня производились на направлениях главного удара. Особенно характеризовались массированным применением артиллерии бои за остров между Дунайским каналом и Дунаем. Здесь действовали также и крупнокалиберные РС. Иногда наблюдались огневые налеты на внутреннюю часть города (район здания парламента, Гофбург, здание управления XVII запасного округа и др.). Артиллерия усиления (корпусная, армейская или РГК), повидимому, не действовала.

Обобщая 1-й и 3-й разделы настоящей главы, следует заметить следующее: создается впечатление, что наступательные действия противника, методичные, относительно медленные, иногда почти нерешительные, не соответствовали его огромному преимуществу в людях и технике, тем более, что от противника не могли укрыться слабые стороны немецкой обороны. Возможно, что эта тактика русских объяснялась стремлением сохранить свои войска. Вена так или иначе неизбежно должна была пасть в течение весьма ограниченного времени. Оборона Вены могла продолжаться только в том случае, если бы в город были подтянуты значительные подкрепления из свежих дивизий. Эта неизбежность сдачи Вены вытекала просто из трезвой оценки сил противника в связи с развитием обстановки на фронтах. Для этого отнюдь не требовалось и значительного участия сил движения сопротивления. Это ясно даже из той оценки обстановки, которая была сделана мной еще до того, как я узнал о существовании этого движения. Возможно, что как до Вены (Медлинг), так и при боях внутри города проводниками противника служили австрийцы, принадлежавшие к движению сопротивления».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПОЛКОВНИКА РЕФИОРА ГАНСА, НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ОБОРОНЫ БЕРЛИНА, 1945 г.

«Сильные стороны. При боевых действиях внутри большого города наступающая сторона несет большие потери и теряет много времени.

Танковые соединения не могут действовать внутри города в сомкнутом строю. Направления наступления должны проходить по улицам. Эффективность огня по танкам из «панцерфаустов» создает выгодные условия для использования танкоистребительных команд.

Слабые стороны. Совершенно недостаточное строительство полевых укреплений, отсутствие кадровых частей, имеющих боевой опыт, гарнизон из фольксштурма и сводных подразделений. Полное отсутствие тяжелого оружия, особенно бронебойного оружия. Недостаток артиллерии, которая могла бы облегчить тяжелое положение пехоты. Большое превосходство в силах наступающей стороны над обороняющейся. Отсутствие частей связи. Штаб обороны Берлина должен был пользоваться сетями связи почты, партии и верховного командования, но эти сети связи скоро вышли из строя.

Против защитников Берлина действовали испытанные в боях русские армии, управляемые твердой рукой. Особенно поразительно точное и оперативное руководство со стороны среднего и высшего командования русской армии. Поставленную цель советские войска упорно преследовали, невзирая на местные неудачи. Главный удар четко и интенсивно наносился ими всегда именно на том месте, где можно было ожидать успеха. Сосредоточение огня всей наличной артиллерии на направлении

главного удара происходило образцово. Хорошо осуществлялось взаимодействие с авиацией.

Танки и авиация прокладывали путь пехоте. Танки, оставаясь вне пределов действия «панцерфаустов» и противотанковой артиллерии, вели огонь по заграждениям и вскоре разбивали их. Танковые десанты или моторизованная пехота быстро продвигались вперед. Наши опорные пункты относительно быстро разведывались и блокировались. Особое преимущество в уличных боях давало русской пехоте ее богатое вооружение автоматическим оружием. Наоборот, немецкая пехота была вооружена винтовками, и это было ее минусом.

Особенно подавляло обороняющихся сильное техническое и количественное превосходство противника, оно же придавало наступающим красноармейцам чувство морального превосходства. Цель — Берлин и перспективы окончания войны воодушевляли наступательный порыв советских войск и их командования».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БРЕМЕРА ВАЛЬТЕРА, КОМЕНДАНТА ГОРОДА БЕРЛИН, 1945 г.

«Русское наступление на среднем течении Одера, в особенности в районах Кюстрин и Франкфурт-на-Одере, хотя и не было неожиданностью для немецкого командования, но тем не менее в короткое время привело к уничтожению всех немецких войск, подготовленных для отражения удара. Причиной этого было превосходство противника в танках и артиллерии. Наши резервы, поспешно брошенные в бой из района Берлина и даже из самого города, не смогли сдержать его продвижения. Недостаток боеприпасов для трофейных орудий различных систем, которые в большом количестве были у немецкой армии на этом фронте, слишком большие участки обороны и малочисленность немецких дивизий — это были, пожалуй, основные причины краха нашей обороны.

Наступление русских раскололо немецкий фронт надвое и привело к глубокому прорыву, который фактически освободил путь на Берлин. Войска, находившиеся севернее прорыва, отошли на северо-запад, на линию Ораниенбург — Штеттин; войска, находившиеся южнее прорыва, отошли в район Люкенвальде и Шпреевальд. Успех окружения Берлина был заранее обеспечен, так как:

а) немецкие войска, разбитые на Одере, располагались фронтом не к Берлину, а на северо-запад;

б) в районе Берлина не оставалось других войск, кроме фольксштурма и прочих небоеспособных частей.

На стороне русских было превосходство в танках, на стороне немцев — недостаток противотанкового оружия. Чувству превосходства, боевому духу и уверенности в победе советских войск противостояла система временных мероприятий немецкого руководства, падение боевого духа и неуверенность в победе немецкой армии.

Под ударами наступающих со всех направлений русских танков и сопровождающей их пехоты нам не удалось удержать передний край обороны, на котором предполагалось остановить продвижение противника. После того как части Красной Армии достигли или перешли через этот передний край, мы потеряли жизненно важные предприятия (хлебозавод, продовольственные склады в северной части города и т. д.). Все усиливающийся артиллерийский обстрел, который велся почти по всем районам города, поставил немецкое командование перед неразрешимыми трудностями в деле снабжения войск продовольствием и боеприпасами. В последние дни централизованное управление обороны

9*

было очень сильно затруднено систематическим артиллерийским обстрелом правительственной части города (Кайзерхоф, или Имперской канцелярии) и Бендлерблок, где располагался штаб командующего обороной. Сплошной фронт, существовавший в начале боев, распался вследствие отсутствия своевременных приказов, указаний и данных об обстановке. Судьба Берлина была решена в тот момент, когда русские войска достигли «Цитадели», внутреннего кольца обороны Берлина. Мне кажется, что город капитулировал бы еще раньше, если бы Адольф Гитлер не сидел тут же, в своем бомбоубежище, и если бы не было известно, что он ни за что не согласится на капитуляцию.

Капитуляция Берлина одновременно была и военным поражением Германии. Политическое поражение Германии наступило еще раньше; уже примерно с 24 апреля не могло быть и речи о действенном немецком национал-социалистском правительстве, так как члены этого правительства пребывали неизвестно где.

Три группы армий не смогли выполнить свою задачу — прорвать кольцо окружения Берлина. Корпус СС, действовавший на севере, был отброшен в северном направлении. 9-я и 12-я армии были разбиты и взяты в плен частично американцами, частично русскими. Померания и Бавария, остававшиеся еще свободными от противника, были заняты им почти без боя. Существованию национал-социалистской Германии был положен конец.

Причины поражения Германии в 1945 году следует искать в различных областях. Одной из причин поражения был полный провал внешней политики Германии, курс которой за немногие годы намного увеличил число наших врагов. Безусловно, что другой основной причиной поражения была переоценка своих сил и недооценка сил наших противников в экономическом и в военном отношении. Немногие государства, которые еще оставались нашими друзьями (Италию, Румынию, Болгарию и Финляндию), национал-социалистическое правительство не умело правильно использовать, в результате эти страны бросили нас в тяжелый момент, когда наш воздушный флот ослабевал с каждым часом, когда наши подводные лодки уже не имели успеха, когда наши сухопутные войска начали нести поражения.

Германия почти до конца исчерпала все свои экономические ресурсы. Потеря источников нефти на Кавказе, в Галиции и Плоешти вызвала все возрастающее ограничение потребления горючего, что совершенно не обеспечивало потребностей войск. Систематическое разрушение немецкой промышленности авиацией противника, начавшееся в 1943 году, привело к катастрофическому снижению выпуска военной продукции. Разрушение железнодорожных линий и подвижного состава нарушило снабжение действующих войск оружием, боеприпасами и пополнением в живой силе. Потери материальной части уже нельзя было возместить.

Доверие к стратегии верховного немецкого командования было подорвано еще со времени Сталинграда. В армии очень часто происходила произвольная смена высшего командного состава. Офицеры генерального штаба, не имевшие достаточного фронтового опыта, слишком рано назначались на ответственные посты. Выполняя приказ Адольфа Гитлера, требующий не сдавать ни одного метра территории даже в случае угрозы флангового удара, немецкое командование было вынуждено распылять свои силы повсюду (Скандинавия, Югославия, французские гавани на побережье Ламанша, остров Крит и т. д.), вследствие чего оно нигде не имело превосходства над противником. Военно-воздушный флот Германии, который в начале войны был достаточно силен, остановился в своем развитии и отстал от ВВС противника».

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ ПО ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОЦЕНКЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ КНИГИ АНГЛИЙСКОГО ВОЕННОГО ПИСАТЕЛЯ ЛИДДЕЛ ГАРТА «СТРАТЕГИЯ ОДНОЙ ДИКТАТУРЫ», ИЗДАННОЙ в 1949 г. В ЦЮРИХЕ (ШВЕЙЦАРИЯ)

«Впечатления немецких генералов о Красной Армии были интересными и часто поучительными. Наиболее яркая оценка Советской Армии была дана Клейстом[1]: «Советские солдаты с самого начала проявили себя первоклассными бойцами, немецкие же войска своими успехами обязаны просто-напросто своей превосходной боевой подготовке. Русские превратились в первоклассных бойцов благодаря опыту. Они дрались чрезвычайно упорно, обладали исключительной выдержкой и могли выстоять даже при таких условиях, которые для других армий были бы немыслимы. Штабы быстро извлекли уроки из своих первых поражений и вскоре стали в высшей степени способными».

Некоторые генералы придерживались другого мнения и говорили, что русская пехота в целом оставалась весьма посредственной как в тактическом, так и техническом отношении, русские же танковые войска всегда представляли опасность. Я позволю себе заметить, однако, что подобные критические оценки были даны генералами, которые принимали участие в боях на северной половине советско-германского фронта, что наводило на мысль, что обученные и подготовленные войска Красной Армии действовали в южной части советско-германского фронта... Типпельскирх[2], 4-я армия которого была отрезана на Северном Днепре в результате летнего наступления русских в 1944 году, рассказал мне, что армии удалось избежать гибели только благодаря тому, что после того как противником был отрезан путь отступления 4-й армии на Минск, последняя была повернута на юг, на Припятские болота, и двигалась, таким образом, в обход по дорогам, которые уже давно наполовину были захвачены или же контролировались партизанами... На всем пути отхода

---

[1] Клейст — генерал-фельдмаршал, командующий 1-й танковой армией, затем командующий группой армий «А» на советско-германском фронте в 1941—1944 гг. (Прим. ред.)

[2] Типпельскирх — генерал пехоты, и. о. командующего 4-й армией на советско-германском фронте в 1944 г. (Прим. ред.)

я не встретил ни одного неповрежденного моста и был вынужден восстанавливать их на всем протяжении пути».

«Я спросил Рундштедта[1] его мнение о слабых и сильных сторонах Красной Армии в кампании 1941 года. Его ответ гласил: «Тяжелые русские танки по своим боевым качествам явились полной неожиданностью для немцев. Вместе с тем было установлено, что русские имели меньше артиллерии, чем мы предполагали, и их воздушные силы в кампании первого года войны не оказывали серьезного сопротивления». Более детальную характеристику русского оружия дал Клейст: «Их вооружение даже в 1941 году было очень хорошим, особенно танки. Их артиллерия была отличной, а также большинство видов пехотного оружия; их винтовка была более совершенна, чем наша, и имела большую скорострельность. Их танк Т-34 был лучшим в мире». В моих беседах с Мантейфелем последний подчеркивал, что русские сохранили свое первенство в моделях танков. Танк «Сталин»[2], появившийся впервые в 1944 году, является, по его мнению, лучшим из всего того, что появилось где-либо на поле боя до самого конца войны... В области вооружения, как сказал Клейст, самым тяжелым временем для русских был 1942 год. Русские не были в состоянии восполнить свои потери, понесенные в 1941 году, и в течение всего 1942 года ощущали недостаток в артиллерии. «Они вынуждены были использовать тяжелые минометы, установленные на грузовиках, чтобы компенсировать нехватку артиллерии». Но начиная с 1943 года их положение с вооружением становилось все лучше и лучше. Поступление военной техники от союзников явилось важным фактором, особенно это касалось поступления автотранспортных средств. Вместе с тем еще в большей мере приходилось считаться со все возрастающим производством военной продукции, поступающей на фронт с заводов и фабрик, расположенных на Востоке Советского Союза и находящихся вне пределов воздействия противника. Применявшиеся русскими танки были почти целиком отечественного производства.

Весьма неожиданной и вместе с тем характерной особенностью войны на Востоке явился тот факт, что русские не применяли в сколько-нибудь значительной степени воздушно-десантные войска, хотя в развитии и усовершенствовании этого рода оружия они далеко обогнали весь мир, и на всех предвоенных маневрах Советской Армии им отводилась весьма большая роль. Я обсуждал этот вопрос со Штудентом[3], который сказал следующее: «Я часто удивлялся, почему русские никогда не использовали свои парашютные войска. Причиной, как я считаю, могло быть то, что они имели недостаточную боевую подготовку, что являлось следствием недостаточного опыта как в практике самолетовождения, так и в прыжках. Все, что они достигли в этом отношении, было сбрасывание агентов и небольших отрядов с целью саботажа за линией фронта».

Дитмар[4], который по своему положению являлся ведущим военным комментатором, сказал: «В ходе войны русские добились высокого уровня своего командного состава сверху донизу. Одним из их величайших преимуществ были навыки офицеров как при обучении, так и в практическом выполнении своих профессиональных задач». Он добавил, что русские благодаря своему огромному численному превосходству могли допускать ошибки, которые для немцев были бы пагубными... В общем и целом мне-

---

[1] Рундштедт—генерал-фельдмаршал, командующий группой армий «Юг» в 1941 г. на советско-германском фронте. (Прим. ред.)

[2] «ИС». (Прим. ред.)

[3] Штудент — генерал-полковник, командующий 1-й немецкой парашютной армией. (Прим. ред.)

[4] Дитмар — генерал-лейтенант, бывший военный радиокомментатор. (Прим. ред.)

ние явно сводилось к тому, что на лестнице русского командования сильные звенья находились вверху и внизу, в то время как промежуточные командные инстанции были ненадежны. Верхние ступеньки занимались людьми, которые показали себя достаточно способными, чтобы им можно было разрешить действовать самостоятельно, и они могли беспрепятственно решать задачи по своему усмотрению. На нижних ступеньках стояли молодые офицеры, которые в ограниченных пределах своей власти хорошо овладели тактикой боя.

Но стоявшие между этими крайними ступенями командиры в силу своего положения были вынуждены больше бояться приказов и оценок своих начальников, чем противника. В этой связи один из немецких командующих с северного участка советско-германского фронта сделал характерное замечание: «Обычно было неопасно побудить русских к наступлению в условиях, когда оборона велась эластично. Русские наступали, как бык на красное, атака следовала за атакой. Это можно было объяснить тем, что их командиры боялись того, что их упрекнут свыше в недостаточной решительности, если они прервут бой».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ БРОШЮРЫ «МЕТОДЫ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ РУССКИХ ВОЙСК ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ», ИЗДАННОЙ МИНИСТЕРСТВОМ АРМИИ США в 1950 г.

Командный состав и подготовка войск

«Русское высшее командование оказалось способным с самого начала войны и в ходе ее многому научилось. Управление было гибким, очень инициативным и энергичным... Большинство командиров очень молодыми выдвинулось на высокие посты в мирное время, хотя среди них были и пожилые люди. В рядах командования были представлены все социальные слои, от чернорабочих до профессора университета, специалиста по монгольским языкам и монгольской культуре. Конечно, играли роль заслуги в революции, но основной выбор делался по личным качествам, военным знаниям и умственному развитию. Чисто партийные генералы, повидимому, получили посты не только из-за престижа. Характерным было чрезвычайное усердие, с которым командиры выполняли свои обязанности. Каждый день поздно вечером они собирались для обсуждения того, что они видели и слышали в течение дня...

В области военного обучения в России был сделан такой большой прогресс, что даже высшие командиры, имевшиеся в начале войны, полностью соответствовали занимаемым ими должностям. В этой связи следует отметить, что такая молодая, энергичная и населенная страна, как Россия, была способна дать неиссякаемый источник силы. Кроме того, эта группа офицеров пользовалась большой популярностью у населения, пропагандировалась и была очень хорошо обеспечена.

Высшее командование Красной Армии может, конечно, претендовать даже на еще большие успехи, чем достигнутые им в различных наступательных операциях с 1943 по 1945 год. Гибкость, проявленная высшим командованием (армия и фронт), не наблюдалась в нижестоящих звеньях. Низшие звенья русской армии (ниже дивизии), а также в большей части промежуточные звенья (особенно дивизия) оставались в течение длительного времени негибкими и нерешительными, избегающими личной ответственности. Строгий порядок подготовки и слишком суровая дисциплина настолько ограничивали нижестоящее командование рамками существующих уставов и наставлений, что результатом этого была полная летаргия. Инициативное выполнение поставленной задачи, рождаемое

решением отдельной личности, было редкостью. Русские части, прорывавшие немецкие позиции, могли в течение нескольких дней находиться в тылу, не сознавая выгодности своего положения и не используя его. Страх русских командиров подразделений совершить ошибку и отвечать за нее был для успешного решения поставленной задачи больше, чем стремление использовать сложившееся благоприятное положение.

Командиры русских общевойсковых подразделений были часто хорошо подготовлены в тактическом отношении, но они в какой-то степени не понимали сущности тактических доктрин и часто действовали по шаблону, а не в соответствии с обстановкой. Кроме того, существовало слепое повиновение, которое, возможно, было перенесено из регламентированной гражданской жизни русских в военную жизнь. Так, например, в конце сентября 1941 года юго-западнее Брянска один и тот же участок в течение семи дней подряд беспричинно и безуспешно с тяжелыми потерями подвергался атакам различных русских батальонов».

«Эта летаргия и боязнь принять ответственность являлись серьезными недостатками в Красной Армии, полностью сводящими на нет многие достоинства русского солдата. Позже советские командиры многому научились в этом отношении и стали гибче... Что касается заботы о войсках и военной администрации, то русские командиры частей столкнулись здесь с теми же проблемами, что и офицеры других армий. Большое внимание уделялось вопросам гигиены. Кроме того, командиры частей и подразделений занимались вопросами награждения, присвоения званий, результатами военного займа и т. п.»

«В отношении любого солдата западного мира можно сказать, как он будет вести себя в той или иной обстановке, но этого нельзя сказать в отношении русского солдата. Характерные особенности русского солдата, подобно народам его огромной страны, являются странными и противоречивыми. В минувшей войне имелись части, которые с невиданной храбростью отбивали сильные атаки немцев, а на следующий день полностью прекращали сопротивление. Другие же части один день ударялись в панику при разрыве первого снаряда, а затем стояли до последнего человека. Русские вообще не подвержены кризисам, но они могут быть также очень чувствительны к ним. Обычно они не боятся угрозы флангам, но иногда они могут быть наиболее уязвимыми на флангах. Они игнорируют многие давно установившиеся требования тактики, но смело следуют своим собственным методам... При наступлении русские дрались до смерти. Несмотря на самую тщательную организацию обороны немцами, они продолжали продвигаться вперед, совершенно не реагируя на потери. Как правило, они не подвержены панике. Например, при прорыве оборонительных укреплений под Брянском в октябре 1941 года доты русских, которые давно уже были обойдены и в течение ряда дней были уже в тылу немцев, удерживались, хотя не было никакой надежды на помощь. После форсирования немцами Буга в июле 1941 года укрепления, которые первоначально были очищены от противника 167-й пехотной дивизией, были через несколько дней вновь заняты группами русских солдат, отставших от своих частей, и затем их пришлось с большим трудом отбивать дивизией, двигавшейся в тылу. Подвал в центре Брест-Литовской крепости удерживался в течение многих дней, выдерживая наступления немецкой дивизии при очень сильной огневой поддержке.

Сумма этих самых различных особенностей делает русского лучшим солдатом, который под руководством понимающих командиров является опасным противником. Было бы серьезной ошибкой недооценивать русского солдата, хотя он не отвечает полностью требованиям современной войны и обучению бойца».

«Оценивая основные качества русского солдата, следует добавить, что по природе он храбр, о чем наглядно свидетельствует история. Это русский солдат в 1807 году впервые устоял против Наполеона, прошедшего победным маршем по Европе; это сопротивление можно назвать эпическим.

Кроме простоты, проявляющейся в ограниченности житейских запросов и примитивном образе жизни, русский солдат хорошо знаком с природой. Не будет преувеличением сказать, что на русского солдата не влияют ни погода, ни местность. Этот иммунитет дал ему решающее преимущество над немцами, особенно на территории России, где погода, температура и местность играют решающую роль... Родство с природой, которое присуще русским в большей степени, чем другим народам Европы, также является источником способности русского солдата приспосабливаться к местности и фактически срастаться с ней. Русский солдат является мастером маскировки, окапывания и сооружения укреплений. С огромной быстротой он исчезает в земле, для того чтобы использовать местность для создания малозаметных укреплений. Когда русский солдат окопался и приспособился к ландшафту, он является в два раза более опасным противником. Требуется огромная осторожность при движении по незнакомой местности. Даже продолжительное тщательное наблюдение часто не обнаруживает отлично замаскированного русского солдата. Часто немецкие разведывательные дозоры проходили рядом с позициями русских и отдельными солдатами, не замечая их, а затем подвергались обстрелу с тыла. Следует удвоить осторожность в лесистой местности. На этой местности русские часто исчезают бесследно, и их приходится выбивать поодиночке, по индейскому образцу. В лесистой местности стрельба снайперов с деревьев особенно практикуется русскими как метод ведения боя.

Индустриализация страны, осуществленная в сравнительно короткий срок, дала Советской Армии большое количество заводских рабочих, полностью владеющих техническими навыками. С поразительной быстротой русские освоили все виды нового оружия и боевой техники, овладели всеми требованиями машинной войны. Солдаты, подготовленные в техническом отношении, были тщательно распределены по частям, где они давали необходимые основы знания своим менее подготовленным городским товарищам и призывникам из сельской местности.

Техническое мастерство русских было особенно заметно в областях связи, и, чем дольше продолжалась война, тем больше совершенствовалось мастерство русских в использовании средств связи. Их связь непрерывно улучшалась: с замечательным мастерством русские вскоре освоились также и с немецкими средствами связи. Передача и настройка, создание помех и введение в заблуждение являлось искусством, которое они очень хорошо знали. В то время как в первую мировую войну телефон еще являлся мечтой для среднего русского солдата, во второй мировой войне он считал сложную радиоустановку занимательной игрушкой. В области связи русский солдат соблюдал строгую дисциплину, задавая много загадок для немецкой разведки средствами связи.

В противоположность этой положительной стороне русского солдата имелись также и отрицательные в военном отношении стороны. Для немцев одной из загадок было решить, какие качества преобладают в каждой отдельно взятой русской части: отрицательные или положительные».

«Все еще оставались ощутительными отсутствие гибкости и апатия, которые еще не были изжиты и которые, повидимому, не будут изжиты в ближайшем будущем.

Несколько слов об изобретательности русских. Они редко прибегали к хитрости в крупных масштабах. Обычные уловки, как введение в за-

блуждение в отношении количества войск усилением огня и другими средствами, также часто применялись русскими, как и другими армиями. Они очень редко проводили демонстрации наступления».

Рода войск

«**Пехота.** Портрет русского солдата, изображаемого до сих пор, отображает главным образом пехоту. Этот род войск дает основную массу личного состава, участвующую в бою, и наиболее ярко выражает качества, характерные для русского солдата. Пехота Красной Армии продолжительное время составляла основу русской военной машины. В Заполярье это оставалось в силе в течение всей войны. Как видно из вышеприведенной характеристики русского солдата, советская пехота была исполнительна, нетребовательна, достаточно подготовлена и оснащена и прежде всего смела и полна беззаветной преданности своему долгу...

Русский пехотинец — член коллектива и предпочитает сражаться вместе с другими, а не самостоятельно. В наступлении эта особенность проявлялась в плотных боевых порядках, иногда почти пачками; в обороне это проявлялось в упорном сопротивлении гарнизонов дотов. В этом случае не было отдельных личностей, действовавших в своих личных интересах.

Солдаты помогали друг другу и даже интересовались личной жизнью своих товарищей.

Как уже отмечалось, на русского солдата, очевидно, не оказывали воздействия погода и местность. Он был почти полным хозяином местности. Для пехоты, повидимому, на местности не было препятствий. Он чувствовал себя как дома как в густом лесу, так в болоте или бездорожной степи. Трудная местность останавливала его только на короткий срок. Даже широкие русские реки форсировались быстро с помощью примитивных подручных средств. Немцы никогда не могли рассчитывать, что русские будут задержаны местностью, которая обычно считается непроходимой. Как раз в этих местах следовало ожидать их появления, а часто и их удара».

«Лучшим оружием русского пехотинца был автомат. Он был прост в обращении, безотказно действовал в условиях русской зимы, и немцы очень высоко ценили его. Автомат носили на груди в готовности к немедленному действию. Миномет был особенно ценным, идеальным оружием на местности, где невозможно было оказывать артиллерийскую поддержку. В начале Восточной кампании русская пехота намного превосходила немцев в минометном вооружении и в его использовании.

То же относится и к русской противотанковой артиллерии, которая в начале кампании по своей эффективности значительно превосходила немецкую противотанковую артиллерию, а поэтому когда она захватывалась немцами, то сразу же вводилась в действие... Повсюду с огромным искусством русские организовывали противотанковую оборону. Она организовывалась даже там, где не ожидалось атак немецких танков. Огневые позиции сооружались в несколько минут. Если орудие малого калибра, всегда отлично замаскированное, не требовалось для противотанковой обороны, то, обладая настильной траекторией и большой точностью огня, оно с успехом использовалось против пехоты».

«Во второй мировой войне русская пехота имела также и существенные отрицательные стороны: она не была любознательной, а ее разведка была очень плохой. Боевые дозоры являлись средством добывания сведений о противнике только тогда, когда в этом испытывалась необходимость. Хотя русские проявляли себя отличными разведчиками, их способности в этой области использовались очень слабо. Русское высшее командование было всегда хорошо информировано о положении у нем-

цев через радиоперехват, допрос военнопленных, трофейные документы и другие средства. Однако в промежуточных и низших звеньях, повидимому, очень мало интересовались противником... Обмундирование и вооружение русского пехотинца отвечали требованиям действий как в летних, так и в зимних условиях. Немцы были удивлены тем, насколько хорошо были одеты сибиряки зимой 1941—1942 годов. Как и следовало ожидать, войска, действовавшие в Заполярье, были также хорошо обмундированы. Русский пехотинец уступал немцам и финнам только в хождении на лыжах. Конечно, делались попытки ликвидировать этот недостаток усиленной подготовкой, но все эти попытки были обречены на неудачу, так как никогда у них не было более одной пары лыж на несколько человек.

Снаряжение, необходимое для каждого немца, часто считалось русскими ненужным. Противогазы обычно хранились в складах дивизий; в Заполярье стальные каски носились в редких случаях.

Артиллерия. Эффективность русской артиллерии сильно менялась на различных этапах войны. В начале войны артиллерия не могла вести эффективного массированного огня и не уделяла внимания подавлению целей в глубине главной полосы обороны даже при наличии хорошего наблюдения. Например, рогачевская водонапорная башня и железнодорожные диспетчерские будки, а также высокая железнодорожная насыпь у Жлобина, находившиеся в руках русских во время боев в треугольнике Днепр — Березина, позволяли обозревать местность на многие километры; тем не менее они не были использованы для управления огнем по важным целям в тылу немецких войск. На фронте в районе города Кандалакша непрерывное снабжение немецких войск осуществлялось на виду русских наблюдательных пунктов. Транспорты со снабжением никогда не обстреливались русской артиллерией. С другой стороны, русская артиллерия любила вести огонь по фронту и временами обстреливала перекрестки дорог вблизи от фронта.

В ходе войны для Красной Армии стало характерным массированное использование артиллерии. Наступление пехоты без артиллерийской подготовки проводилось в редких случаях. Непродолжительная (несколько минут) массированная подготовка, применявшаяся немцами в целях достижения внезапности, казалась для русских недостаточной. Таким образом, рассчитывая на разрушающее действие массированного огня, они намеренно шли на то, что немцы разгадают намерения наступающих. Артиллерийский огонь русских часто не имел основной цели, а охватывал весь район с одинаковой плотностью. Русская артиллерия была уязвима для контрбатарейного огня. Она прекращала ведение огня или меняла позиции после нескольких выстрелов немецких пушек. Характерными были жесткость плана огня и некоторая неподвижность советской артиллерии, по крайней мере в первые годы войны. Только в редких случаях артиллерии удавалось с успехом быстро сопровождать пехоту. В большинстве же случаев артиллерия не могла сопровождать пехоту; она оставалась на прежних огневых позициях, оставляя пехоту без огневой поддержки, что часто приводило к снижению темпов наступления русских войск.

В ходе войны тактика наступления русской артиллерии непрерывно совершенствовалась. Однако, как правило, эта тактика была приведена к постоянно повторяющейся определенной схеме. Начальным этапом наступления являлась сильная артиллерийская подготовка на широком фронте и в глубину, продолжительностью один — два часа. Перед самым началом наступления русские внезапно переносили огонь на очень узких участках (шириной 80—100 м), по которым должна была двигаться пехота.

На других участках обстрел продолжался с неуменьшающимся напряжением. Только очень тщательное наблюдение немцев позволяло определить начало атаки. Этот метод создавал впечатление, что артиллерийская подготовка все еще продолжается с прежней силой, хотя в действительности пехота уже перешла в наступление.

Однако, несмотря на многие недостатки, русская артиллерия была очень хорошим и чрезвычайно опасным родом войск. Ее огонь был действительно быстрым и точным. Особенно в период крупных наступлений летом 1944 года стало ясно, что русские хорошо научились массированию артиллерии и использованию артиллерийских соединений. Установление определенного района главного удара и использование превосходящего количества артиллерии во многих местах сокрушали неглубокую оборону немцев на Восточном фронте до начала наступления.

Оправдавший себя метод сосредоточения артиллерии на направлении главного удара будет применяться русскими и в будущей войне при наличии у них необходимого количества артиллерии и боеприпасов.

Бронетанковые войска. Основой материальной части русских бронетанковых войск был хорошо известный танк Т-34. Благодаря широким гусеницам, мощному двигателю и низкому силуэту тактико-технические данные танка Т-34 на территории России были часто выше тактико-технических данных немецких танков, особенно в отношении проходимости по пересеченной местности. К удивлению всех немецких специалистов, танк Т-34 легко преодолевал местность, которая теоретически считалась танконедоступной. Калибр орудия танка был слишком мал и вынудил русских к созданию нескольких новых типов танков (КВ-1 и ИС), которые, подобно немецким типам, постепенно утяжелялись. Несмотря на все усовершенствования, новые танки в целом оставались хуже танка Т-34. Русские сознавали это и до конца войны продолжали массовое производство танков Т-34.

Только в конце войны русские решили производить концентрированные наступления крупными танковыми силами. В первые годы войны русские танки обычно использовались для непосредственной поддержки пехоты. Наступление советских танков как таковое стало возможным, когда стало достаточно машин. В этом случае русские также придерживались обычно привычки массированного использования их.

Танковые атаки проводились в медленном темпе. Часто они недостаточно хорошо соответствовали характеру местности. Подобное явление наблюдалось немцами время от времени на протяжении всей войны.

Подготовка водителей танков была недостаточной; продолжительность подготовки, повидимому, была слишком небольшой, а потери в опытных водителях очень большими. Русские избегали пускать свои танки по оврагам и обратным скатам, предпочитая двигаться по хребту, что уменьшало трудности для водителя. Эта практика не менялась, даже несмотря на необычно большие потери в танках. В результате немцы в большинстве случаев могли вести огонь по русским танкам с больших дистанций и наносить им потери еще до начала боя. Медленное и неуверенное вождение машин и многочисленные остановки для стрельбы делали русские танки хорошей целью. Преждевременное открытие огня по русским танкам, хотя в принципе и неправильное, всегда осуществлялось немцами в этих случаях. Если немцы подготовились к обороне и она была прочной, в большинстве случаев массы русских танков быстро таяли. Этот недостаток в тактике русских танков может быть исправлен только подготовкой в мирное время, но его вряд ли можно ликвидировать полностью. В целом русские бронетанковые войска не были такими хорошими, как русская артиллерия. Ограниченная гибкость и неспособность подчиненных

командиров быстро и правильно использовать благоприятные условия были очевидны и часто лишали русских достижения возможного для них успеха. Однако к концу войны недостаток средств у немцев не позволял им больше противостоять огромному количеству средств, имевшихся у Красной Армии.

Кавалерия. В этой кампании русская кавалерия, несмотря на изменения в тактике и материальной части, имела такое же значение, как в прежнее время.

Во время боев в треугольнике Днепр — Березина в тылу немецкого корпуса, ведшего тяжелые бои на западном берегу Березины у Бобруйска, из Припятских болот появился кавалерийский корпус в составе трех дивизий.

Этот корпус перерезал шоссейную дорогу Слуцк — Бобруйск и железную дорогу Минск — Бобруйск и тем самым на неделю лишил корпус снабжения и отрезал его от тылов. Самому Бобруйску с его мостами создавалась серьезная угроза...

Другие рода войск, кроме кавалерии, не смогли бы совершить такой рейд.

При движении в октябре — ноябре 1941 года из Брянского мешка на север через Плавск в верхнее течение р. Дон 112-я пехотная дивизия 53-го армейского корпуса на дороге Орел — Тула столкнулась с русской кавалерийской дивизией. Эта кавалерийская дивизия имела задачей удерживать города на пути своего движения и оставлять их, как только немецкая дивизия развернется для наступления. В результате 112-й пехотной дивизии пришлось непрерывно вести мелкие бои.

При боях на окружение юго-восточнее Плавска русские кавалерийские дивизии появлялись на обоих флангах фронта русского наступления. Вышеупомянутая дивизия действовала на северном крыле. Русское командование ввело ее в бой в то время, когда на этом направлении появилась 112-я пехотная дивизия. Кавалерийская дивизия достигла Плавска быстрее 112-й пехотной дивизии и сдерживала ее наступление до подхода к фронту русской стрелковой дивизии. Ранее упомянутая кавалерийская дивизия действовала на южном крыле. Она должна была форсированным маршем дойти до шоссе Орел — Тула и перерезать его у Черни — в тех условиях многообещающая и осуществимая задача для кавалерийской дивизии. Дальнейшее движение корпуса в верховья Дона происходило при непрерывном наблюдении и сопровождении кавалерийской дивизии на удалении 8—16 км справа от него.

Кавалерийская дивизия могла бы сразу вступить в бой в любых условиях, если бы получила на это приказ от вышестоящего русского командования... В условиях крупных лесных массивов и заболоченных районов, в распутицу и глубокий снег, которые характерны для Центральной России, кавалерия является единственно применимым родом войск. Там, где не проходила немецкая машина, проходила русская кавалерия. Боевое использование кавалерии, однако, не всегда отвечало требованиям обстановки и иногда даже было странным. Управление и подготовка русской кавалерии были ниже уровня первой мировой войны».

Методы боевых действий

Методы боевых действий советских войск, так же как и сам русский солдат, имели свои специфические особенности. Наиболее общей формой действия было массированное их использование. Однако, располагая большим количеством живой силы и материальной части, русские обычно использовали их неискусно и шаблонно, хотя в большинстве случаев им и удавалось достигать поставленных целей. Этому способствовало наличие у них огромных людских резервов и материальных средств, а также

презрение русских к смерти. Последнее достигло особенно большой высоты при коммунистическом строе. Опыт показал, что русские за двумя отбитыми с огромными потерями атаками начинали на том же участке и тем же методом третью атаку, а затем и четвертую.

Не обращая внимания на неудачи и потери, всегда вперед пускались новые волны. В основе этого массированного использования сил лежит необычное отсутствие гибкости мышления и чрезвычайное упрямство, которые обходились очень дорого... Только с 1944 года русские начали использовать свои людские резервы более экономно. В приказах впервые упоминается об экономном использовании живой силы и содержатся призывы избегать излишних потерь. Тем не менее, уменьшение плотности боевых порядков наступающих было незнакомо для русских почти до конца войны. Но и в самые последние дни войны стадный инстинкт и отсутствие самостоятельности у части подчиненных командиров время от времени приводили их к массированному использованию живой силы.

Не особенно трудно отбить массированное наступление живой силы при наличии в опытных руках обороняющегося большого количества техники. Отсутствие гибкости в методах ведения боевых действий проявлялось постоянно. Оно наблюдалось даже в таком звене, как армия. Исключение составляло только высшее командование в последние годы войны.

В дивизиях, полках и ротах отсутствие гибкости, несомненно, являлось замедляющим фактором в ведении боевых действий. Граница дивизии являлась священной стеной, и интересы соседа останавливались перед этой стеной. Бессмысленное повторение атак, жесткость артиллерийского огня и разметка полос наступления и движения без учета местности являлись дополнительными симптомами отсутствия гибкости. Командиры проявляли некоторую гибкость в частых перегруппировках частей на фронте. Эти части за ночь скрытно исчезали и через несколько дней появлялись на другом участке фронта. Однако смена и замена частей не были подвигом при наличии таких резервов, которыми обладали русские; с другой стороны, это было бы труднее, если бы их не было, как это было у немцев... В то же время ни одна советская часть, перебрасываемая с участка на участок, никогда не исчезала. Можно было вполне предполагать, что отводимая часть будет введена в бой в полосе той же армии.

Организация армии и входящие в ее состав дивизии оставались постоянными. Замена дивизий в армиях происходила в редких случаях».

«Хотя обычно русское командование не было искусным в импровизации, тем не менее оно знало, как восстановить силы потрепанных частей. Однако часто было, что полученное пополнение без подготовки или с краткосрочной подготовкой бросалось в бой.

Предполагалось, что они всему научатся в бою, а оружие получат от своих убитых товарищей. Русские сами сознавали, что это не солдаты, но они шли на это и заполняли ими образовавшиеся бреши... Другой особенностью боевых действий русских войск было просачивание. Оно особенно подходило русским, и они были мастерами просачивания.

Несмотря на тщательное наблюдение за путями подхода, русские появлялись неожиданно; никто не знал, откуда они появились и сколько времени они находятся в том или ином районе. Когда местность считалась непроходимой, ее приходилось держать под тщательным наблюдением для двойной гарантии безопасности — как раз там просачивались русские. Там они обычно появлялись неожиданно в большом количестве и сразу же исчезали в земле. Никто ничего не видел. Из-за растянутости фронта немецкой обороны не представляло большого труда пробраться между широко разделенными друг от друга опорными пунктами, но всегда было неожи-

данностью, когда, несмотря на бдительность ночью, немцы обнаруживали на следующее утро, что значительные силы русских с вооружением и боеприпасами сосредоточились и окопались глубоко у них в тылу. Эти действия осуществлялись с непостижимым искусством, совершенно бесшумно и почти всегда без боя. Это был очень выгодный метод, обеспечивающий в сотнях случаев успех и дававший русским большие преимущества. Против него существовало только одно противодействие: крайняя бдительность и прочно оборудованные, глубокие, постоянно охраняемые позиции.

Постоянное стремление русских создавать плацдармы имеет ту же природу. Эти плацдармы часто создавались для устрашения немцев и истощения их сил, а также часто являлись плацдармом для наступления русских войск. Они создавались путем просачивания или атаки и являлись опасным русским приемом. Непринятие мер по ликвидации этих плацдармов или задержка с ними по любым причинам оказывалось опасным и гибельным. Плацдармы русских, просуществовавшие только сутки, превращались в серьезную угрозу. Если вечером вновь созданный плацдарм занимался только одной ротой русских, то на следующее утро он превращался в неприступную крепость, обороняемую по меньшей мере полком с тяжелым вооружением. Независимо от силы и точности огня немецких войск приток людей на плацдарм не прекращался. Независимо от контрмер плацдарм продолжал расти. Только при использовании очень крупных сил и проведении целого ряда подготовительных мероприятий его можно было блокировать и при наличии благоприятных обстоятельств уничтожить, но это всегда было связано с тяжелыми потерями.

Таким образом, невозможно ограниченными силами воспрепятствовать захвату противником плацдармов и закреплению на них. Имелся единственный способ борьбы с ними, и он стал правилом: каждый плацдарм русских, находящийся в стадии образования, и каждая выдвинутая позиция, независимо от их размеров, должны немедленно до полного создания подвергаться атакам и уничтожаться. Если немцы ожидали даже в течение нескольких часов, в большинстве случаев было уже поздно, а на следующий день шансы на успех почти отсутствовали. Если имелся хоть один взвод пехоты и один танк, их необходимо было сразу же бросать в бой, пока русские еще не окопались, были на виду и в пределах досягаемости, не организовали системы огня и не имели на новых позициях тяжелого оружия. Через некоторое время у них все это уже было. Любая задержка вела к катастрофе; к успеху вела только немедленная контратака.

Родство русских с природой выражалось также в стремлении к действиям ночью. Смена позиций и сосредоточение войск, проводимые бесшумно под покровом темноты, были более частым явлением, чем ночные атаки, которые сами по себе не являлись редкостью. Однако в целом русские избегали проводить ночью крупные атаки, так как им казалось, что солдаты и подчиненные командиры не обладали необходимой самоуверенностью. Крупные наступательные операции проводились ночью только в том случае, если победа, на которую рассчитывало высшее командование, не была одержана в ходе боевых действий днем. С другой стороны ночные атаки с ограниченной целью производились главным образом только одной пехотой, без поддержки артиллерии. Немцы знали, что следует быть готовым к попыткам русских отобрать ночью позицию, которая была оставлена ими днем».

«Отношения русских к правилам ведения боевых действий и способам их ведения, таким, как охват, угроза флангу, демонстрация, внезапность и т. п., нельзя было определить заранее. В одном случае русские действовали в соответствии с правилами и оказывали противодействие раньше,

чем этого ожидали; в другом случае все усилия были безответными и ни угроза окружения, ни угроза флангам не страшили их. Поэтому борьба с русскими покоилась на совершенно новой основе: предварительные расчеты были бесполезными, и любое действие было полно неожиданности. Иногда позиции, представляющие большую ценность с точки зрения обычных взглядов, без сопротивления оставлялись русскими. В других случаях отдельные рубежи, не представляющие никакой ценности, удерживались, несмотря на большие потери. В этих случаях русские часто полагались только на интуицию, являющуюся заменой практических знаний. Нужно признать, что это военное чутье часто у русских давало бо́льшие результаты, чем теории многих академий. Правильность многих действий, казавшихся вначале неожиданными, часто подтверждалась позднее.

Имелось только одно военное заблуждение, от которого русские не смогли избавиться, несмотря на все потери: вера, что ввиду эволюции ценность представляет только местность. Они боролись за каждую высоту, сражаясь за нее с упорством, вводя в бой большие силы, без учета того, господствует ли она в действительности на местности и диктуется ли ее захват обстановкой. Если высота была действительно важной, немцы стремились занять ее до русских; в противном случае нужно было ожидать, что ее захват будет стоить больших потерь. В большинстве случаев, кроме вышеуказанного, достаточно было обладать ровной местностью; ценность высот часто переоценивалась... Следует отметить отличное использование русскими железных дорог, хотя это непосредственно не относится к бою. С помощью железных дорог русские осуществляли стратегическое сосредоточение и переброски соединений, одной или нескольких армий в невероятно короткие сроки. Несовершенная железнодорожная сеть Европейской части России не часто давала возможность для подобных операций, но как только появлялась возможность, она полностью использовалась. Использовались все средства, даже те, которые носили явный признак импровизации: непрерывный поток эшелонов без соблюдения каких-либо требований техники безопасности движения; эшелоны, следующие на расстоянии зрительной связи друг от друга; движение в одном направлении по обеим колеям; чрезмерная перегрузка поездов. Количество эшелонов на одну часть было меньшим, чем в любой другой армии. Русским не нужны были ни багаж, ни вспомогательные средства, ни огромные канцелярские ящики, ни лишние машины, ни большое количество продовольствия. Они набивались в вагон, как сардины в консервную банку. Широкая колея и соответственно большая ширина русских железнодорожных вагонов в этой связи имели большое значение. В любом случае, используя этот вид железнодорожного транспорта, русским удавалось ошеломлять немецкое командование, так как подобная быстрота таких крупных перевозок по железным дорогам шла вразрез с имеющимся опытом».

Наступательные действия русских войск

«Русские предпочитали проводить крупные наступательные операции зимой, так как их войска привыкли к зиме и были хорошо обмундированы и обучены для действий зимой. Русские превосходили все народы Центральной и Западной Европы в отношении выдержки в суровых условиях погоды и климата. Потери от обморожения в Красной Армии были исключением. Обморозившиеся солдаты получали взыскания. Даже в суровую зиму 1941—1942 годов русские могли без вреда для своего здоровья по нескольку дней находиться в снегу, защищаясь простыми укрытиями от ветра.

Первое крупное наступление советских войск западнее Москвы началось 6 декабря 1941 года. В период с 6 декабря 1941 года до 14 апреля 1942 года им удалось достигнуть рубежа Вязьма — Ржев.

Крупная наступательная операция в районе Сталинграда, закончившаяся окружением под Сталинградом 6-й немецкой армии, началась 19 ноября 1942 года и закончилась в середине марта 1943 года. В результате им удалось изменить обстановку на фронте протяжением 1600 км и продвинуться на запад до 480 км.

На рождество 1943 года русские начали наступление из района юго-западнее Киева. Оно продолжалось до начала распутицы в марте 1944 года и привело к ликвидации немецких дивизий в Черкасском мешке, окружению Тарнополя и перенесению немецкого фронта на запад, на линию Станислав — Львов — Ковель.

Генеральное наступление русских, начатое по всему Восточному фронту в середине января 1945 года, привело к занятию Венгрии, Польши, Силезии, Восточной Пруссии и Померании».

«Основой русского наступления является массированное применение живой силы и техники... Внезапность нападения немцев на Восточном фронте в июне 1941 года не позволила русским сразу же применить тактику массированного использования войск и вызвала поражение советских войск. Однако, опираясь на неистощимые резервы и на препятствия, имевшиеся на огромной территории, Советский Союз смог сосредоточить огромные массы войск и создать новый ударный кулак. Оснащенный огромным количеством вооружения и спаянный коммунизмом, этот ударный кулак стал непобедимым, несмотря на его многочисленные недостатки. Постепенно немецкая армия дробилась на части и сокрушалась под ударами силы, которую можно назвать современным «сверхударным кулаком».

Еще в 1941 году русские неоднократно пытались контратаками остановить наступление немцев. Для этого они использовали кавалерию и танки, а иногда и большое количество пехоты. Им удавалось временно на некоторых участках останавливать немецкую армию, но не удавалось останавливать всего наступления в целом.

Наступательные действия русских в 1941 году можно проследить на следующих примерах.

14 июля 1941 года боевой группе 6-й танковой дивизии в составе двух пехотных батальонов, одного танкового батальона, двух артиллерийских дивизионов, одного зенитного дивизиона и одной саперной роты удалось внезапным ударом захватить два моста через р. Лугу и Поречье (100 км юго-западнее Ленинграда) и создать небольшой плацдарм. Крупные танковые силы, которые должны были следовать за ней, на несколько дней завязли в лесисто-болотистой местности, и боевой группе пришлось в течение продолжительного времени действовать самостоятельно.

Для ее ликвидации русские перебросили из Ленинграда по железной дороге и на автомашинах части трех пролетарских дивизий [1]. Несмотря на то, что противник превосходил немцев в шесть раз, им все же удалось удержать плацдарм...

По десять раз в день противник атаковал развилку дорог, образующую выступающую дугу на плацдарме. Каждую атаку возглавляли танки, эшелонированные в глубину настолько, насколько это позволяла узкая дорога. Атаки противника отбивались, но они вновь возобновлялись. Войска русских сосредоточивались под прикрытием подбитых танков и гор трупов и безрассудно бросались под губительный заградительный огонь

[1] Повидимому, речь идет о дивизиях народного ополчения. (Прим. ред.)

немцев. Атаки не имели успеха, и у противника вскоре не стало необходимых сил и боеприпасов продолжать их. Однако вскоре из Ленинграда прибыло пополнение из пролетарских подразделений и боеприпасы. Атаки на развилку дорог упрямо и беспрерывно возобновлялись до тех пор, пока проход через узкий коридор для наступления стал невозможен, так как он был забит подбитыми танками противника и горами разлагающихся трупов. Позже только на этом участке немцы насчитали более 2000 убитых русских и 78 подбитых танков противника.

Единственное изменение в ведении наступления противником состояло в том, что иногда наступление велось по обеим сторонам дороги, ведущей к развилке с севера, а иногда по дороге, ведущей к развилке с юга. Однако одновременных атак по обоим направлениям не производилось, так как в них участвовали различные дивизии, а между ними не было организовано взаимодействие. Танки всегда наступали по северной дороге. Их атаки также прекратились только тогда, когда невозможно стало пройти между 78 подбитыми танками, а заболоченный лес и озеро глубиной 15 м исключали обход.

Последующие атаки проводились через лес с тем, чтобы отрезать плацдарм. Нельзя было предотвратить массированных атак, так как было мало сил для обороны растянутых флангов плацдарма... С тем же упрямством, с каким противник атаковал развилку дорог, он производил ежедневно несколько атак по флангам, и каждый раз ему удавалось выйти к дороге. Через полчаса по противнику наносился удар с двух сторон, и он уничтожался огнем танков. Только остаткам удавалось скрыться в лесу. После того как попытки отрезать плацдарм не удались, противник начал атаковать непосредственно мосты. При этом русскому батальону численностью в 150 человек удалось, сломив слабую оборону немцев, достигнуть южного моста. Пока русские переправлялись по мосту, немецкие бронетранспортеры нанесли по ним неожиданный удар и полностью уничтожили их. Вопреки обычной практике противник не повторил своей попытки. Вместо этого он выслал из Кингисеппа усиленный пехотный полк, а затем два батальона 3-й пролетарской дивизии для удара в тыл плацдарма. Обе эти группы были взяты в клещи головными частями основных наших сил, которые в это время двигались с юго-запада, и усиленным танковым подразделением — с плацдарма. В результате полк был рассеян, а два батальона уничтожены. Плацдарм был затем усилен немецкими частями, прибывшими из тыла, и стал неприступным.

Вышеприведенный пример показывает полную несостоятельность промежуточного и низшего звеньев русского командования, которые не знали, как организовать взаимодействие имевшихся сил и средств для одновременного наступления со всех сторон. Слабые немецкие части, которые вели безнадежную борьбу, не смогли бы выдержать подобного наступления.

Вторым примером может быть наступление русских юго-восточнее Плавска в ноябре 1941 года, вылившееся фактически во встречное сражение. Русские войска, наступавшие против действовавших под Тулой немецких танковых войск, внезапно столкнулись с 53-м армейским корпусом, продвигавшимся с запада. Русское командование умело использовало создавшуюся обстановку, являвшуюся одинаково благоприятной для обеих сторон, так как местность, где войска вошли в соприкосновение, и боевые порядки их позволяли им быстро развернуть свои силы.

В стратегическом отношении удар русских в направлении Тулы был хорошо задуман. На этом этапе русское высшее командование также действовало правильно и в тактическом отношении, а 6-я стрелковая дивизия, первой вступившая в бои, действовала быстро и решительно.

В сложившейся обстановке русское командование, стремясь упредить противника, быстро развернуло части 6-й стрелковой дивизии на достигнутом рубеже, которые остановили передовые части 53-го армейского корпуса. Одновременно оно начало быстро стягивать новые части в район предстоящих активных действий. Кавалерийская дивизия, совершавшая марш севернее, прекратила свои действия против 112-й пехотной дивизии немцев и начала спешно выдвигаться в этот район.

Кавалерийской дивизии, находившейся под Ефремовом, было приказано форсированным маршем по проселочным дорогам выйти в район Чернь и перерезать дорогу Орел — Плавское... 6-я стрелковая дивизия действовала смело и решительно. Когда была создана угроза ее западному флангу, а следующие за ней дивизии еще не подтянулись, она ликвидировала эту угрозу собственными силами. Дивизия удерживала занимаемый рубеж до тех пор, пока не была подтянута из глубины вторая дивизия.

Выдвинувшаяся дивизия развернулась в боевые порядки непосредственно из походных колонн, сосредоточив основные силы на направлении главного удара. Вслед за ней в бой была введена танковая бригада. Только быстрая переброска немецких войск на это направление лишила русских успеха.

Развитие русскими методов ведения наступления. Первое крупное, заранее спланированное наступление русские провели в суровую зиму 1941—1942 годов в районе Москвы. Оно было хорошо продумано и умело использовало неподготовленность немецкой армии к действиям в условиях распутицы и зимой. Это наступление явилось поворотным пунктом в Восточной кампании, однако оно не решило кампании, как этого ожидали русские, так как оно не достигло поставленной цели.

Согласно русским методам боевых действий наступление крупными силами должно было расшатать немецкий фронт, а вклинивающиеся и просачивающиеся через фронт части должны выходить в тыл противнику и отрезать его от баз снабжения.

К началу холодов немцы еще не были подготовлены к обороне. На некоторых участках обстановка еще была неясной. Промерзшая земля и очень сильные снегопады исключили методическое создание оборонительных сооружений. Используя ненастную погоду и метель, русские атаковывали немецкие позиции волнами одна за другой. В это время русские еще не имели опыта в методической подготовке наступления массированным огнем тяжелого оружия и артиллерии, а также в массированном применении танков в наступлении.

Наступление обычно велось на широком фронте, для чего сосредоточивались превосходящие силы. Взаимодействие между родами войск постепенно улучшалось и организовывалось по немецкому образцу.

Когда атаки русских одна за другой отбивались и противник нес большие потери, он прибегал к тактике просачивания. Для этого применялись подвижные войска. Если местность позволяла, предпочтение отдавалось танковым и лыжным подразделениям.

По мере приобретения опыта методы наступления русских подвергались изменениям. Однако в 1941—1942 годах особых изменений не отмечалось. Взаимодействие между различными видами огневых средств пехоты было попрежнему несовершенным. Артиллерийская подготовка еще не была обязательной. Артиллерийская поддержка была активной, но очень часто без определенного плана огня.

При ведении артиллерийской подготовки атаки артиллерия массировалась на направлении главного удара и вела сосредоточенный огонь по позициям пехоты, огневым позициям батарей, населенным пунктам и уз-

лам дорог. Во время артиллерийской подготовки пехота подтягивалась на исходный рубеж для атаки. По выполнении ближайшей задачи, рубеж которой находился в пределах дальности огня поддерживающей артиллерии, делалась продолжительная остановка, так как артиллерия и тяжелое оружие русских не могли сменять позиции так, чтобы обеспечивать непрерывное движение вперед. Пехота сразу же окапывалась и высылала вперед только разведку. Во время этих остановок пехоте приходилось полагаться лишь исключительно на поддержку танков непосредственной поддержки пехоты и минометов. Русские батальоны тяжелых минометов (вероятно, 120-мм) являлись идеальным артиллерийским средством непосредственной поддержки пехоты. Однако они также продвигались слишком медленно для оказания непрерывной поддержки пехоте, действовали очень осторожно и использовались чаще как самоходные артиллерийские установки или как бронированные артиллерийские орудия пехоты.

Даже в начале Восточной кампании русская пехота очень умело использовала местность. Если русским не удавалось с успехом завершить главный удар днем, они продолжали проводить атаки местного значения ночью. В этом случае они или сразу проводили массированные атаки, или просачивались во многих местах через немецкие позиции, которые, как правило, занимались незначительными силами.

Атаки по стыкам немецких частей, к чему русские всегда стремились (стыки они умели обнаруживать), были весьма опасными.

В 1943 году в методах наступления советских войск произошли определенные изменения. Чаще стал применяться сосредоточенный огонь артиллерии, дополняемый массированным минометным огнем. Широко стала применяться тактика просачивания. Для этого они избирали лесистые районы и овраги, заранее определенные командованием частей и подразделений. Если им удавалось просочиться, они сразу же окапывались и устанавливали минные поля. Однако в течение некоторого времени они были уязвимы, так как артиллерия и тяжелое оружие подтягивались медленно, а взаимодействие с ними резко нарушалось.

Массированное использование танков в 1944 году внесло резкое изменение в методы боевых действий русских войск. Теперь после сокрушительного огня артиллерии в наступление включались крупные силы танков, за которыми следовала пехота.

Однако до самого конца войны для русских координирование огня и движения являлось самой трудной задачей. Прорывы были глубокими и неизбежно прямолинейными. Затем делалась передышка, с тем чтобы за ночь подтянуть максимально возможное количество пехоты. Эта пехота, как только достигала исходных рубежей для наступления, окапывалась.

В 1945 году русские начали проводить глубокие прорывы с помощью танковых десантов. Эти прорывы часто бывали настолько глубокими, что нередко прорвавшиеся войска отрывались от основных сил. Но в это время русские могли рисковать, так как немцы не имели достаточных резервов для ликвидации прорвавшихся частей противника.

Хотя русские, будучи остановленными, создавали оборонительные сооружения, это не означало, что они отказывались от дальнейшего наступления. Русские всегда окапывались. Внезапность удара достигалась путем искусной и быстрой переброски сил в намеченный район сосредоточения.

Разнообразие методов разведки боем при поддержке артиллерии и танков, проводимых на широком фронте как днем, так и ночью силами до полка, наряду с получением сведений о наших войсках преследовали также цель введения немецких войск в заблуждение о времени и месте наступления... Советские войска очень искусно проводили демонстрации,

создавали ложные сооружения и имитировали любую боевую технику... Русские часто умело скрывали предполагаемый район сосредоточения своей артиллерии широкой работой по оборудованию огневых позиций и умелым использованием кочующих орудий и батарей. Они были также очень осмотрительными в отношении пристрелки, когда она не являлась методом введения противника в заблуждение.

Ведение артиллерийского огня на основе математических расчетов стало широко применяться только к концу войны. Однако, несмотря на все их усилия скрыть действительные намерения, характер действий артиллерии противника, тщательно отрабатываемый день ото дня, все же давал очень надежные данные о готовящемся наступлении».

«Вспомогательные удары и демонстрации проводились часто одновременно с главным ударом с тем, чтобы создать впечатление о большой ширине фронта наступления, а также заставить немцев дробить свои силы.

Летом 1943 года русские при форсировании Донца поставили на широком фронте дымовую завесу. Хотя это скрыло подготовку и затруднило ведение немецким войскам наблюдения, все же части 30-го армейского корпуса отбили все попытки противника форсировать Донец путем немедленного сосредоточения огня тяжелого оружия в районы дымовых завес. В то время русские еще были малоопытными в постановке дымовых завес и не прибегали к постановке ложных дымовых завес... Позднее для того, чтобы позиционную войну превратить в маневренную, командование Красной Армии сильно концентрировало свои силы, которые по численности намного превосходили немецкие на направлении главного удара, и после сильного сосредоточения огня артиллерии прорывало или отбрасывало немецкий фронт. Русское командование пыталось скрыть подготовку стратегических наступлений от немецкой разведки и поэтому проводило ее только ночью. Подготовку, таким образом, можно было обнаружить только с помощью ночной воздушной разведки. Крупные перевозки мототранспортом ночью (2000—3000 машин в одном направлении за ночь), которые обычно проводились незадолго до крупного наступления, являлись первым надежным доказательством близкого наступления русских».

Использование русскими бронетанковых войск в наступлении. «В начале войны русские бронетанковые войска играли подчиненную роль. При наступлении в 1941 году немецкие войска сталкивались только с танковыми подразделениями, которые поддерживали пехоту подобно немецким самоходным артиллерийским установкам. Русские танки действовали очень неумело и быстро уничтожались немецкими противотанковыми средствами. В контратаках, проводимых русскими, крупные силы танков как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими родами войск участвовали лишь на отдельных важных участках фронта. Примером этого может служить контрудар 14-го танкового корпуса русских в районе Расейняй.

23 июля 1941 года 4-я немецкая танковая группа, нанося удар из Восточной Пруссии, достигла р. Дубисса и захватила несколько плацдармов на ее восточном берегу. Разбитые стрелковые части противника рассыпались в огромных лесах и в полях, создавая угрозу для путей подвоза немецких войск. 25 июля южный плацдарм был контратакован силами поспешно сосредоточенного 14-го танкового корпуса. Наступавшие части корпуса смяли 6-й мотоциклетный батальон, действовавший на плацдарме, заняли мост и начали продвигаться к городу Расейняй. В бой немедленно был введен 114-й немецкий мотопехотный полк, усиленный двумя артиллерийскими дивизионами и 100 танками, которому удалось оста-

новить передовые части противника. Неожиданно со стороны противника был введен в бой батальон тяжелых танков неизвестного в то время типа. Эти танки смяли мотопехотный полк и прорвались к артиллерийским позициям. Снаряды всех видов артиллерии (за исключением 88-мм зенитных пушек) не могли пробить брони танков противника. Также не могли остановить 20 дредноутов противника и 100 немецких танков. Несколько чехословацких танков (Т-36), застрявших из-за неисправности в поле, были смяты чудовищами противника. Та же судьба выпала и на батарею 130-мм средних гаубиц, которые вели огонь до последней минуты. Несмотря на то, что по танкам имелись десятки прямых попаданий с 200-метрового расстояния, ни один из них подбит не был. Только после того как 88-мм зенитным пушкам удалось наконец подбить несколько русских танков КВ-1, они были остановлены.

Однако одному из танков КВ-1 удалось выйти на пути подвоза немецких войск, находящихся на северном плацдарме, и блокировать их на несколько дней. Первые ничего не подозревавшие немецкие машины со снабжением были подожжены танком... Попытка подбить танк с 450 м батареей 50-мм противотанковых пушек, только что принятых тогда на вооружение, окончилась тяжелыми потерями для расчетов и материальной части батареи. Танк остался невредимым, несмотря на 14 прямых попаданий. Снаряды только делали вмятины на броне. Когда была подтянута замаскированная 88-мм пушка, танк спокойно позволил занять ей позиции на расстоянии 600 м, а затем уничтожил ее и расчет прежде, чем они открыли огонь. Попытки саперов подорвать его ночью оказались также безрезультатными... Наконец, он стал жертвой немецкой хитрости. 50 танкам было приказано с трех сторон имитировать атаку с тем, чтобы отвлечь внимание танка на эти направления. Под прикрытием этой ложной атаки удалось замаскировать и оборудовать позицию для другой 88-мм зенитной пушки в тылу танка так, что на этот раз она смогла открыть огонь. Из 12 прямых попаданий этой пушки 3 пробили танк и уничтожили его.

Русские не использовали трудного положения, в которое попала немецкая дивизия из-за ввода в бой тяжелых 65-тонных танков. Их прорвавшаяся пехота не возобновила активности, а пассивно наблюдала за происходившим. Поэтому удалось отвести войска с северного плацдарма и бросить их в тыл наступавшего танкового корпуса. Это вынудило его отступить на восточный берег реки.

В дальнейшем, несмотря на то, что значительные танковые силы немцев уже охватывали его фланги и атаковали с тыла, корпус продолжал вести бои на занимаемом рубеже. В результате корпусу были нанесены тяжелые потери и он вынужден был оставить основную массу своих танков в болотах».

«Второй пример. При наступлении на Вязьму (в начале октября 1941 года) 6-я немецкая танковая дивизия, наносившая главный удар, достигла верховьев Днепра и неожиданной атакой захватила два моста. Этот маневр отрезал русские части, все еще находившиеся западнее реки, и обеспечивал условия дальнейшего продвижения на восток.

На следующий день русские попытались атакой во фланг парировать этот серьезный удар. С юга на узел дорог у Холм-Жирковского было брошено сто танков. Это были в основном средние танки, против которых немцы могли выставить только 40 легких танков и одну мотопехотную роту. Однако этих слабых сил оказалось достаточно для того, чтобы парировать опасный удар до тех пор, пока зенитная и противотанковая артиллерия смогла организовать надежную противотанковую оборону между Холм-Жирковским и южным мостом через Днепр. Расчлененные

немецкими танками при бое в лесу, русские не смогли нанести мощного концентрированного удара танками. Головные подразделения их понесли большие потери от огня противотанковых средств и их боевой техники. В дальнейшем противник неоднократно пытался нанести удары разрозненными небольшими группами, которые с успехом отражались нашей противотанковой обороной. Холм-Жирковский и мост через Днепр, а также соединяющая их дорога прочно удерживались немецкими войсками. После того как противник потерял до 80 танков, его удары значительно ослабли, и немецкие войска получили возможность возобновить наступление. Вскоре оборона русских на восточном берегу р. Днепр была прорвана. Таким образом, удар во фланг 100 русских танков, действовавших мелкими разрозненными группами, только задержал, но не остановил наступление 6-й танковой дивизии. В дальнейшем русские снова пытались нанести удар по флангу наступающей по дороге дивизии. Для этой цели они спешно подтянули танковые и пехотные части.

Танки и пехота двигались широко растянутой цепью против немецкой колонны, а артиллерия включалась в бой постепенно, по мере занятия ею огневых позиций. Но и эта атака не увенчалась успехом».

«Следовательно, хотя у русских в обоих случаях имелось достаточно сил и средств, однако достигнуть результата им не удалось.

В обоих случаях виновато было русское командование. В первом случае оно не смогло нанести координированный удар группой силою в 100 танков; во втором случае ему не удалось подготовить и своевременно организовать взаимодействие наступавших войск. Управление танковыми соединениями в бою обычно представляло трудности для русских даже в последние годы войны. Они имели мало знающих танковых командиров. В танковых войсках успех также достигался только безрассудным использованием крупных масс. Однако эта тактика терпела крах, когда немцы имели достаточно средств для обороны.

В наступательных операциях зимой 1942—1943 годов русские применяли танки уже большими массами. Так, для прорыва обороны на Донце зимой 1942—1943 годов было привлечено четыре танковых корпуса. Однако использование их было не совсем умелым. Вместо того, чтобы нанести удар на Ворошиловград по левому флангу группы армий фон Манштейна[1], где русские смогли бы добиться крупного стратегического успеха, они наносили удар по флангам временной армии, фронт которой состоял из отдельных опорных пунктов и удерживался одной пехотной дивизией, одним усиленным горно-стрелковым полком, одним полком СС, усиленным танками, одним танковым батальоном и несколькими зенитными батареями. Поэтому, несмотря на превосходство в силах, противник достиг только тактического успеха. Проведенной операцией русские показали, что они все еще не могли применить танковые соединения в стратегическом масштабе».

«Методы использования танков в наступательных операциях последних лет войны можно проследить на следующих примерах.

Зимой 1943—1944 годов на фронте 16-й моторизованной дивизии 30-го немецкого армейского корпуса значительные силы русских танков начали наступление с целью выхода в излучину Днепра южнее Днепропетровска. Танковые дивизии, за которыми следовали моторизованные войска, нанесли удар по левому флангу 6-й немецкой армии, оборонявшейся у Никополя. В то время немецкий фронт восточнее Никополя образовывал полукруг. Как только этот сильный танковый удар проник в глубину, его сила уменьшилась, так как он был расчленен. Он не достиг своей стратегической цели. Несмотря на то, что русские войска по числен-

---

[1] Группа армий «Дон». (Прим. ред.)

ности во много раз превосходили немецкие войска, 6-й немецкой армии удалось парировать удар в глубине обороны... Даже в последние месяцы войны русские совершали ошибки в управлении бронетанковыми частями. Они продолжали либо осторожно продвигаться, когда почти не было сопротивления, либо наносили глубокие, изолированные удары танками, которые не могли быть поддержаны пехотой, а поэтому не приводили к большим успехам. Русские бронетанковые войска всегда несли большие потери, когда сталкивались с сильными немецкими танковыми частями. Так, в апреле 1945 года измотанной в боях 6-й немецкой танковой дивизии удалось на равнинах в низовьях р. Марш отбросить значительно превосходящие танковые силы русских и подбить 80 танков (это, вероятно, было последнее танковое сражение).

Если бы русские бронетанковые войска, обладавшие значительно превосходящей численностью, имели бы хорошее руководство, русские смогли бы закончить войну значительно раньше».

Оборонительные действия русских войск

«**Общие положения.** Имеются две отличительные особенности русского солдата, которые присущи русскому народу и которые наблюдались в двух мировых войнах: упорство и цепкость в обороне, недостаточная гибкость и плохая приспособляемость в наступлении... На первом этапе второй мировой войны было много случаев, когда русские солдаты не оказывали сопротивления, бросали винтовки и сдавались в плен или дезертировали тысячами. Однако это происходило только при крупных боях в окружении, когда русские солдаты были деморализованы налетами немецких пикирующих бомбардировщиков и сильным массированным огнем артиллерии и сознавали невозможность успешного ведения боя. Вообще в этой войне крепкое руководство, хорошее вооружение, упор на патриотизм и страх попасть в руки противника, разжигаемый пропагандой, приводили к стойкости обороны, которая делала немецкие атаки без поддержки танков очень дорогостоящими и даже бесполезными, несмотря на артиллерийскую и авиационную поддержку. Эта способность русского солдата к сопротивлению в ходе войны увеличивалась прямо пропорционально уменьшению наступательной способности немцев. Численное превосходство русских становилось все более значительным, их вооружение по сравнению с немецким все более и более совершенствовалось, а непрерывные военные успехи поднимали их дух и уверенность.

В обороне русские с удивительной быстротой исчезали под землей. В кратчайшие сроки они создавали систему укреплений, производя большие земляные работы всех видов.

Постановка мин различных типов и проволочных заграждений занимала очень мало времени. Войска глубоко эшелонировались. Система огня быстро и четко организовывалась. Заградительный огонь создавался главным образом тяжелым оружием пехоты, особенно минометами, которые русские использовали с большим умением и в огромном количестве. Однако управление артиллерией было недостаточно гибким. В обороне упор главным образом делался на оружие пехоты, включая противотанковые пушки и самоходные артиллерийские установки, и на интенсивное использование минных заграждений».

«Во время второй мировой войны русские показали себя мастерами обороны. Они добивались отличных результатов не только в оборудовании позиций и создании мощных сооружений, но также в маскировке.

Широко используя местное население, они создавали хорошо оборудованные оборонительные позиции на большую глубину. На открытой

местности они сооружали широкие и глубокие противотанковые рвы, часто протяженностью в несколько километров. Минные поля, проволочные и другие заграждения сразу же устанавливались повсюду. Если, исходя из характера местности, ожидались атаки танков, противник создавал опорные противотанковые районы. Русские очень хорошо умели использовать населенные пункты в качестве опорных пунктов. Когда имелась возможность, русские устанавливали огневые средства для ведения фланкирующего огня.

Широко применялись кочующие орудия. Неожиданность огня достигалась главным образом тяжелыми минометами и многочисленными многозарядными установками для стрельбы реактивными снарядами.

Методичный беспокоящий огонь применялся мало.

В обороне применялся широкий маневр живой силой, но в пределах траншей, при потере части позиций всегда сразу же вводились резервы для контратак и контрударов. Контрудары и контратаки в большинстве случаев поддерживались танками. Русские редко проводили контратаки и контрудары по заранее намеченному плану, так как с точки зрения управления они были слишком трудными для них. Начиная с 1943 года русские стали усиливать свою оборону массовым использованием зенитной артиллерии и огнеметов в так называемых артиллерийских противотанковых районах, которые были отлично замаскированы и представляли опасность для танковых атак. Наблюдение днем было затруднено, так как русские днем почти не совершали перегруппировок. Вообще можно сказать, что русские оборонялись на открытой местности, а также в лесистой местности на основе твердо усвоенных принципов и проявили мало изобретательности в создании новых методов ведения боя. Они как в наступлении, так и в обороне полагались на безрассудное применение живой силы.

Другой особенностью, о которой следует сказать, является то, что русские были очень дисциплинированными в отношении открытия огня. Они спокойно дожидались подхода немцев на близкое расстояние, а затем открывали внезапный огонь. Немецким боевым дозорам приходилось быть бдительными во избежание излишних потерь. Особенно дисциплинированными в отношении открытия огня были русские снайперские подразделения.

В 1941 году при обороне Перекопских позиций в Крыму русские очень искусно и эффективно применяли для поддержки фланкирующий огонь артиллерии с моря.

Русские широко применяли мины. Как правило, минные поля ставились в 8—10 м от переднего края. Сильно минировалась местность, особенно благоприятная для подхода противника. В глубине главной полосы обороны мины устанавливались в неожиданных местах. На танкодоступной местности широко применялись противотанковые мины.

Трудности в транспортировке противотанковых мин из-за нехватки транспорта разрешались очень примитивно. При движении к фронту для смены войск каждый солдат нес две противотанковые мины. На фронте эти мины соответственно начерченному плану минирования устанавливались саперами.

В 1944—1945 годах во время наступления русские для отражения контрударов немецких танков широко применяли мины методом разбрасывания. В Южной Украине после успешного удара танков русские сразу же закрепляли захваченную местность противотанковыми минными полями, блокирующими все дороги и подходы. Только за один день было установлено 20 000 таких мин. Контратаки немцев останавливались и срывались минными полями подобного рода...

Когда русские предполагали оставить обороняемые позиции, они широко применяли минирование местности, жилых построек и различного оставляемого имущества (кухни, оружие, автотранспорт и др.)».

«Во время осеннего наступления на Москву в 1941 году русские применяли служебных собак, несущих мины, для уничтожения немецких танков. Подобно вьючным животным, собаки средней величины несли подрывные заряды, соединенные с иглой, прикрепленной к спине собаки. Собаки были научены прятаться под приближающимся танком. При этом животные ненамеренно соединяли 15-см иглу на спине с днищем танка и взрывали заряд».

«Наиболее важные районы прикрывались сильными укрепленными полосами. Например, немецкие танковые части под Ленинградом столкнулись с системой укреплений глубиной до 10 км, состоявшей из сооружений полевого типа и многочисленных дотов, вооруженных пушками и пулеметами. Встречались даже железобетонные огневые точки с убирающимся бронированным колпаком. Последние собирались из стандартных бетонных форм и готовых бронеколпаков. Бронеколпаки опускались и поднимались с помощью деревянных рычагов.

Передний край подобных оборонительных систем обычно проходил за противотанковым рвом шириной до 6 м и глубиной 3 м, протяженностью в несколько километров. Второй и третий противотанковые рвы часто оборудовались в глубине обороны, которые, в свою очередь, соединялись отсечным рвом с целью лишения прорвавшихся танков возможности охвата позиции. Противотанковые рвы охранялись пулеметными гнездами, расположенными в изгибах последних. Часто можно было встретить вблизи укрепленных позиций прегражденные дамбами реки, достигавшие 100 м ширины и нескольких метров глубины. Русские минировали все удобные подходы к их позициям.

Когда имелась возможность, перед укрепленной позицией выставлялось охранение, усиленное саперами».

«**Ведение оборонительного боя.** Русские обороняли каждую пядь земли с невероятным упорством. В начале войны оборона русских носила линейный характер. Действия артиллерии ограничивались ведением сосредоточенного огня. Но она была более маневренной, чем пехота, и использовала много кочующих орудий, которые в ряде случаев причиняли много беспокойств немцам, так как они вели огонь с одной позиции только в течение короткого промежутка времени, а затем появлялись на новом месте. Однако русским требовалось много времени для того, чтобы открыть эффективный огонь по наступающему противнику.

В 1943 году были введены новые методы действий танков в обороне и в организации противотанковой борьбы, хотя способ действия пехоты не изменился. В глубине обороны стали часто встречаться окопанные танки, которые были особенно опасны ввиду их малой уязвимости. На танкодоступной местности почти во всех случаях создавались сильные артиллерийские противотанковые районы для отражения атак танков, но они также использовались и против пехоты.

В большинстве случаев контратаки русских танков, проводившиеся без поддержки пехоты, быстро отражались немецкой противотанковой обороной. Пехота контратаковала редко и обычно слишком поздно. В остальном к концу войны в методах ведения обороны русскими не произошло значительных изменений. Реактивные снаряды, широко использовавшиеся русскими, являлись очень эффективным психологическим средством, но их поражающее действие было менее значительным. Наиболее опасным оружием продолжали оставаться средние и тяжелые минометы,

особенно после того, как в 1944 году тяжелые минометы были сведены в батальоны».

«В 1942 году русское высшее командование выделило более чем достаточные силы для противодействия немецкой группировке, пытавшейся деблокировать окруженные под Сталинградом немецкие войска (пять корпусов и одна армия против одного немецкого танкового корпуса).

Русские корпуса имели хорошую организацию, но их командование было плохим. Если бы ими умело управляли, они могли бы атаковать и разбить немецкий корпус, еще когда он форсировал р. Аксай. Однако ввод в бой русских войск по частям позволил немцам разбить их поодиночке. В последние дни русские поспешно сформировали ударную армию и бросили ее против 6-й немецкой танковой дивизии в районе р. Мышкова с тем, чтобы остановить дальнейшее продвижение дивизии. Эта армия также понесла большие потери, так как она не имела должной поддержки танков... 3-я танковая армия являлась наиболее опасным противником на пути к Сталинграду. В ней было в два раза больше танков, чем у немцев, и намного больше противотанковых средств. Моторизованные войска армии были хорошо подготовлены и сражались с удивительной храбростью. Но ни численное превосходство, ни храбрость не смогли восполнить ошибки промежуточных и низших звеньев управления. Только сообщения о крупных успехах, которые Советское Верховное Командование смогло достигнуть на Чирском и Донском фронтах, обрекло на провал удар немцев по высвобождению окруженной группировки».

«Поучительным было ведение оборонительных боев против немецких клещей у Курска в июле 1943 года (операция «Цитадель»). Истощение обеих сторон после предшествовавших боев зимой привело на этом участке фронта к трехмесячному затишью, которое оба противника использовали для пополнения своих сил и для подготовки к новым операциям. Русские ожидали наступления, точно знали направления ударов и характер наступательных действий немцев и соответственно этому подготовили свою оборону.

На наиболее опасных направлениях под Белгородом и Орлом они создали оборону невиданной до этого глубины и усилили ее всеми видами заграждений. Для противодействия неожиданным ударам танков все направления возможного прорыва были прикрыты на глубину до 50 км артиллерийско-противотанковыми районами, противотанковыми рвами и минными полями. Кроме того, на этих направлениях имелось большое количество танков. Преодоление такой обороны требовало много времени и было связано с большими потерями. Характерным было наличие большого числа запасных огневых позиций, а также и то, что основная масса многочисленной русской артиллерии располагалась настолько глубоко в тылу, насколько им позволяла их максимальная дальность стрельбы. Все это давало возможность избегать контрбатарейного огня немецких батарей тяжелых гаубиц, а в случае изменения обстановки позволяло оказывать своим войскам продолжительную поддержку, не меняя своих позиций. Русские батареи предпочитали занимать огневые позиции в лесах или садах, прилегавших к населенным пунктам. Для маневра артиллерией русские умело применяли установки реактивной артиллерии. Стратегические резервы русских были сосредоточены в районе р. Оскол, которые имели задачу нанести контрудар по наступавшим немецким войскам, после того как они будут обескровлены в оборонительных боях, а при неблагоприятной обстановке не допустить прорыва противника в оперативную глубину.

На дуге, выступавшей далеко на запад, противник оставил только слабые и худшие по качеству силы, к тому же эти направления не имели

глубоко эшелонированной обороны. В течение продолжительного выжидательного периода каждая сторона тщательно изучала друг друга. Например, русские передавали по рупору немецким частям секретные сведения о дне и часе немецкого наступления задолго до его начала, а также о двух отсрочках этого наступления. Тем не менее немецкое наступление началось на том участке, на котором его ожидали русские. Как и предполагалось, оно не переросло в стремительное наступление, а стало медленной схваткой с противником, прочно цеплявшимся за лабиринт своих траншей и дотов. Противник, не подавленный в период артиллерийской подготовки, оказывал ожесточенное сопротивление. Многие позиции занимались немецкими войсками только после продолжительного рукопашного боя с применением ручных гранат. Русские вводили в бой более значительные силы танков там, где, по их расчетам, было слабое место немецкого клина наступления».

Отступательные действия советских войск

«Методы боевых действий русских войск при отступлении, особенно в первые годы войны, в основном сводятся к следующему. Когда русские терпели поражение на широком фронте, то они восстанавливали фронт лишь после того, как отходили на значительное расстояние. Передвигались они очень быстро даже и тогда, когда отход совершался очень крупными силами. Именно в это время необходимо было преследовать их энергично и не давать им возможности возобновить сопротивление. Очевидно, им не были известны немецкие методы ведения подвижной обороны. По крайней мере этот способ ведения оборонительного боя, требующий большой мобильности и умелого управления войсками, русскими не применялся. Они всегда искали только простых решений. Когда противник решал отходить, то отход совершался всеми силами сразу на новый оборонительный рубеж, который также занимался всеми силами. Однако при отходе русские были мастерами отрыва от противника и быстрого сосредоточения после этого. Когда их преследовали немецкие бронетанковые войска, они с удивительным искусством исчезали на местности.

Даже крупные силы быстро проходили большие расстояния по бездорожью. В 1941 году некоторые стрелковые полки русских, отброшенные назад немецкими танками при переходе границы у Таурогена, вновь встретили ту же самую танковую дивизию южнее Ленинграда, после того как они совершили 800-километровый марш.

Даже в тех случаях, когда время имело большое значение, русским удавалось перегонять значительное количество скота, а также перебрасывать большое количество техники и снабжения. При отходе они не останавливались даже перед тем, чтобы сжигать до основания города и населенные пункты на своей же территории, если это шло им на пользу (политика выжженной земли)».

Боевые действия в особых условиях

«Русские систематически использовали трудности, которые создавали природные и климатические условия их страны, для нанесения максимального урона противнику. В России населенные пункты и дороги играли большее значение, чем на остальном континенте Европы. На других театрах войны ни одна отдельно взятая дорога не являлась решающим фактором, так как хорошо развитая дорожная сеть давала возможность выбора обходных путей. На Востоке же овладение одной дорогой часто являлось вопросом жизни или смерти всей армии. Конечно, населенные пункты имели также военное значение во Франции и на побережье Среди-

земного моря и являлись желаемым убежищем, однако в этих районах при наличии соответствующего обмундирования войска могли оставаться без вреда для здоровья под открытым небом в течение продолжительного времени, что было невозможно на Востоке».

«**Боевые действия в населенных пунктах.** Русские были мастерами в оборудовании населенных пунктов для обороны. В короткие сроки населенный пункт превращался в небольшую крепость. В стенах деревянных домов проделывались орудийные амбразуры, расположенные на уровне пола, и хорошо маскировались. Внутри стены усиливались мешками с песком или землей, а дома между собой и наружными оборонительными сооружениями соединялись узкими траншеями. Хотя почти все населенные пункты были битком набиты войсками, они казались немецкой разведке оставленными войсками, так как за водой и пищей разрешалось ходить только с наступлением темноты. Русские прикрывали подходы хорошо замаскированными противотанковыми пушками и окопанными танками. Подбитые танки часто использовались под наблюдательные пункты, а также как позиции для тяжелого оружия пехоты. Русские, как правило, подпускали противника на близкие расстояния и неожиданно открывали по нему огонь. Для того, чтобы не допустить тяжелых потерь в личном составе и танках, немцам приходилось во время подхода их войск подавлять окраины населенных пунктов артиллерией, танками и тяжелым оружием... Так как оборона окраин населенных пунктов быстро подавлялась вышеуказанными контрмерами немцев, русские позже стали оборудовать передний край прямо в центре населенного пункта, оставляя несколько подразделений для охраны на окраинах, обращенных к противнику. Стационарные сооружения, разрушенные артиллерийским огнем и авиационными бомбами, использовались противником в качестве оборонительных позиций. Даже самые сильные обстрелы не могли заставить русских оставить позиции. Их приходилось выбивать оттуда ручными гранатами и огнеметами... Если русские были окружены, то они оборонялись очень упорно, сдаваясь в плен лишь в редких случаях. Даже в 1941 году, когда в окружение попадали крупные группировки и положение их было безнадежным, сдача в плен сотнями тысяч была исключением.

Бои за населенные пункты приобретали еще большую роль зимой, когда населенные пункты не только являлись пунктами, где сходилось по нескольку проезжих дорог, но и давали теплое жилье для личного состава. Населенные пункты поэтому сохраняли важное военное значение и при условии применения лыжных войск, которые могли легко обходить их даже в глубокий снег. Как показал опыт, лыжники и войска, посаженные на сани, могли серьезно беспокоить противника, но они не могли решить исход боев.

Поэтому военные действия зимой носили характер боев за населенные пункты и дороги, идущие к ним».

«Во время наступления русские пытались окружить укрепленные населенные пункты с тем, чтобы концентрическим наступлением вынудить их сдачу. Только при проведении крупных операций наступающие войска обходили населенные пункты с тем, чтобы быстро захватить местность, возлагая задачу по очистке их на следующие за ними резервы».

«**Боевые действия в лесу.** Русские использовали леса для сближения с противником и в качестве районов сосредоточения перед наступлением. Они входили и незаметно и бесшумно исчезали в лесу. Узкие полосы леса, ведущие к окраинам деревень, использовались для скрытного подхода разведывательными дозорами. Опушки леса избирались в качестве исходных рубежей для наступления в массированных наступлениях советских войск... Даже небольшие прогалины использовались для размещения

огневых позиций. При необходимости русские валили деревья для создания подобных прогалин. Быстро и изобретательно они оборудовали позиции для тяжелого оружия и наблюдательные пункты на деревьях, а поэтому могли оказывать эффективную поддержку своей наступающей пехоте. Подтягивание даже средней артиллерии и танков по почти непроходимым лесам не представляло для русских трудностей... Русские использовали свои танки КВ-1 и КВ-2 в качестве таранов для валки деревьев средней величины. Приданные саперы преодолевали некоторые встречающиеся трудности, прокладывая гати через болота, и вскоре за танками могли уже двигаться артиллерия и пехота».

«При наступлении по открытой местности, покрытой небольшими рощами, русские пытались как можно быстрее достичь этих рощ. Немцы установили, что леса, так же как и населенные пункты, являлись центром притяжения для русских войск. Когда русские готовились к форсированию реки, можно было с уверенностью сказать, что оно произойдет там, где вблизи берега имеется лес или населенный пункт».

«Внутренние качества русского солдата в еще большей степени проявились при обороне в лесу. Русское командование так умело выбирало и оборудовало позиции в лесу, что они становились неприступными. На обращенных к противнику опушках леса русские выставляли только боевое охранение для охраны и прикрытия переднего края, который проходил глубоко в лесу. Передний край часто проходил параллельно противоположным опушкам леса в глубине леса в нескольких стах метрах от них. В очень больших лесах между боевым охранением и передним краем строились отдельные дзоты, предназначавшиеся для поддержки боевого охранения и введения противника в заблуждение в отношении главной полосы обороны. Дзотами русские также защищали открытые фланги. Важные подходы прикрывались эшелонированными в глубину отдельными пулеметными точками и дзотами с установленными в них противотанковыми пушками. В непосредственной близости от дзотов создавались минированные засеки и завалы. Русские также прибегали к минированию во многих местах всех обходов и просек. Эти меры значительно замедляли продвижение немцев в лесу, так как дзоты можно было взять только после ожесточенных боев, и приходилось привлекать саперов для проведения требующих значительного времени работ по разминированию. Важные передовые опорные пункты оборудовались для круговой обороны. Траншея, в которой располагались обороняющиеся, прикрытая заграждениями и минными полями, полностью окружала позицию. Немногочисленные проходы охранялись часовыми и переносными заграждениями. Центральный пункт окружало кольцо дзотов, соединенных друг с другом и с главным узлом обороны. Промежуточные позиции прикрывались проволочными заграждениями, засеками и минами.

Сеть дзотов образовывала главную полосу обороны. В главной полосе обороны все виды заграждения применялись еще шире... Дзоты и оборонительные сооружения были настолько хорошо замаскированы, что их не могла обнаружить воздушная разведка, а наземная разведка могла обнаружить их только на очень близком расстоянии. Из-за наличия системы передовых опорных пунктов и позиций охранения немецкие разведывательные группы во многих случаях не могли даже приблизиться к главной полосе обороны».

«Занимаемые значительными силами русские позиции в лесах было трудно атаковать, эти атаки всегда стоили больших жертв. Позиции были неуязвимы для атак немецкой авиации, ударов артиллерии и танков. В лучшем случае танки и самоходные артиллерийские установки можно было использовать в одиночку или небольшими группами. Часто целые

немецкие дивизии залегали перед этими позициями... В 1941 году во второй половине августа 6-я немецкая танковая дивизия должна была начать наступление с поречьского плацдарма на р. Луга. Плацдарм со всех сторон был окружен лесами, а на участке наступления находился молодой, частично заболоченный, покрытый кустарником лес. На этом участке фронта оборонялись 2-я и 3-я пролетарские дивизии. Наиболее выдвинутая позиция русских находилась в 300—400 м от немецких позиций. Окопы русских были узкие и глубокие, но не имели бруствера. Выкопанная земля была разбросана по окружавшей их болотной траве, а окопы были настолько хорошо замаскированы ветками, что ни разведывательные дозоры, ни фотографирование с воздуха не могли обнаружить их во время предшествовавших четырехнедельных боев. Проволочные заграждения не превышали скрывавшей их густой травы. Отдельные дороги, идущие из юго-западной и северо-восточной частей плацдарма, проходили через лес к находившейся за ним деревне. Эти две дороги были блокированы усиленными проволочными заграждениями, завалами и минными полями. На противоположном конце леса, на вершине песчаного холма, находилась вторая оборонительная позиция, третья позиция проходила через деревню, а четвертая — за деревней. Особенно хорошо была оборудована вторая позиция. Она включала глубокий противотанковый ров, на передней стороне которого окопались русские стрелки и были созданы дзоты для тяжелого оружия.

Немцы должны были наступать по двум вышеуказанным дорогам. По каждой дороге наступало по усиленному мотопехотному полку, поддерживаемому значительными силами артиллерии и батальоном реактивных минометов. Несмотря на очень массированный огонь, русских не удалось выбить из узких зигзагообразных траншей. Конечно, заграждений могли достичь танки, но саперы не могли заниматься разграждением под неподавленным огнем противника. Следовавшая за танками пехота безуспешно пыталась для осуществления прорыва найти слабое место. Отбрасываемая повсюду уничтожающим заградительным огнем невидимого противника, она, наконец, остановилась по колено в болоте у проволочных заграждений перед еще не известной позицией русских. Только на следующую ночь одной немецкой роте удалось по глубокому ложу ручья, сильно заросшему травой и кустарником, просочиться через заграждения. Сразу же к роте были подброшены сильные резервы, которые быстро расширили прорыв и очистили окопы и опорные пункты на западном участке через несколько часов рукопашного боя. Советские войска продолжали удерживать свои позиции на восточном участке. Немецкие войска могли ударить в тыл противника только после прорыва и захвата второй позиции. В результате ожесточенного рукопашного боя немецким войскам, наконец, удалось захватить вторую позицию и очистить дорогу. Таким образом, только после двухдневных ожесточенных боев, стоивших больших жертв для обеих сторон, эту скрытую систему обороны удалось преодолеть».

«**Боевые действия на водных преградах и в озерно-болотистой местности.** В ходе войны способность русских форсировать даже крупнейшие реки всегда была источником удивления для немцев.

Когда немецкие армии достигли летом 1941 года Днепра, задачи по преодолению этой преграды представляли серьезные трудности для немецкого командования, поскольку оно не имело представления о размерах и особенностях реки. Через несколько дней русские показали, насколько быстро и легко можно было решить эту проблему за ночь, используя подручные средства для переправы личного состава и техники на другой берег. Кавалерийский корпус переправился через реку и далеко углубился в боевые порядки ошеломленных немцев. Через два года

немецкие армии, отступавшие к тому же участку Днепра, встретились с большими трудностями, стремясь достигнуть его и переправиться через Днепр раньше русских. Сосредоточив все свои силы и средства, немцам удалось занять в полосе протяженностью в 500 км семь имевшихся мостов, но из-за недостатка переправочного имущества они смогли навести только один понтонный мост и один паром. Напротив, русским еще до подхода немецких войск к реке удалось в этом районе сбросить несколько тысяч парашютистов на 300-километровом фронте, которые захватили небольшие плацдармы и вскоре навели 57 мостов, 9 пешеходных мостиков и сосредоточили другие средства для форсирования реки. В результате на Днепре немцы имели переправу через каждые 60 км, а русские через каждые 6 км. На одной переправе в 40 км ниже Кременчуга русские создали небольшой плацдарм и приступили к круглосуточной переправе танков на плотах. Переправа продолжалась и после того, как ее начала обстреливать немецкая артиллерия и несколько плотов с танками пошли ко дну.

Русские также широко применяли мосты на пловучих опорах, которые наводились саперами. Немцы впервые научились этому от русских... Русские наводили мосты подобного типа грузоподъемностью от 5 т (как, например, мост у Рогачева, наведенный в 1941 году) и до 100 т (как, например, железнодорожный мост у Киева, наведенный в 1943 году). Через четыре дня после взятия Киева русские по этому тяжелому мосту на пловучих опорах, наведенному через Днепр, установили железнодорожное сообщение с городом.

Болота и озера также не являлись, как это видно из боев на р. Волхов, на Луге и Десне и многих других болотистых участках, серьезным препятствием для русских. Когда в феврале 1944 года создалась огромная брешь на р. Припять между армейской группой «Северная Украина» и армейской группой «Центр», русские в распутицу преодолели силами 14 дивизий этот обширный болотистый район и вышли к Ковелю...

В сентябре 1943 года 9-й немецкий армейский корпус стоял на Днепре по обе стороны от Кременчуга. Ему пришлось охранять свой правый фланг от противника, прорвавшегося в полосу соседа. Неглубокое озеро длиной в 4 км и шириной 300—500 м облегчало охрану фланга. Западный берег оборонялся слабыми силами немцев. Однажды ночью эти силы подверглись неожиданной атаке и были отброшены назад группой русских в 600—800 человек. Под покровом темноты русские перешли вброд по мелкому месту заболоченное озеро совершенно голыми, захватив с собой только стрелковое оружие и небольшой запас боеприпасов, и ошеломили немецкое охранение. Только быстро подброшенным подвижным резервам удалось окружить русских и захватить их в плен».

«**Боевые действия ночью и в условиях плохой видимости.** Русские использовали темноту и туман прежде всего для переброски войск, подготовки наступления, сооружения укреплений и подвоза снабжения. Разведка боем, а также поиски обычно проводились под покровом темноты или в туманную погоду. В этих случаях русские всегда действовали терпеливо, хитро и упорно. Ночные атаки силой до полка не являлись редкостью.

В Заполярье русские использовали диверсионно-разведывательные группы, специально подготовленные в Беломорске для действий ночью в немецком тылу. В соответствии с характером поставленной им задачи эти войска были снабжены лишь самым необходимым снаряжением. Тщательно составленные приказы предусматривали все этапы операции, и они выполнялись с точностью до буквы. В данном случае русские также проявили себя бесстрашными бойцами. В других районах атаки по опор-

ным пунктам в Заполярье прекращались только тогда, когда потери русских во много раз превышали силу гарнизонов опорных пунктов.

Типичным примером подготовленной ночной атаки является атака сибирской дивизии на 112-ю немецкую пехотную дивизию юго-восточнее Узловой в конце ноября 1941 года. После разгрузки сибирская дивизия вечером была брошена против 112-й немецкой пехотной дивизии. Захватив в ходе мелких боев в течение дня значительную территорию севернее Богородицкое, немецкая дивизия раположилась на ночлег. Ночью немецкие войска снова была атакованы. В первом эшелоне атаковавших войск действовало около 20 танков. Части 112-й пехотной дивизии впервые встретились с ночной танковой атакой и совершенно не имели средств для обороны. Когда за танками появилась наступавшая пехота, в частях дивизии началась паника. В результате войска откатились назад на несколько километров к северным окраинам Богородицкое. Для восстановления положения пришлось принимать специальные меры... Ночные атаки крупного масштаба являлись исключением. Русские предпринимали подобные атаки только тогда, когда они на это имели приказы вышестоящего командования, или если им не удалось занять важный объект днем, несмотря на массированное применение сил и средств. Ночные атаки обычно являлись атаками отчаяния, когда на карту ставилось все».

«Попытки вырваться из окружения, такие, как в районе Малориты, Вязьмы и Брянска в 1941 году, являлись другим типом внезапных ночных атак. В этом случае русские не производили длительной подготовки, а бросались на открытую местность без определенного плана. Плотными рядами они наносили удар на участке, на котором, по их расчетам, можно было прорваться. У Малориты русские после успешного прорыва потратили 36 часов на окружение и штурм удерживаемой немцами деревни. Эта деревня была в тылу у русских, и своей бессмысленной операцией они потеряли преимущество своего ночного прорыва».

«В туман и метель русские всегда активизировали действия разведки и совершали нападения на передовые охраняющие подразделения. Нередко русские силами от батальона до полка во время ливней вели разведку боем или наступали с целью улучшения своих позиций или захвата удобных исходных рубежей для крупного наступления. Зимой для подобных атак они использовали метели, особенно в южных районах. В этих случаях русским часто удавалось без выстрела проникнуть в немецкие траншеи и захватить много пленных. Русские очень хорошо знали, что восточные ветры поднимали такие облака снега, что немцы не могли ни вести наблюдения, ни целиться. Поэтому последние были практически беззащитны».

Маскировка

«Русские маскировались отлично. Своим примитивным инстинктом они отлично понимали, как сливаться с окружающей местностью, и были обучены быстро скрываться на местности. Как было указано выше, они искусно использовали темноту, растительность и плохую погоду для скрытия своих намерений. Их ночные переброски и движение в лесистой местности проводились исключительно тихо. Время от времени они поддерживали связь друг с другом, умело имитируя крики животных.

Особого интереса также заслуживала маскировка ими речных переправ путем создания подводных мостов... Русские соблюдали строгую дисциплину маскировки. Любой военнослужащий, оставлявший укрытие в дневное время, подвергался суровому наказанию, если это было запрещено из-за требований маскировки. Таким путем русским удавалось скрыть наличие войсковых соединений даже зимой, о чем свидетельствует следующий пример.

В январе 1944 года 1-я русская танковая армия попыталась неожиданным ударом занять важный железнодорожный узел Жмеринку. Удар был отражен, и армия окружена юго-восточнее Винницы. В первую же ночь она вырвалась из окружения и скрылась. Несмотря на глубокий снег и ясную погоду, нельзя было даже определить, в каком направлении исчезли русские войска. Из обстановки можно было предположить, что они скрывались в непосредственной близости в ряде многочисленных, довольно больших деревень, окруженных обширными садами. Поскольку до этого через эти деревни проходили немецкие бронетанковые войска, то след от гусениц танков не являлся надежным доказательством того, что там скрываются русские. В течение двух суток немецкая авиация искала части 1-й танковой армии и произвела отличные снимки всего района, в котором находились эти деревни. Но ни воздушное наблюдение, ни расшифровка аэрофотоснимков не дали ответа. Только на третий день, когда значительные силы немецких танков вошли в район этих деревень, было обнаружено, где укрывалась вся армия. Все танки и другие машины были отлично замаскированы в сараях, под навесами, в стогах соломы и сена, под кучами сучьев и т. п. Всякое движение днем было запрещено, с тем чтобы ничто не выдавало присутствия войск.

Перед наступлением русские широко прибегали к введению противника в заблуждение. Для того чтобы ввести противника в заблуждение в отношении времени и места планируемого крупного наступления, русские производили ложную перегруппировку сил на других участках фронта, оборудуя огневые позиции для артиллерии, минометов и реактивных минометов. Они усиливали впечатление об этом, перебрасывая на эти участки небольшие группы войск как днем, так и ночью, а также устанавливая макеты артиллерийских орудий, танков и самолетов и строя новые дороги. Известно также, что русские могли сосредоточить на не имеющем большой важности участке целую танковую армию, с тем чтобы создать ложное представление о планировании наступления в этом районе. Перебрасывая ночью машины из одного пункта в другой, они пытались создавать впечатление, что марш совершают танковые и моторизованные колонны. Пристрелка огня артиллерией и кочующие орудия также являлись наиболее часто употребляемыми русскими средствами ввода в заблуждение».

Военно-воздушные силы Красной Армии

«В начале Восточной кампании численно военно-воздушные силы Красной Армии значительно уступали немецким. Но несмотря на то, что численность самолетного парка русских в ходе войны значительно возросла, все же это не имело решающего значения на исход боев на Востоке.

Тактика русских военно-воздушных сил была негибкой и шаблонной. У русских не хватало творчества. Только в конце 1944 года и начале 1945 года можно было наблюдать признаки стратегической войны в воздухе. Русская авиация дальнего действия, которая была зафиксирована немецкой радиоразведкой еще в 1941 году, использовалась главным образом для перевозок по воздуху. Хотя военно-воздушные силы являлись самостоятельным видом русских вооруженных сил, они применялись почти исключительно в районе боя в совместных операциях с сухопутными войсками.

Немцы обнаруживали планируемые наступления русских, кроме всего прочего, по раннему сосредоточению и скоплению боевой авиации на прифронтовых аэродромах. При этом русские оказались очень большими мастерами в деле строительства запасных аэродромов. Широко используя труд местного населения и применяя наиболее примитивные

средства, они создавали аэродромы в удивительно короткие сроки. Им не мешали ни зима, ни распутица. Русские военно-воздушные силы широко применяли ложные аэродромы и макеты самолетов, а также разнообразные способы маскировки.

В бою управление и ввод в бой авиации осуществлялись с командных пунктов, расположенных вблизи фронта. Наиболее умелым было управление истребительной авиацией с земли. Однако взаимодействие между истребительной и штурмовой и бомбардировочной авиацией оставляло желать много лучшего. Истребители редко сопровождали бомбардировочную авиацию при выполнении задачи, а если и сопровождали, то рассеивались при первой же встрече с противником. Русские оказались отличными летчиками при полетах в условиях неблагоприятной погоды. Не имея приборов для слепого полета, истребители и штурмовики появлялись над полем боя в самую плохую погоду. Они любили для неожиданного нападения на противника использовать низкую облачность и бураны.

Ночные истребители русских, как правило, ограничивались налетами на заранее определенные цели и были оснащены только самыми основными навигационными приборами. Немцы были поражены, обнаружив, что русские ночные истребители почти всегда летали с зажженными бортовыми огнями.

Авиационные соединения, сосредоточенные для крупных операций, всегда после вступления в бой быстро снижали свой боевой потенциал. Количество самолетов, могущих совершать боевые вылеты, резко падало, и требовалось значительное время для возвращения их в строй».

«В соответствии с советской идеологией русские в ходе войны использовали в качестве летчиков и членов экипажа большое число женщин. Женщины летали не только на транспортных самолетах, но также и на боевых.

В заключение можно сказать, что военно-воздушные силы Красной Армии, хотя и были созданы и предназначались для выполнения больших задач, имели очень слабую подготовку. Их желание сражаться, их решительность и техническое мастерство оставляли желать много лучшего. Несмотря на постоянное количественное превосходство над немецкой авиацией, они всегда уступали ей в бою. Обычно небольшое число немецких истребителей вполне справлялось с очисткой неба от русских самолетов.

Тактическое использование военно-воздушных сил. В отношении материальной части и подготовки советские военно-воздушные силы во второй мировой войне всегда уступали немецким военно-воздушным силам, несмотря на то, что количество самолетов у русских все время росло и уже в 1942 году превышало количество немецких самолетов. Но даже принятие на вооружение новых типов самолетов не смогло решительно изменить резкого расхождения в тактико-технических данных самолетов обеих воюющих сторон. Поэтому русские военно-воздушные силы часто не играли никакой роли в войне на суше. Иногда они играли второстепенную роль, но никогда не играли такой решающей роли, какую играли военно-воздушные силы западных союзников.

В начале крупного наступления немцев на Востоке сухопутные войска наблюдали только полеты трех — четырех разведывательных самолетов, отдельных бомбардировочных эскадрилий и нескольких истребителей (одноместные истребители И-16, называвшиеся во время гражданской войны в Испании «Рата»). Они быстро становились жертвами немецких истребителей. Редко какому-либо разведывательному самолету удавалось возвратиться на свой аэродром после выполнения задания. Как только они попадали в прицел, длинная полоса дыма говорила об их уничтожении...

То же случалось и с бомбардировщиками, летавшими отдельными эскадрильями или группами в две — три эскадрильи без сопровождения истребителей.

Бомбардировщики, летевшие на бомбежку, не меняли своего курса к цели даже тогда, когда сильный огонь немецкой зенитной артиллерии создавал для них ад. Несмотря на потери, они продолжали полет к цели до тех пор, пока их не сбивали немецкие истребители. Часто случалось, что в несколько минут выходило из строя полностью вся эскадрилья... Однако вскоре кровавые уроки принесли первые плоды. Во время боев на границе русскую авиацию можно было подавить почти полностью, но позже, когда немецкие войска переправлялись через Днепр и Двину, группы русских бомбардировщиков, прикрываемые истребителями, дали себя знать. Искусно маневрируя, они неожиданно наносили удары по мостам и переправам; заходя с фланга и тыла, они вносили панику и наносили значительные потери переправлявшимся немецким войскам. Однако переправа немецких войск через эти две реки не только не была остановлена, но даже не была и задержана. На Луге русские применили свой новый метод, использовав всю имевшуюся в районе Ленинграда авиацию для уничтожения отдельных изолированных плацдармов головных частей немецких бронетанковых войск. Немцы понесли большие потери, так как их войска были сконцентрированы на узком участке и не могли использовать свою авиацию для противодействия русским из-за отсутствия связи с ней. Тем не менее тактическое воздействие было ничтожным, так как русские военно-воздушные силы действовали самостоятельно, так же как артиллерия, танки и пехота».

«Первоначальное слабое взаимодействие различных родов войск русской армии и слабая техническая подготовка вели к поражению. Русские, постепенно осознавая свои ошибки, очевидно, боролись за ликвидацию этих ошибок. Они постепенно овладевали техническим искусством. Взаимодействие между родами войск также заметно улучшалось. Тем не менее в этой области у них имелись слабые места до конца войны. Они пытались компенсировать эти серьезные недостатки путем массированного использования сил и средств также и в авиации. Однако в авиации их усилия не увенчались таким же успехом, как в сухопутных войсках. Очевидно, эта попытка в авиации вылилась в основном к сосредоточению главных усилий на направлении главного удара, что с каждым годом становилось все яснее выраженным и что особенно чувствовалось во время крупных наступлений русских в последние годы войны, когда боеспособность немецкой авиации заметно снижалась из-за нехватки горючего и больших потерь на других театрах.

Русская авиация впервые не использовала своих возможностей зимой 1941—1942 годов, когда немцы отступали от Москвы. Сосредоточение усилий большей части авиации по немецким колоннам, привязанным к нескольким свободным от снега дорогам, имело бы катастрофические последствия.

Даже во время крупного наступления русских зимой 1942—1943 годов между Доном и низовьями Днепра, а также во время отражения немецкого удара по высвобождению окруженной в Сталинграде группировки массирование советской авиации было еще недостаточным, чтобы оказывать серьезное влияние на ход событий. Координация действий авиации по времени и месту с действиями сухопутных войск, как правило, являлась исключением. Летом 1943 года массирование русской авиации было уже значительно большим, а ее действия более энергичными. Русская авиация играла важную роль в битве южнее Курска (немецкая операция «Цитадель», июль 1943 года) и в контрнаступлении

русских в августе 1943 года. Но активность их авиации скоро снизилась, и через месяц немецким армиям удалось переправиться по немногочисленным мостам через Днепр на противоположный берег, не встречая противодействия со стороны военно-воздушных сил русских.

Аналогичное массированное применение авиации повторялось в боях за Львов и Витебск в 1944 году и во время второго сражения в Восточной Пруссии в 1945 году. Однако главные усилия, которые ясно обозначались в начале, всегда вскоре теряли свою яркую выраженность.

Методы боевых действий авиации. В начале войны задачи выполнялись на большой высоте. С истребителями, штурмующими на бреющем полете, немцы впервые столкнулись на северном участке фронта, на реке Луга. Они штурмовали и бомбили мелкими бомбами батареи и походные колонны, не причиняя им значительных потерь. В сентябре 1941 года впервые появились небольшие группы советских истребителей, вооруженных реактивными установками. Однако точность их стрельбы и действенность их огня были незначительными.

Самолет Ил-2, очень эффективный и неприятный штурмовик, появился в феврале 1943 года. Его можно было определить по кабине, имевшей 10-см пуленепробиваемое стекло. Летчик был защищен стальными плитами сзади и снизу. Этот самолет был неуязвим для ружейно-пулеметного огня всех калибров. Его броня не пробивалась 20-мм зенитными снарядами. Поэтому понятно, почему эти штурмовые самолеты использовались на опасных участках и беспрестанно беспокоили сухопутные войска, совершая на них налеты на бреющем полете. Кроме того, они препятствовали переброскам моторизованных войск в дневное время и наносили этим войскам серьезные потери.

Зенитные пушки калибра 37 мм и выше не могли быть использованы против штурмовиков, так как пушки не могли вести прицельного огня по самолетам, летящим на бреющем полете и на большой скорости. В результате пришлось применять для 20-мм зенитных пушек бронебойные снаряды, которые до сих пор использовались только для борьбы с танками. Как только 20-мм зенитные пушки стали применять этот особый вид боеприпасов, русские стали нести большие потери в самолетах Ил-2.

К зиме 1944—1945 годов в русской авиации на вооружении появились в большом количестве противотанковые средства. Авиация стала представлять серьезную угрозу для немецких танков и самоходных артиллерийских установок.

В январе 1945 года во время сражения в Восточной Пруссии за один день боев русской авиацией, вооруженной противотанковыми пушками, уничтожалось, по меньшей мере, восемь самоходных артиллерийских установок.

В тот год русские самолеты также начали охотиться за немецкими поездами и отдельными автомашинами, в которых, по их предположениям, находились высшие офицеры. Охота на поезда привела к серьезным потерям на прифронтовых железных дорогах. Потери прекратились лишь после того, как на этих железных дорогах поезда были вооружены легкими зенитными пушками.

В Заполярье уничтожение поездов имело особенно тяжелые последствия. Так как у финнов было очень ограниченное количество паровозов, финское министерство железных дорог даже ставило вопрос о прекращении движения на Кемьярвской железной дороге, которая находилась под серьезной угрозой.

Охота за отдельными немецкими автомашинами также вела к потерям последних. Например, в пасхальное воскресенье 1944 года, когда командующий немецкой армией ехал к фронту севернее Бугача в Галиции, на него налетело несколько эскадрилий русских истребителей. Они

сделали несколько заходов на одну автомашину, убили спутников командующего, разбили на куски 80 бомбами автомашину и не дали возможности командующему продолжать поездку. Только, когда высшие немецкие командиры стали ездить на старых, невыделяющихся автомашинах, подобные налеты прекратились.

Дневные налеты русская авиация совершала, даже в последние годы войны, главным образом небольшими группами и бомбила с высоты от 2000 м и выше. Налеты целых соединений были исключением. Бомбометание по площади крупными бомбардировочными соединениями русским было неизвестно».

«Против живой силы авиация в последние два года войны часто применяла небольшие осколочные бомбы. Эти бомбы падали в радиусе 100 м с такой плотностью, что ни одно живое существо на данной площади не могло уйти от поражения осколками.

Эти бомбы попадали даже в узкие траншеи... Моральное воздействие их на немецкие войска было весьма сильным. Указанные бомбы применялись и для уничтожения авиации, находившейся на земле.

Советские бомбардировщики показали плохую точность бомбометания. Были нередки случаи, когда они бомбили свои войска.

В большинстве случаев при бомбардировке русские самолеты летали под прямым углом к забитой войсками дороге с тем, чтобы бомбы довольно точно попали в цель. При полете вдоль дороги часто все бомбы падали на таком расстоянии от дороги, что они не причиняли никакого вреда.

Ночные налеты бомбардировщиков носили характер беспокоящих налетов. Почти во всех случаях они совершались отдельными самолетами и против целей в прифронтовой полосе, например по расположениям войск, дорогам, артиллерийским позициям и другим пунктам. Конечно, они беспокоили, но в редких случаях причиняли большой ущерб. Для того чтобы затруднить ночным бомбардировщикам обнаружение цели, особенно в лунную ночь, немцы замазывали все покрашенные в белый цвет дома грязью, а движение совершали без огней. Подразделения зенитной артиллерии, установленные в пунктах, постоянно подвергавшихся налетам, наносили большие потери русской ночной авиации, так как силуэты самолетов при лунном освещении были хорошими целями. После этого налеты немедленно прекращались.

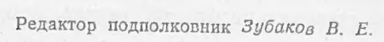
Ночные налеты на крупные немецкие объекты, такие, как станции снабжения, аэродромы, заводы, города и т. п., продолжались в течение всей ночи. Они проводились рядом отдельных самолетов, следующих один за другим через определенные промежутки времени. Полеты к цели и от нее совершались по различным маршрутам. Когда русские имели целью разрушить крупный объект, они повторяли налеты в последующие ночи. Например, летом 1944 года часть города Тильзит в Восточной Пруссии была разрушена серией ночных налетов русской авиации.

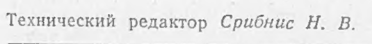
В темную ночь русские применяли осветительные ракеты, сбрасываемые на парашютах, для указания бомбардировщикам захода на цель и района цели. Однако часто войска из населенных пунктов, окаймляемых для этого прямоугольником осветительных ракет, эвакуировались до прихода первых бомбардировщиков. В других случаях ветер относил эти прямоугольники настолько далеко, что все бомбы сбрасывались в открытое поле, не причиняя ущерба.

Русские и немцы использовали для наведения прожекторы и другие световые средства. Ночные истребители противника появлялись редко и не играли большой роли.

Ошибочная ориентировка в воздухе и неумение пользоваться картой часто вынуждали русских пилотов совершать посадки в немецком тылу».

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор подполковник *Зубаков В. Е.*

Технический редактор *Срибнис Н. В.*

Корректор *Сусликова Р. П.*

Сдано в набор 24.8.55. Подписано к печати 20.10.55

Формат бумаги $70\times108\ ^1/_{16}$ — $10\ ^1/_2$ печ. л. = 14,38 усл. печ. л.

Изд. № 7/4863с Зак. № 1311

